

ФЕДЕРАЛЬНАЯ

ИНФРАСТРУКТУРА И ЭКОНОМИКА

www.kmln.ru

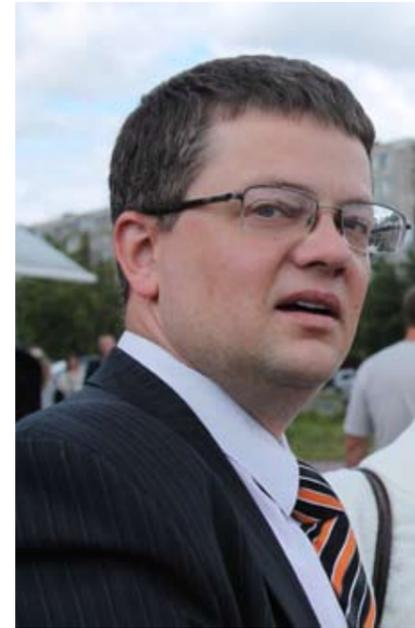
№ 35 сентябрь - октябрь 2012

строительство • транспорт • энергетика • промышленность • связь

Пусть
кризис
подождёт

СОДЕРЖАНИЕ

МУДРЕЦЫ И НАПРАВЛЕНИЯ АНАТОЛИЙ ЧАБУНИН О ВТОРОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОБЛЕМЕ	4
КОМАНДА ФАС АНДРЕЙ ЦАРИКОВСКИЙ И ВАДИМ СОЛОВЬЁВ О РЕГУЛИРОВАНИИ ЖКХ И СТРОИТЕЛЬСТВА	12
А ВОТ И ВТО. ВСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	17
МРСК: ЭТО ЗВУЧИТ НАДЁЖНО ДМИТРИЙ ГУДЖОЯН О РАБОТЕ КРУПНЕЙШЕЙ ЭЛЕКТРОСЕТЕВОЙ КОМПАНИИ РОССИИ	25
ЭКОЛОГИЯ И КРУПНЫЙ БИЗНЕС: ВОДА И ПЛАМЕНЬ	
ГУБЕРНАТОР В ТВЕРЬ, ИНВЕТОРЫ В ОЧЕРЕДЬ ГУБЕРНАТОР ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ АНДРЕЙ ШЕВЕЛЕВ	43
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ: БЕСПОКОЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО ГУБЕРНАТОРА МЕРКУШКИНА	51
РУСТЕМ ХАМИТОВ, БАШКОРТОСТАН: ТЯЖЕЛОВЕС ВОЛЬНОЙ БОРЬБЫ ЗА ИНВЕТОРА	60
НЕПРОСТЫЕ ВОПРОСЫ СЛОЖНОГО РЕГИОНА ГЛАВА РЕСПУБЛИКИ ИНГУШЕТИЯ ЮНУС-БЕК ЕВКУРОВ	66

**Дорогие читатели!**

В качестве основной темы этого номера мы запланировали обзор кризисных и предкризисных явлений — и собственно именно этот аспект, выраженный в просительной модальности, отражён на первой обложке журнала, с картинкой из российской провинции, где ребята торопливо достраивают к наступающим холодам стену. Но вот ведь какая штука: анализ материалов, которые мы использовали для журнала, показал совсем другую картину. Может быть нас и «накроет», как было в памятном 2008-м; и ещё более памятном 1998-м — но все признаки говорят как минимум о стабильности — даже пожалуй росте, хотя и небольшом. Активно продолжается и частная, и государственная стройка; руководители самых проблемных направлений искренне стараются вытащить свои отрасли из хронического отставания; активны и регионы. Будем надеяться, что наш призыв к кризису, выраженный на первой обложке, и правда срабатывает, тем более что при первых же признаках бури в экономике первым «ложится» рынок рекламный — а следовательно, отраслевые издания вновь оказываются на диете... Пожалуй, непросто лишь с одним аспектом нашей макроэкономики. Это — последствия вступления в ВТО; и последствия эти не будут сведены лишь к свинине. Слишком уж поляризованной оказывается позиция первых лиц страны и первых лиц предприятий. Понятно, что строительная отрасль, на которой в основном сконцентрировано наше издание, защитила себя системой законов и регламентов; но — есть некоторое нехорошее предчувствие, что последствия этого самого ВТО мы увидим позже. Ну да ладно; хочешь мира — готовься к войне.

С уважением главный редактор

Алексей Комольцев

Учредитель: ИП Комольцев А.В.

Адрес редакции: 198261 Санкт-Петербург,
ул. Бурцева, д. 13, кв. 62

Тел./факс (812) 910-6978, (495) 776-8190

Свидетельство о регистрации СМИ от 24.10.2006 г. ПИ
№ ФС77-25896, выдано Федеральной службой по над-
зору за соблюдением законодательства в сфере мас-
совых коммуникаций и охране культурного наследия
Издатель, главный редактор: предприниматель
Алексей КОМОЛЬЦЕВ

komolcev_av@rambler.ru

Бухгалтер: Олег НОГА

Корреспонденты: Ольга ЛОСКУТОВА, Сергей ВАСИЛЬЕВ

Дизайн: Лариса МИТРОФАНОВА

Расшифровка: Алина НЕИЗВЕСТНАЯ,

Александра ХОМУТКОВА

Редактор по рекламе: Ольга ФЕДОРОВА

komolion@rambler.ru

Корректор: Мария ДОБРОВА

<http://www.kmln.ru>

Подписано в печать 30 октября 2012 г.
Публикации, сопровождаемые блоком адресной
информации, модули на обложках журнала, и
статьи, помеченные значком ●, публикуются
на правах рекламы.

Отпечатано в типографии
ООО «Цветпринт», г. Санкт-Петербург
Роменская ул., д. 10к
Установочный тираж 3000 экз.

Мудрецы и направления

Анатолий Чабунин о второй российской проблеме

Руководитель Федерального дорожного агентства Анатолий Чабунин рассказал журналистам о проблемах качества российских дорог, о перспективах строительства, вопросах внедрения инновационных технологий, и о том, почему одна российская беда так до конца не может разобрататься со второй...

— Практически в каждом интервью Вам приходится убеждать аудиторию в том, что стоимость строительства и содержания российских автодорог не является завышенной и в России все-таки наступят времена хороших дорог. Насколько реально оптимизировать финансирование строительства и ремонта дорог и надо ли это делать?

— Делать это безусловно надо, но оптимизация должна быть разумной. Ни в коем случае нельзя в погоне за оптимизацией ставить себе это за цель и ухудшать качество. Потому что если сказать про качество, то у нас на самом деле качество прихрамывает, если говорить о строительстве новых дорог. При этом надо разделять строительство новых дорог и содержание существующей сети. В части содержания существующей сети есть большие накопленные проблемы — это накопленный годами недоремонт, это несоответствие этих объектов современным нагрузкам. Поэтому в рамках федеральной целевой программы, где предусмотрено строительство новых объектов и реконструкция существующих, в рамках решения правительства по переходу на нормативное финансирование мы ставим себе задачу — и она абсолютно выполнимая — начиная с 2014г., с момента перехода на нормативы финансовых затрат, в течение трех лет привести все федеральные дороги в нормативное состояние.

— Почему подходы в формировании стоимости дорожных объектов в западных странах и в России разные и надо ли эти подходы менять?

— Если мы собираемся переходить на международную финансовую отчетность в части бюджетной, то подходы необходимо менять. Иначе базы будут несопоставимы, и тогда у нас всегда будет возникать некая некорректность в точке отсчета. В части учета затрат по западным стандартам не учитывается стоимость подготовки территории. Это достаточно большие, существенные затраты — выкуп земли, это стоимость существующих строений, если такие имеются на данном земельном участке, это перенос существующих инженерных сетей и коммуникаций. И зачастую эти затраты на отдельных объектах, особенно тех, которые находятся в городах,



очень существенны и достигают почти половины стоимости проекта. Поэтому если мы говорим о корректности сравнения, то необходимо очищать эти затраты. Мало того, существует еще и налоговая составляющая: у нас налог на добавленную стоимость 18%. В ряде стран, с которыми любят сравнивать напрямую стоимость объектов, НДС значительно ниже. Поэтому у нас есть аналитика — она размещена на сайте Росавтодора, — где приведены стоимости дорог в сопоставимых показателях: без учета подготовки территории, без учета НДС и так далее. Поэтому вот там объективная информация, каждый желающий может ее увидеть и понять, что у нас дороги не самые дорогие.

— Как организован контроль качества выполненных работ? Есть ли здесь какие-то новшества?

— Новшества здесь нет и быть не должно, потому что если заказчик и те организации, которые, в соответствии с законодательством, имеют право контролировать качество работ, относятся к своим обязанностям добросовестно, то этого вполне достаточно. Можно менять формы контроля, нужно менять методы контроля, но главное заключается в том, что все, что положено по проекту, должно быть выполнено в полном объеме и в срок. Вот это залог качества работ. Соответственно, у нас контроль в первую очередь осуществляет заказчик, так как он является

плательщиком и у него контракт с подрядной организацией. У нас есть специализированная организация — федеральное казенное учреждение "Росдортехнология", которую мы очень часто применяем в части контроля. И, кроме того, по ряду объектов, особенно достаточно сложных, существует строительный контроль — его на аутсорсинге специализированная организация осуществляет. Ну, и, соответственно, при сдаче работ Ростехнадзор тоже проверяет качество объектов. Поэтому контроль достаточно многогранный. И если все контролирующие органы выполняют добросовестно свои обязательства, то я думаю, что этого контроля вполне достаточно, и нет необходимости вводить какие-то новые формы. Ну, может быть, только в части общественного контроля, над чем мы тоже много работаем. В этом году у нас организовался такой боевой общественный совет, и мы уже несколько тренировок с ними провели и будем дальше распространять этот опыт.

— Насколько успешным для дорожников был весенне-летний сезон? Можно ли подвести предварительные итоги?

— Весенне-летний сезон как всегда у нас характеризуется большим объемом работы — по ремонту, по нанесению разметки, по строительству и реконструкции. Это обусловлено спецификой отрасли, потому что в зимний период времени мы занимаемся в основном содержанием сети, потому что

многие виды работ, исходя их технологических особенностей, нельзя производить в холодное время. Но, тем не менее, и в зимнее время мы занимаемся экстренными ремонтами. Для этого существуют холодные смеси и так далее. Но надо понимать, что экстренный ремонт — это не панацея и это такое вынужденное мероприятие для того, чтобы летом сделать нормальный ремонт. Это как временная промба у дантиста, так можно охарактеризовать эти ремонты в зимнее и осеннее и в весеннее время, когда существуют неблагоприятные условия, но при этом еще надо обеспечить безопасность движения. Что касается летнего периода, то у нас весной этого года было много разговоров о том, надо ли вводить весенние ограничения или не надо. Я считаю, что обязательно надо, и во всех цивилизованных странах мира такие ограничения применяются. А учитывая состояние нашей сети, то не просто надо, а крайне необходимо, и не только на федеральной сети, но и на региональной и так далее. И поэтому пользователи и перевозчики должны с пониманием относиться к этому процессу, потому что именно в весенний период самые существенные деформации происходят, если допустить движение тяжеловесных грузовиков. Поэтому, в соответствии с приказом, у нас обычно ограничивается движение на участках дорог. Но мы стремимся год от года эти участки сокращать. Почему? Потому что, в соответствии опять же с принятыми правилами, объемы финансирования увеличиваются, и увеличиваются не только объемы финансирования, но и физические объемы ремонта и капитального ремонта. И в соответствии с этим количество проблемных участков сокращается. И весной 2013г. мы увидим, что у нас уже появятся маршруты, на которых будет вводиться ограничение не 6-8 тонн на ось, а уже 10-11,5 тонн на ось. Это такое существенное достижение, это мы выполняем свое обязательство в рамках договоренностей, в том числе с международными перевозчиками, что мы будем в первую очередь формировать международные транспортные коридоры и чтобы они наименее ограничивались, скажем так. Поэтому в 2012г. у нас ремонт сети прирос более чем на 1 тыс. км, и я думаю, что все пользователи это увидели и ощутили, при том, что общий объем — 7,5 тыс. км. Это такая палка о двух концах — с одной стороны, прирастает ремонт, но и в то же время за счет этого летом увеличится количество участков и протяженность их, где ограничения в движении для автомобилистов. Но так как это для их же блага — и тем более мы на сайте размещаем информацию, также информация размещает-

ся у нас на "дорожном радио" и в других СМИ, — то считаю, что такие вот неудобства можно минимизировать, особенно если человек, отправляясь в дальнюю поездку, своевременно зайдет на сайт, послушает радио и так далее и выберет оптимальный маршрут. Поэтому в завершение сезона приношу (извинения) за те неудобства, которые были связаны с проведением ремонтных работ. Надо понимать, что это необходимо, что это делается для того, чтобы езда была безопасной, комфортной и достаточно быстрой. Почему говорю достаточно быстрой? Потому что есть такой парадокс российский, что у нас на хороших, отремонтированных участках дороги повышается аварийность, люди начинают нарушать скоростной режим. Только по этой причине недисциплинированности водителей происходят несчастные случаи. Поэтому хотелось бы еще раз, пользуясь большой аудиторией, обратиться к пользователям, чтобы убедить их, что скоростной режим нарушать нельзя. Эти правила написаны кровью, без приукрас.

— Федеральные испытательные центры, о которых шла речь, должны заработать? Когда и как будет выстроена система?

— Они неизбежно заработают. На сегодняшний день сформулировано техническое задание на формирование таких центров, оно должно быть уже размещено на сайте Росавтодора. И как только техническое задание пройдет необходимые процедуры, будут проведены торги в установленном законом порядке, и та организация, которая победит в результате торгов, будет нам формировать как раз те требования, которые будут применены в каждом из испытательных центров, или так называемых полигонов. На сегодняшний день мы видим четыре основных позиции, при этом мы здесь объединили усилия с государственной компанией "Автодор", и они будут заниматься обустройством такого полигона в Южном федеральном округе в районе Ростова-на-Дону. Мы берем на себя Северо-Запад, горный кластер и берем на себя Якутию, где у нас будет полигон по вечномерзлотным участкам. Вот такие решения приняты, процесс идет. Ускорять его возможности нет и, наверное, нет необходимости, потому что здесь спешка не нужна, нужно всестороннее изучение мирового опыта, в первую очередь, и применение его на наших площадках. Поэтому мы движемся в соответствии с тем сроками, которые сами себе запланировали и которые поставило нам правительство Российской Федерации. В 2012-2013гг. это формирование технического задания, выработка критериев отбора и тех

По ряду объектов, особенно достаточно сложных, существует строительный контроль — его на аутсорсинге специализированная организация осуществляет. Ну, и, соответственно, при сдаче работ Ростехнадзор тоже проверяет качество объектов. Поэтому контроль достаточно многогранный. И если все контролирующие органы выполняют добросовестно свои обязательства, то я думаю, что этого контроля вполне достаточно, и нет необходимости вводить какие-то новые формы. Ну, может быть, только в части общественного контроля, над чем мы тоже много работаем.

мероприятий, которые будут применяться на каждом из полигонов; в 2013-2014гг. это уже обустройство непосредственно полигонов. И уже к концу действия программы развития транспортной системы — а она у нас заканчивается в 2015г. — мы получим те самые полигоны, о которых с вами говорим.

— Как все-таки повысить качество дорожных работ? Реально ли приблизить качество российских дорог к мировым стандартам?

— Реально, совершенно реально. Вновь построенные участки с применением современных технологий соответствуют мировым стандартам. В прошедшую пятницу мы с общественным советом осуществили поездку в район Переяславля Залеского и



проехали по участку дороги М-8 "Холмогоры", который был построен 3 года назад. Вот за эти годы эксплуатации на этом участке мы не обнаружили каких-то существенных дефектов. Да. Есть небольшой износ верхнего слоя покрытия. Это естественно, там очень высокий трафик и интенсивное движение автотранспорта. Со временем когда-то верхний слой будет изнашиваться и будет появляться колея. Но на сегодняшний день этот участок соответствует всем нормативным показателям. Поэтому наши строители умеют строить и строят на самом деле. Просто вопрос в другом – этих участков меньше, чем старых. И, соответственно, широкий круг пользователей видит те, другие участки, и в основном это претензия в городах, в населенных пунктах и т.д., где на протяжении многих лет к объектам никто не подходил, а занимались только так называемым "ямочным" ремонтом, латанием дыр и т.д. Но теперь создана нормативная база для того, чтобы заниматься этим системно, и мы на федеральном уровне для своих федеральных объектов четко понимаем эти сроки. И эти сроки (мы уже говорили), начиная с 2014г., – это трехлетний период. По истечении 3-летнего периода все федеральные дороги будут соответствовать нормативным требованиям. За исключением одного, пожалуй, — пропускная способность, потому что за счет ремонта расширения дороги нельзя сделать. Вот качество покрытия, коэффициент сцепления, прочностные характеристики – это будет достигнуто, а такой показатель, как пропускная способность, не достигается ремонтом, а достигается реконструкцией. Но основные показатели, которые волнуют пользователей, будут достигнуты. Поэтому это вполне реальная и посильная задача, и для этого у нас есть все – у нас есть нормативная база, понятный горизонт планирования с уже принятыми объемами финансирования, у нас есть мощные подрядные организации, которые оборудованы техникой по всем последним мировым достижениям. И остается последнее – приложить руки, чем мы, собственно, сейчас и занимаемся.

— Если говорить о каких-то технологических нововведениях, которые сегодня используются при строительстве и ремонте автодорог, что бы Вы отметили особо?

— Вы знаете, вот мне не совсем нравится, когда вот каждый до чего-нибудь новое придумывают — вот должны быть технологические нововведения. Совершенству пределов нет, это правда. Но вот, путешествуя по Германии буквально летом этого года, я увидел тоже такое технологическое нововведение — когда откос укрепляется фашинами, связанными из растущих кустарников. Вот кустарники порубили в полосе отвода, связали из них такие длинные метелки и укрепляют откос, связывают крест-накрест, засыпая затем землей. Мне кажется, такое нововведение очень интересно. Вот мы применяем различные полимеры, геосетки, георешетки и так далее — это хорошо, но почему-то немцы взяли и применили старый дедовский

способ. Здесь есть две вещи. Это реально укрепит откос, потом будет засев трав, травы пустят корни, со временем этот кустарник перепрет в нормальных условиях и мы получим еще и удобрения. И никакого постороннего вмешательства в экосистему. То есть задача будет выполнена очень таким, казалось бы, дедовским способом. Мы говорим: вот новая технология. Ну давайте везде будем георешетку применять! Может быть, все-таки не надо стремиться за модой — надо разумно применять все возможные, в том числе и старые? приемы.

— Скажите, а вот этот, например, прием вы взяли на вооружение?

— Конечно, мы уже своих озадачили. Потому что это бюджетный, эффективный прием. Кустарники все равно мы сводим, осталось их только связать и уложить аккуратно. Поэтому такие технологии, я считаю, тоже имеют право на жизнь. Это не призыв к прошлому веку, это, наоборот, стремление к экологичности. При этом результат достигается тот же: нам важно, чтобы откос был укреплен, чтобы он не сползал на проезжую часть и радовал нас красивой зеленой травкой. Так вот, такой прием позволяет это сделать. А на геосетке, на георешетке не всегда такое получается, обычно производится обсыпка щебнем. Тоже нормальный прием, то есть он не позволяет размываться откосу, но, на мой взгляд, трава выглядит гораздо эстетичнее. И, наверно, это экологичнее. Поэтому нельзя стремиться, чтобы обязательно что-то новое. Надо применять все новые приемы, при этом совершенствовать старые и добиваться высокого качества. Я видел в Германии также так называемый наш ямочный ремонт, но сделанный несколько по-другому. Визуально явно видно такие аккуратные квадратные заплатки, но, проезжая по этим заплаткам, вы ничего не ощущаете. То есть стык таким образом отработан, что нет перепада высот, и вы никакого дискомфорта не ощущаете. Вот это что? Ведь у нас те же технологии, те же самые материалы и только руки наши. Поэтому наши руки надо научить делать, как в Германии делают. И мы достигнем такого же эффекта. Подготовка кадров — это важнейшая составляющая на сегодняшний день. И если мы раньше говорили, что у нас не хватает денег, что у нас нет техники и т.д., то вот эти составляющие некачественной работы уходят в небытие благодаря принятым решениям руководства страны. Теперь главная задача, номер один — научить инженеров, научить рабочего человека относиться к своей работе взвешенно и добросовестно и получить такой же результат, как в Германии, ну или в Европе, скажем.

— Сколько средств в этом году было направлено на строительство сельских дорог? Удовлетворены ли Вы объемами работ, проведенных в весенне-летне-осенний период?

— Что касается сельских дорог, я считаю, что принятое решение о выделении федеральной поддержки по годам — 5, 6, 7 миллиардов с последующей индексацией — это важнейшее решение, которое состоялось в наше время. Потому что никогда так системно к проблеме села не подходили. Мало того, в соответствии с инициативой правительства РФ, в Бюджетном кодексе зафиксировано обязательство субъектов не менее 5% регионального дорожного фонда отдавать на село. Таким образом, собирается серьезное финансирование — порядка 20-25 миллиардов в год для того, чтобы решать проблемы села. Когда мы формировали программы модернизации и развития транспортной системы, мы исходили из предпосылки, что у нас порядка 40 тыс. населенных пунктов не соединено дорогами с твердым покрытием. При этом в этих населенных пунктах проживает ограниченное количество жителей, различен транспортный разрыв и так далее. А так как денег было ограниченное количество, мы остановились на так называемых критериях "5-125". Что это значит? Это транспортный разрыв не более 5 км и количество жителей в населенном пункте не менее 125 человек. Почему именно эти критерии были? Это не

просто игра цифр — это те критерии, которые позволяют теми средствами, которые государство сможет выделить на эти цели, охватить наибольшее число жителей. И эта задача сегодня выполняется в рамках реализации программы. В прошлом году было 5 млрд из федерального бюджета плюс софинансирование из субъектов, построили чуть больше 500 км дорог с твердым покрытием. В этом году 6 млрд руб., и мы построим больше 600 км дорог с твердым покрытием. Почему я так уверенно оперирую цифрами — потому что федеральная поддержка исходит из еще одного критерия — не более 10 млн на километр. Вот 10 млн — это километр, это к тому, сколько стоят наши дороги. Как правило, это двухполосная дорога с асфальтобетоном или в щебеночном покрытии. И в зависимости от принятого решения — какое покрытие, какой рельеф местности — стоимость сельских дорог варьируется таким образом: от 7,5 млн руб. за километр до 40 млн за километр. Еще раз подчеркиваю — в зависимости от рельефа местности, в зависимости от количества водопропускных сооружений и так далее. Поэтому федеральная поддержка — 10 млн. Если субъект считает при стоимости, скажем, в 40 млн за километр, что это важно, это точка роста и так далее, они добавляют большую сумму, нежели соседи, которые будут более дешевые объекты реализовывать. Поэтому очень важная программа, я рад, что она пошла у нас, и теперь субъекты целенаправленно готовят проектно-сметную документацию. У нас представлены заявки уже на 2013г., идет работа с Минсельхозом по рассмотрению этих заявок, этот процесс не обратим. Все регионы активно включились в этот процесс. И так как мы начнем достаточно быстро реализовывать эту программу, вопрос стоит об изменении критериев. Поэтому мы обсуждаем, в какую сторону изменять критерии — либо понижать количество жителей и оставить пятикилометровый разрыв, либо увеличить разрыв. Я думаю, что увеличение разрыва от 5 до 10 км будет очень актуально для регионов, которые находятся за Уралом, то есть Сибирь, Дальний Восток, потому что там большие расстояния, а населенные пункты там достаточно крупные и серьезные. Поэтому, возможно, в программе будет и разный подход, в зависимости от местоположения субъекта. Все это будет обсуждаться, и новые критерии будут отработываться, публично причем.

— Давайте из регионов вернемся в Москву, поговорим о Московском транспортном узле, том состоянии дел, которое есть сейчас, и перспективах, которые завязаны на Росавтодор.

— Московский транспортный узел — это такой гордиев узел, достаточно сложный и проблемный участок нашей работы. Он характеризуется не только высокой плотностью населения, здесь самый высокий трафик в России. У нас на участках федеральных дорог на въезде и выезде в Москву интенсивность движения достигает практически на всех федеральных дорогах 100-120 тыс. автомобилей в сутки. Это очень серьезная цифра, и без слаженных мероприятий, скоординированных нами с городом Москвой и с Московской областью, здесь ничего сделать не возможно. То есть локальные мероприятия ничего не дают. Мы в этом можем убедиться, скажем, на нашем объекте — вот Королевская и Мытищинская развязка. Вот сделали нормально, въезд в Королев — хорошо, в Мытищи — хорошо, выезд, но дальше проехать невозможно, потому что здесь узкий подъезд к МКАДу, дальше идет Тарасовка. Кто ездил по дороге М-8, те знают. Получается такое бытовое горло с расшивкой в два крупных города. Поэтому здесь только совместная работа может привести к расшивке этих узлов. Мы эту работу проводим, у нас сегодня уже заключен контракт по строительству обхода Тарасовки и реконструкции головного участка дороги М-8. Это что касается дороги М-8. У нас идет широкомасштабная реконструкция дороги М-9 "Балтия". Кто проезжал по Новой Риге, тот видел, какие работы развернуты с реконструкцией двух мостов через Москву-реку, через реку Истра. Там несколько путепроводов, которые пересекают и железную дорогу, и региональные дороги для обеспечения связи. Поэтому очень серьезный объект, и сегодня там, конечно, присутствуют определенные затруднения в движении. Пользуясь случаем, приношу извинения за те неудобства, которые мы причиняем пользователям. Но так как цель одна — расшить там движение и улучшить транспортную ситуацию, придется потерпеть, другого варианта у нас нет. Для того, чтобы развязать этот транспортный узел, создан координационный совет, его возглавляют руководители Москвы и Московской области и министр транспорта РФ. Идет непрерывная работа в части координации наших мероприятий и в части отработки новых подходов. Вы, наверно, уже видели публикации, в том числе зарубежные, которые говорят о том, что, даже если мы будем все время расширять и строить пропуски в городе Москве, проблема будет усугубляться. Это действительно так, и сегодня город Москва принимает непопулярное решение, и это тоже на сайте есть, что с какого-то времени будет ограничено движение грузовиков по МКАДу и т.д. Эти мероприятия неизбежны в этом

Московский транспортный узел — это такой гордиев узел, достаточно сложный и проблемный участок нашей работы. Он характеризуется не только высокой плотностью населения, здесь самый высокий трафик в России. У нас на участках федеральных дорог на въезде и выезде в Москву интенсивность движения достигает практически на всех федеральных дорогах 100-120 тыс. автомобилей в сутки. Это очень серьезная цифра, и без слаженных мероприятий, скоординированных нами с городом Москвой и с Московской областью, здесь ничего сделать не возможно.

мегаполисе, потому что нельзя бесконечно что-то расширять. Нам некуда расширяться в городе Москве, и на самом деле московские дорожники, я считаю, что они героические люди, потому что им приходится, во-первых, работать по ночам. Во-вторых, постоянно под давлением, потому что даже ночью движение в городе не прерывается. И, в-третьих, в научно-дорожной сети города огромное количество коммуникаций. Это и канализация, и водопроводные сети, теплоснабжение, газ и что угодно, и под землей нет, наверно, ни одного метра, чтобы там ничего не было. Поэтому тот, кто понимает, те не могут сравнивать 1 км реконструкции дороги в Москве со стоимостью реконструкции дороги в Китае в чистом поле. Многие очень любят такое при-

менять – вот, стоимость реконструкции дорог в Москве сравнивают с адронным коллаиде-ром. Это несравнимые величины, потому что при реконструкции приходится проводить массу мероприятий – переключение газа, воды и т.д. А все это стоит денег, и поэтому надо с пониманием относиться к вопросу стоимости и к тем трудностям, с которыми реально работают дорожники в г.Москве. И вот координационный совет создан, есть план мероприятий, который рассматривается с четкой периодичностью, возникают новые мероприятия, корректируются старые, и это приводит к тому, что в Московском транспортном узле жизнь начинает налаживаться. Но есть единственный минус – это то, что в РФ, что бы мы ни делали, я еще раз говорю, ежегодно 3-4 млн автомобилей прирастает. Поэтому ограничения в столице, ограничения к крупным областным центрам неизбежны. Вопрос только в том – когда и в каком виде это будет? В виде платы за въезд, как сделали это в Лондоне. В виде экологических требований, как это есть во многих городах Германии, когда автомобиль с показателями, которые не соответствуют экологическим требованиям, не имеет права въехать в зеленую зону, за это там серьезные штрафы и т.д. Конечно, надо заниматься и парковками, и стоянками отдыха для водителей большегрузных автомобилей, логистическими схемами, потому что в мегаполис ежедневно надо завозить продукты питания, продукты потребления для людей и т.д. и те решения, которые принимаются, в том числе и с использованием возможности железной дороги, с использованием возможности реки, надо эффективно применять.

— **Каков объем Федерального дорожного фонда в 2012г.? Как и на что эти средства будут расходоваться?**



— Я буду говорить тогда не о Федеральном дорожном фонде, а о тех объемах, которые находятся в Росавтодоре. Потому что у нас есть еще государственная компания, у нее свое руководство, свои объемы финансирования. Здесь, наверное, важно даже говорить не о величине федеральных средств, а об их структуре. На сегодняшний день очень важно, что у нас меняется структура. Если у нас в предыдущие годы порядка 150 млрд ежегодно уходило на строительство и реконструкцию — здесь цифры примерно одинаковые, плюс-минус 10 млрд, я думаю, это незначительно влияет на результаты — это текущие расходы — содержание, ремонт, капитальный ремонт — были на весьма, так сказать, неблагоприятном месте. И мы говорили, что у нас было 30% финансирования на эти цели и так далее. То есть сегодня ситуация, благодаря принятым решениям правительства, меняется, и у нас начинают возрастать объемы финансирования текущих расходов. И это очень важно, чтобы привести существующую сеть в нормативное состояние. Так вот, в 2012г. уже у нас 107 млрд на текущие расходы и 154 млрд на стройку, то есть эти цифры начинают сближаться. А в 2013г. они практически уравнились. Это говорит о том, что мы медленно и неизбежно идем к нормативному финансированию текущих затрат, и это хорошо, это позволит привести всю сеть в нормативное состояние. Что касается стройки — у нас происходит некое замещение. То есть у нас были очень крупные объекты — объекты саммита, объекты Олимпиады — они такие локальные и очень дорогостоящие, километража особенно не дают, но грандиозные объекты на самом деле, уникальный мост построили. И мы переходим медленно уже на программные мероприятия, отходя от этих сверхзадач к текущим

задачам, и у нас будет уже прирастать сеть новыми вводами, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, у нас действует программа реконструкции непригодных для ремонта мостов. Ни для кого не секрет, что огромное количество мостов на федеральной сети, и еще большое на региональной и муниципальной сети находятся в ненормативном состоянии, некоторые даже уже в аварийном состоянии. Мы это мероприятие назвали "реконструкция ремонтонепригодных мостов" и медленно, но верно этим занимаемся. По 5-6 мостов вводим ежегодно. Это не мост через Волгу, это небольшие мосты, через небольшие реки — сибирские и в Якутии, и т.д. Но это очень важно, потому что мост является барьерным объектом, и если нет моста — то все! Дорога, даже если плохая, по ней все равно возможно ехать. А вот если нет моста и нет никакой переправы, то возникает такая определенная проблема. И что еще очень важно в нашей программе, что 6-7 млрд руб. каждый год предусматривается на обустройство, называется мероприятие "комплексное обустройство дорог". В чем это заключается? В том, что в предыдущие годы строили дороги — проезжую часть. И сегодня на федеральной сети есть недостаток пешеходных переходов разных уровней, недостает барьерного ограждения в опасных местах, недостает освещения по населенным пунктам. Большое количество федеральных дорог проходит по населенным пунктам, и, как правило, это связано с безопасностью движения, и если нет освещения и барьерного ограждения, то это чревато при ДТП человеческими жертвами. И вот это очень важная статья расходов. Она ежегодно корректируется, мы с ГИБДД проводим работу по определению мест концентрации ДТП и разрабатываем мероприятия по их ликвидации. Эта работа проводится, и мы ежегодно вводим много километров барьерного ограждения, линий освещения, пешеходных переходов и т.д. Так что важно не сколько средств в бюджете, а важна структура расходов.

— **На дороге "Уссури" одна из подрядных организаций на аукционе выиграла объект со снижением стоимости на 37% — все из-за того, что 94-й закон еще действует. Предполагается, что с принятием закона о федеральной контрактной системе будет введен трехлетний горизонт планирования и о проведении аукционов будет объявляться на 3 года вперед. Какой выигрывает от этого получают подрядные организации?**

— Давайте начнем с того, что трехлетний горизонт планирования у нас уже сегодня есть: у нас трехлетний бюджет и горизонт пла-

нирования есть. Но как объявить аукцион, который мы планируем в 2014г., я не представляю себе. Почему? Потому что на этот проект еще нет проектно-сметной документации. Поэтому трехлетний горизонт планирования и проведение аукционов через 3 года — это несвязанные вещи. Есть трехлетний горизонт планирования, и под него мы отработываем мероприятия. Мы под него готовим проектно-сметную документацию, и когда она пройдет все этапы, когда она готова и получит положительное заключение экспертизы, только после этого можно объявлять торги, тогда появляется стоимость объекта. До этого это сделать невозможно. Что касается понижения — нас в принципе, как налогоплательщиков, должна радовать ситуация, когда есть подрядная организация, которая существенно снижает цену объекта. Весь вопрос только заключается в том, что это снижение не должно быть в ущерб качеству. И, на мой взгляд, очень большое снижение, демпинг (во всем мире существует антидемпинговое законодательство, это явление там тоже есть) — это плохо, потому что неизбежна потеря качества. Если проектировщик объективно посчитал стоимость объекта, а потом объект прошел экспертизу и все процедуры, связанные с бюджетной эффективностью, то цена достаточно правильная, и существенного снижения не может быть, если не появляются новые технологические решения. Или если подрядчик — монополист по производству какого-то вида материалов, и он всем будет продавать по 3 рубля, условно говоря, щебень, а себе по 3 копейки, — вот тогда есть возможность для серьезного снижения. Потому что объект стоит в основном ровно столько, сколько стоят все его составляющие: есть подготовка территории, есть процедура оценки земли, есть процедура оценки имущества, переноса коммуникаций. Есть понятные цены на рынке, которые нас не всегда радуют, которые мы считаем, что тоже несправедливы — там на инертные материалы. Есть транспортная составляющая — на какую дальность возят эти самые инертные материалы и так далее, есть там стоимость битума. И есть строительномонтажные работы, вот там-то у подрядчика есть люфт, он может там за счет интенсивного или высококвалифицированного коллектива снизить расходы на заработную плату. Один сварщик сделает столько же, сколько пять других, условно говоря. Поэтому экономят. Но это не раз. Поэтому меня всегда такие конкурсные предложения напрягают. Здесь два варианта – либо проектная организация неверно посчитала стоимость проекта и потенциальный подрядчик увидел, что есть реальная возможность без снижения качества

демпингнуть, выиграть контракт и построить объект, либо это просто спекулятивная какая-то вещь, которую потом надеются отыграть за счет чего-либо – применить не те материалы или еще что-то. Вот это непозволительно. Но здесь грань должна быть очень четкая. А что касается выхода закона – ну когда выйдет, тогда и выйдет, а пока мы играем по тем правилам, которые есть.

— **Буквально недавно завершился грандиозный инфраструктурный проект, приуроченный к проведению форума АТЭС на острове Русский. Сегодня на повестке дня актуальным остается другой проект — подготовка Сочи к Олимпиаде. Как Вы оцениваете дорожное строительство по срокам и качеству, чтобы не было инцидентов, которые были на острове Русский?**

— Инциденты были на подходе к острову Русский — это объект региональный, не будем на этом останавливаться. Что касается Сочи: вы знаете, на самом деле это самая сложная стройка, сравнимая с БАМом. Только у БАМа сложности были природно-географические, а здесь они связаны с социумом: строим в городе, практически идем по головам живущих людей, это нельзя отрицать. Вся территория пронизана инженерными коммуникациями, всякими различными связями. Крайне сложный объект. Самое главное, что там очень сжатые сроки. Сложная процедура по выкупу земли и освобождению территории непосредственно для строительства. Поэтому я уже как-то говорил, что мы проект организации строительства (ПОС) сделали не так, как надо строить, а как можно строить. То есть желательнее было бы очистить всю площадку, приступить к фронту работ и каким-то образом двигаться. Но в Сочи приходится двигаться по-другому. Есть там 100 кв. м под опору — делаем опору путепровода. Вторую не делаем, потому что земля еще не выкуплена. Начинаем делать не ту, которую хотелось бы сразу, одновременно, а там, где есть земля. И самое главное, что технологии производства работ приходилось четко соблюдать, чтобы не нарушить качество. Кроме того, очень большая экологическая нагрузка: за каждое срубленное дерево в городе Сочи — а там все-таки вырубали часть деревьев — мы высаживаем три дерева. Это тоже опять к стоимости объекта. Как известно, посадка деревьев тоже денег стоит. И когда у ответственности города были сомнения, мы собрались у мэра, и я предложил им контролировать процесс высадки и приживаемость деревьев. Для того, чтобы если что-то где-то не прижилось — а такое тоже возможно, мы же все у себя на дачном участке садим, что-то

Инциденты были на подходе к острову Русский — это объект региональный, не будем на этом останавливаться. Что касается Сочи: вы знаете, на самом деле это самая сложная стройка, сравнимая с БАМом. Только у БАМа сложности были природно-географические, а здесь они связаны с социумом: строим в городе, практически идем по головам живущих людей, это нельзя отрицать. Вся территория пронизана инженерными коммуникациями, всякими различными связями. Крайне сложный объект. Самое главное, что там очень сжатые сроки. Сложная процедура по выкупу земли и освобождению территории непосредственно для строительства.

приживается, что-то не приживается. Поэтому надо понимать, что то же и в стройке. А там даже похуже: после строительства там какие-то строительные отходы могут попадаться, и грунт весь перевернут с ног на голову. Поэтому это чрезвычайно сложные по реализации объекты, но надо сказать, к чести наших подрядных организаций, которые работают на объектах Федерального дорожного агентства (я не хочу говорить за всех), эта задача выполняется в сложнейших условиях. Причем одна из сложностей, что там идет нехватка строительных материалов, потому что пропускная

способность железной дороги полностью исчерпана. И туда Минтранс вынужден был поставить дополнительные паромы и т.д., использовать все средства доставки строительных материалов. Это очень сложно, когда на таком сравнительно небольшом пятке возводится огромное количество объектов. Надо завезти материалы. Мало того, вот этот внутрипостроечный транспорт весь он вносит определенную суматоху, мешая друг другу. Для этого была создана специальная дирекция, которая руководит процессом. Очень много приемов в части инноваций, ведь инновация — это не только технологии, а это и организация строительства. Все, что в мире существует, там применяется. Поэтому я считаю, что наши строители работают там на должном уровне, с поставленными задачами они справляются, и выражаю уверенность в том, что все объекты, которые правительство закрепило за Федеральным дорожным агентством будут введены в установленные олимпийским графиком сроки.

— В 2004г. введено 7 тыс. км автодорог. За 2004-2011гг. финансирование дорожного хозяйства увеличено более чем в 3 раза. Введено 221 км новых объектов. Что произошло с ценообразованием? Программа модернизации транспортной системы предусматривает строительство 500 тыс. км дорог общего пользования для формирования опорной сети. При нынешних темпах строительства (500 км за 2011г., по Вашим данным), сколько тысячелетий нужно для преодоления одной из российских бед?

— Я открою подсказку и обращусь не к утверждениям, сколько было дорог сдано, а к реальным документам. Называется это "Статистическая форма отчетности 1 ДГ". Так вот, согласно этой форме отчетности, на 1 января 2004г. федеральных дорог было 46 тыс. 846 км, а на 1 января 2005г. — 46 тыс. 736 км. То есть ни о каких 7 тыс. км речь идти не может. Может быть, Игорь Николаевич путается в воспоминаниях в части того, что были приняты дороги от субъектов РФ, и здесь есть отдельная графа, в которой написано сколько и за какой период дорог сдавалось, построенных и реконструированных. Вот на 1 января 2003г. — 170 км, на 1 января 2004г. — 157 км, на 1 января 2005г. — 322 км. То есть таких гигантских цифр никогда не было. Так что откуда эти цифры, не совсем понимаю. Путаница связана с приемкой дорог от субъектов РФ. На приемку денег не требовалось, приемка осуществляется бесплатно. Что касается ввода после 2004г., то я скажу, что, согласно этой же статистической отчетности, самые большие вводы у нас были в 2010 и в 2011гг. — это 990

Росавтодор — не контрольный орган. Поэтому контролировать и проводить проверочные мероприятия, причем на объектах, которые нам не принадлежат, — это вне наших полномочий. Я думаю, что контрольные органы сейчас занимаются этими вопросами, если вы имеете в виду обрушение опорной стенки на дороге Седанка — Де-Фриз. Поэтому там есть комментарии прокуратуры и комментарии других контролирующих органов, я думаю, этот вопрос правильнее было бы адресовать этим органам.

км и 605 км, это когда вводились объекты по дороге Чита — Хабаровск — Амур. Была поставлена задача, мы интенсивно занимались этой дорогой, и вот самые большие вводы за эти годы были. Поэтому читайте отчет "1 ДГ", он публичен, и дальше, может быть, эти вопросы отпадут сами собой. Что касается плановых показателей, то те задачи, которые прописаны у нас в ФЦП в этом году (это 230 км ввода федеральных дорог), то мы их обеспечим, и хочу сказать, что именно эти задачи нам поставило правительство РФ, потому что федеральная целевая программа утверждена постановлением правительства РФ.

— Юрий Лужков упрекал Федерацию и власти области в том, что Ленинградка упирается в Химках в "бутылочное горлышко". Вот каким-то образом предполагается все-таки расширить этот узел или все усилия пойдут на объездную дорогу?

— Объездная дорога, как вы ее называете,

или скоростная трасса Москва — Петербург, собственно говоря, для этого и предназначена — чтобы снять напряженность, в том числе и в Химках. И когда мы обсуждали этот вопрос в Общественной палате, моя позиция была такая: во-первых, две дороги лучше, чем одна. Во-вторых, за счет того, что и на той, и на той дороге улучшится скоростной режим — а сегодня это одна такая постоянно действующая проба, — экология в городе Химки будет повышаться. Только за счет того, что повысится скорость движения автомобилей и снизятся физические объемы выброса вредных веществ. Поэтому, что касается Ленинградки, хочу отметить, что на самом деле дорога до 29-го км, а это, чтобы ориентир был у вас, съезд на Шереметьево-1, принадлежит городу Москве. И в том числе, когда Юрий Михайлович говорил о чем-то, она тоже была на балансе города Москвы, правда, не как автомобильная дорога, а как объект благоустройства. И надо отдать должное, что Сергей Собянин, вступив в должность мэра, в первую очередь оформил надлежащим образом этот объект, и сегодня этот участок дороги принадлежит городу Москве, в том числе и тот путепровод. В рамках модернизации Московского транспортного узла сегодня на Ленинградке (если вы проезжали — видели) эстакада дополнительная строится по МКАДу и так далее. Насколько я понимаю, в мэрии обсуждалось, принято или будет приниматься решение о расширении на одну полосу для общественного транспорта. Это очень важно. То есть город Москва сделал приоритет в пользу общественного транспорта, и я могу сказать, что большинство столиц мира этот приоритет уже прошли, и мы идем в этом же направлении. Поэтому если эта полоса появится — не просто выделением по существу, а дополнительно, — наверное, коллеги сейчас занимаются изысканиями. К сожалению, если бы раньше этот вопрос решался, это можно было бы сделать более эффективно. Сегодня эта дорога в Химках застроена, мы все видим — огромное количество гипермаркетов каких-то. Одни там стулья продают. Сплошной автомобильный ряд — все автокомпании, мировые производители представлены в Химках, пожалуйста, можете посмотреть. Все это вдоль дороги построено — МЕГА, ИКЕА и т.д. И именно эти мероприятия, неразумное разрешение строительства этих торговых комплексов вызывают дополнительный приток транспорта, ведь туда люди за покупками едут а не просто так. Поэтому я считаю, что здесь правительство Москвы правильно движется, и надеюсь, что они эти мероприятия осуществят.

— Возвращаясь к дорогам на саммите АТЭС. По итогам Игорь Шувалов остался недоволен тем, как строили, и даже за-

явил, что, возможно, кого-то из подрядчиков придется наказать. Вот какие-то проверки сейчас проводятся? У Вас нет информации? Действительно ли какую-то часть дороги необходимо перестраивать?

— Давайте разобьем на две части ваш вопрос. Во-первых, Росавтодор — не контрольный орган. Поэтому контролировать и проводить проверочные мероприятия, причем на объектах, которые нам не принадлежат, — это вне наших полномочий. Я думаю, что контрольные органы сейчас занимаются этими вопросами, если вы имеете в виду обрушение опорной стенки на дороге Седанка — Де-Фриз. Поэтому там есть комментарии прокуратуры и комментарии других контролирующих органов, я думаю, этот вопрос правильнее было бы адресовать этим органам.

— Ведется ли работа по организации работы пунктов весового контроля на дорогах?

— У нас достаточно большое количество пунктов весового контроля (ПВК) — это сорок с лишним пунктов. И вопрос сегодня не о дополнительных пунктах весового контроля, а о повышении эффективности существующих и применении новых технических решений. На дороге Вологда — Новая Ладога мы поставили полностью автоматизированный пункт весового контроля, который работает в режиме фото-видеофиксации. И сейчас отработываем с коллегами из ГИБДД механизм реализации тех материалов, которые дает нам этот пункт весового контроля. Там за неделю примерно проходит 40 нарушителей, причем с очень серьезными характеристиками. Общая масса автомобиля 59-60 тонн при разрешенных в РФ 40 тоннах, то есть в полтора раза выше нормы. И разрешенная нагрузка на ось у нас 11,5 тонн, а там есть случаи, когда 19,5 тонн, 18 тонн на ось, то есть очень серьезные нарушения в части нагрузки на ось. При этом даже иногда, когда общая масса автомобиля не превышает разрешенной. Это говорит о том, что перевозчики не могут рационально распределить груз в кузове транспортного средства, просто не думают об этом, вот поставили как есть — и все. Поэтому если мы наладим эту систему, совершенно беспристрастную, в автоматизированном режиме, я думаю, что это будет наиболее эффективно, нежели пресловутый человеческий фактор, где возможны всякие варианты — договоренности и т.д. Мы хотим от этого уйти. Поэтому если у нас эта работа закончится с положительным результатом, а она уже близка к стадии завершения и ГИБДД будет выставлять также в автоматическом режиме штрафы нарушителям, мы будем переходить на автоматизированные пункты весового контроля. И это будет оправданно, потому

что человеческий фактор есть человеческий фактор. Это первый момент. Второй момент — это то, что у весового пункта контроля есть некий изъян, его можно объехать. Все прекрасно знают, где он находится и когда он работает. Я, например, на дороге Вологда — Ярославль наблюдал картину: еду из Ярославля в Вологду вечером после совещания еще при прежнем министре, как вдруг часов в 19:00 вечера пошла навстречу тяжело груженные лесом автомобили сплошным потоком. И на вопрос, что там могло случиться, услышал простой ответ: "В 18:00 окончилось время работы весового контроля". То есть эти лесовозы стояли и ждали, когда закончится время работы пункта весового контроля, и затем друженько поехали в сторону Москвы, груженные лесом.

Поэтому пункты весового контроля с этой точки зрения не очень эффективны. И, на мой взгляд, с этой точки зрения опять же, эффективней передвижные пункты весового контроля. Что для этого нужно сделать? Нужно сделать тарированные площадки, где можно корректно взвесить передвижными весами любой автомобиль. То есть это должна быть идеально ровная поверхность, выполненная в бетоне, оттарированная, и этим мы занимаемся. Такие пункты появятся, мы сейчас определяем дислокацию этих мест. Но самое главное — прежде чем это построить, нам необходимо урегулировать нормативную базу. Потому что в нормативной базе говорится о стационарных пунктах весового контроля, а не о передвижных. Поэтому, если мы сделаем эти площадки, а нормативная база будет не урегулирована, это будет пустая трата денег и усилий. Как только нормативная база будет готова, мы готовы эти площадки сделать, дислокация сейчас определяется. Я на прошлой неделе был в Адыгее, наблюдал такую картину: поехали в Майкоп, там есть Белореченский район Краснодарского края, где расположено

очень большое количество карьеров, где производят щебень. Так вот, одна полоса движения на дороге — с ярко выраженной колеиностью, а вторая нормальная. Причем строилось это все в одно время, ремонтировалось в одно время. Ответ прост: по этому полосе едут груженные машины из карьера, а по той полосе возвращаются пустые в карьер. То есть когда видишь этот тоннар, доверху нагруженный щебнем, понимаешь, что общая масса этого автомобиля — не менее 60 т. А учитывая, что у него еще односкатная резина, то какое бы асфальтобетонное устройство ни делали, это будет неизбежно. Особенно в этом регионе, где за 40 летом температуры и так далее, неизбежно придет в негодность. Поэтому считаю, что еще пункту весового контроля необходимо блокировать такие предприятия, постоянно представляющие опасность перегруза, — карьеры инертных материалов, металлургические предприятия, зерновозы в Новоросийск.

— Как обстоит дело с проектом строительства трассы М-8 "Холмогоры"? Изначально строительство предполагалось в 250 м от переславской Свято-Алексиевской пустыни. Позднее было принято решение перенести трассу на 1,5 км. Сформирован ли проект, насколько он отличается по цене, сложности реализации (дорога пройдет по лесу, болоту)?

— От нас хотят очень быстро решения, а на самом деле мы в прошлую пятницу были в Свято-Алексиевской пустыни и обсудили вопрос. Поэтому проектировщикам дано задание в течение месяца отработать изменения варианта прохождения дороги. В течение месяца они это отработывают, и через месяц мы встречаемся уже рабочей группой. Только после этого начнется реальное проектирование. У нас еще нет выбора трассы, там нет проектов.



Команда ФАС

Статс-секретарь — заместитель руководителя ФАС России Андрей Цариковский и начальник управления контроля ЖКХ, строительства и природных ресурсов ФАС России Вадим Соловьев ответили на вопросы об антимонопольном регулировании в сфере ЖКХ и строительства, о реализации госимущества, и о федеральном законе 223.



— *Ровно год назад Минэкономразвития России и Федеральная антимонопольная служба (ФАС) РФ упростили процедуру приобретения госимущества. Действительно ли приобретать госимущество стало проще?*

— В.Соловьев: Хотелось бы задать полномочия управления и несколько тематик, которые входят в компетенцию, а затем плавно перейти к одной из главных проблем и вопросов, которые рассматривает управление, — это как раз реализация государственного имущества. Во-первых, управление выстроено следующим образом в полномочиях в той сфере реализации госимущества — это статьи 17.1 и 18.1, которые были введены "Третьим антимонопольным пакетом". Ст.17.1 определяет порядок реализации имущества, то есть передача прав на имущество, а ст.18.1 как раз введена эта коротенькая процедура, аналогичная закону №94, когда любой хозяйствующий субъект имеет возможность и право обжаловать торги. Это основной комплекс вопросов, которые у нас есть в сфере реализации имущества. Вторая тематика, не менее серьезная, — это строительство и все вопросы, связанные со строительством. Мы на сегодняшний день добиваемся и хотим добиться хорошей конкурентной среды в этой области. Третья, не менее важная и сложная проблема — это отрасль ЖКХ, с которой мы плотно связаны и в основном занимаемся

вопросами, связанными с нормотворчеством. И самая сложная система, в которую мы входим на протяжении уже года, и надеюсь, что войдем, это сфера действия и применения федерального закона (ФЗ) №223, в рамках которого госкомпания и естественные монополии перейдут на определенный, понятный и прозрачный режим проведения своих внутренних закупок. Теперь, возвращаясь к тематике, с введением "Третьего антимонопольного пакета" ряд проблем был снят. Почему они возникали при реализации госимущества? В антимонопольном законодательстве действовала достаточно архаичная статья №17: она определяла, правильно или неправильно участники действуют при проведении торгов, конкурентные или неконкурентные действия они осуществляют. Это в основном относилось к заказчикам. Но, входя в длинный режим разбирательства, в это время заключались контракты, и нам приходилось достаточно долго проводить судебные разбирательства. Они длились годами и в конечном итоге не приводили к реституции, то есть к фактическому возвращению к первоначальному положению. И в этом была основная проблема. "Третий антимонопольный пакет", введя короткую процедуру обжалования, возможность приостановления процедуры торгов, упростил задачу хозяйствующим субъектам, которые участвуют в торгах либо не попадают на торги, в короткой процедуре

обжаловать и дальше, если они правы, принять участие в обновленной процедуре, то есть поменявшейся в соответствии с законодательством по решению антимонопольного органа. Это было главное достижение, и оно сейчас, на наш взгляд, очень хорошо реализуется. Количество обжалуемых процедур проведения торгов по статье 18.1, я думаю, что в ближайшее время с учетом вступления того же 223-го, потому что у них единая процедура обжалования, либо подойдет, либо вполне возможно, что превысит объемы, связанные с рассмотрением жалоб по 94-му закону. Теперь об основных направлениях, которые сейчас разрабатываются. Хотелось бы отметить, что за многие годы и с приходом нового руководства Росимущества нам удалось найти те компромиссы и те точки, по которым мы всегда были не согласны с процедурой проведения торгов. В том числе и в отношении ФГУПов, которым передавалось имущество, и они самостоятельно проводили торги. Второе: нам удалось с помощью ряда постановлений правительства вывести на единую площадку по торгам вопросы, связанные с объявлением этих торгов, потому что это была основная проблема. Ни для кого не секрет, что объявлялись торги, издавалось какое-то издательство, потом это издательство с удовольствием выкупалось одним хозяйствующим субъектом и отправлялось в шредер. На сегодняшний день такой процедуры нет. Эта процедура на сегодняшний день прямо не распространяется на реализацию муниципального и субъектового имущества. Одна из принципиальных задач ближайшего периода совместно с Росимуществом — вывести это на такие же прозрачные процедуры. Второй немаловажный аспект, и руководство ФАС РФ говорило об этом достаточно давно, — это так называемое государственное имущество, которое не относится к объектам недвижимости. Это имущество связано с тем же конфискатом, которое приобретено государством в рамках исполнительного производства, так называемое выморочное имущество, которое приобретено в собственность государством (там тоже определенный порядок) и еще ряд видов имущества. То есть занимались проведением торгов и реализацией имущества напрямую органы власти, в чьей компетенции находилось изъятие этого имущества. К примеру, по конфискату занимались хозяйствующие субъекты, которые проводили это, органами внутренних дел. По исполнительному производству — служба судебных приставов самостоятельно это проводила, и т.д. Этот перечень был очень разрозненным и, соответственно, возникает тот же самый вопрос: никто не видел и не знал, за сколько,

кем и в какой период продается это имущество. Было принципиальное дело, которое ФАС РФ, основываясь даже на сегодняшних нормах, выиграла, наверное, вы о нем слышали, — это так называемое дело "Мазератти". Когда автомобиль, пускай и попавший в ДТП, продан за 20 тыс. руб. Я думаю, что его стоимость совершенно другая. Но такие вещи есть. Нам удалось доказать, и судебные инстанции нас поддержали в том, что это тоже должно проводиться на торгах. Сейчас выработывается с Росимуществом целый перечень задач и процедур, которые должны в ближайшее время быть реализованы. Самый главный документ, который объединил наши усилия, — это порядок, о котором докладывала Ольга Дергунова — руководитель Росимущества: появился план по управлению государственным имуществом до 2020г. Туда входит и порядок управления ФГУПами, и порядок управления акциями, и вопросы, связанные с приватизацией. Мы как контролирующий орган хотя бы понимаем, как будет развиваться работа с госимуществом как некой составляющей государства.

— *Не привело упрощение процедуры к росту количества злоупотреблений? Приведите статистику, если она есть.*

— В.Соловьев: К сожалению, такой статистики у нас нет, но в любом случае это будет приводить к росту правонарушений в сфере реализации госимущества. Но не обладали мы этой статистикой по одной простой причине — нам не с чем было изначально сравнить, потому что функции и контрольные функции в рамках ст.17 нельзя было реализовать и посчитать нарушений. Они уходили в тень.

— А.Цариковский: Я бы даже добавил. Дело в том, что эти законы сработали (если кто-нибудь помнит Тилия Уленшпигеля: "Это я — ваше зеркало"). Эти законы стали зеркалом для чиновников и для коррупции. Нам очень трудно выяснить базу, потому что в Росстат справку о том, сколько они своровали, они не подавали, и исходную базу правонарушений выяснить трудно. Я хочу сразу ответить на вопрос, почему растет число тех, кого выявили. Это, казалось бы, не растет число правонарушений, а растет число тех, кого удалось поймать.

— *Сайт по продаже госимущества, по словам Игоря Артемьева, — самый проклинаемый чиновниками, работает уже два года. Насколько прозрачной он сделал процедуру реализации госимущества?*

— В.Соловьев: Можно сказать, что это один из основных инструментов, который дает представление, в том числе и для СМИ, где, что, как продается. А наша основная задача — чтобы решения о продаже как мож-

но больших видов имущества размещали на этом сайте.

— *Как часто о нарушениях "сигнализируют" нежелательные претенденты на приватизацию того или иного объекта, относящегося к собственности государства? И подтверждается ли эта информация?*

— В.Соловьев: В основном слово "часто", а мы говорим, что как снежный ком будут нарастать объемы подобных обращений. Но дело вот в чем: на сегодняшний день в связи с невыстроенностью структуры эти обращения, во-первых, очень часты, и мы их, в основном, удовлетворяем, то есть отменяем торги. К примеру, возникают необоснованные критерии оценки хозяйствующих субъектов с точки зрения допуска, возникает достаточно большой перечень критериев и подготовки представлений документов для необходимости участвовать в аукционных конкурсных процедурах. И выход из этого мы видим один — это в основной массе по всем процедурам выходить на электронные формы торгов. Это единообразие проведения торгов, что связано с госзаказом, что связано с реализацией имущества, абсолютно объективно. И второй вопрос — это есть ли что иное как унификация законодательства. Основная же цель, которая объединит эти сайты, связана с изучением любой конъюнктуры рынка, потому что намного лучше установить ценовые показатели может в том числе и государство, определить, на какие цены необходимо ориентироваться и т.д. — общий свод. Я думаю, что если все-таки наше предложение с точки зрения перехода к электронным торгам исключительно будет принято, то это будет иметь очень хорошее действие.

— А.Цариковский: Повторяется путь, пройденный 94-м законом. Когда он был введен в действие, практически удовлетворялось около 90% жалоб. Потом этот процент в значительной степени упал, потому что возросло количество необоснованных жалоб, госзаказчики научились делать документацию ко всему прочему, они уже не допускали детских нарушений, и квалификация жуликов тоже возросла в значительной степени. Произошла профессионализация тех, кто размещает заказ, и нарушений стало меньше. Пока с реализацией госимущества это напоминает раннюю стадию реализации этого закона. Думаю, что не меньше 70-80% сейчас жалоб удовлетворяется, они являются обоснованными. Самый бдительный контролер — это конкурент. Нам просто ничего не надо делать — надо сидеть и ждать, когда нам принесут заявления, и так вся комната будет ими завалена. Я хочу еще раз повторить

Главный документ, который объединил наши усилия, — это порядок, о котором докладывала Ольга Дергунова — руководитель Росимущества: появился план по управлению государственным имуществом до 2020г. Туда входит и порядок управления ФГУПами, и порядок управления акциями, и вопросы, связанные с приватизацией. Мы как контролирующий орган хотя бы понимаем, как будет дальше развиваться работа с госимуществом как составляющей государства.

фразу, которую буду повторять всегда: я хочу дожить до того времени, когда все, что закупается в России, будет на сайте закупки.ру, а все, что России продается, — я имею в виду госструктуры, будет на сайте торги.ру.

— *Проводится ли анализ эффективности использования субъектов ЖКХ? Каковы ваши подходы к расчету госимущества, которое сегодня насчитывает около 60 тыс. объектов ЖКХ, которое считается государственным, но оно брошенное?*

— В.Соловьев: Вопросы понятны. Но по системе ЖКХ я отвечу, когда мы перейдем к этой группе вопросов. Вообще же отношение к ГУПам и МУПам, если вкратце, у нас абсолютно отрицательное. Вопрос в том, по каким критериям и с каким качеством сможет государственный служащий, чиновник оценить, хороший это ГУП и МУП или нет. Опять же инфраструктурные ГУПы и МУПы и население: об этом нужно очень хорошо подумать. Население ведь что не устраивает? Качество предоставляемых услуг. А ГУПы и МУПы, которые осуществляют ресурсоснаб-

жение, на сегодня проходят качество предоставляемых услуг через управляющие компании (УК). И когда ряд предложенных мер по управлению качеством будет произведен (сегодня масса документов на эту тему рассматривается правительством, и до конца года поставлена задача их рассмотреть), то через это качество, через понятный порядок сменяемости УК и станет понятно, насколько качественно исполняют МУПы и ГУПы водоснабжение, водоотведение, энергоснабжение, насколько они качественно исполняют свои функции. Не поняв, что происходит в УК, не поймешь эффективность ГУПов и МУПов, потому что критерии установления, в том числе и тарифной составляющей, на сегодняшний день хромают. Правительство сегодня большой комплекс мер рассматривает по этому поводу. — Вопрос: В каких сферах ЖКХ чаще всего нарушается антимонопольное законодательство? В.Соловьев: Хочу начать с небольшого экскурса. Мы выделяем несколько основных задач в сфере ЖКХ, строительства. Начнем со строительства: самые массовые нарушения в этой сфере — качество раскрытия информации застройщиками, тут мы уходим в плоскость, связанную с обманутыми дольщиками и т.д. На сегодня нормативно не урегулирована обязанность по определенному порядку раскрывать информацию о застройщике и о тех объектах, которые он ведет. И нет контролеров, которые смогли бы проследить, например, как по стадиям раскрытия информации есть полномочия у ФАС — энергоснабжению, и тогда конкретный орган сможет приводить к административной ответственности некачественное размещение либо неразмещение. Второй проблемный аспект — административные барьеры входа на рынок строительства, которые закладываются в конечную стоимость жилья. В этой части антимонопольный орган разработал, и сейчас находится на согласовании в правительстве новая короткая процедура. Взятки, которые нужны для преодоления этих административных барьеров, мы с вами оплачиваем из собственного кармана в виде оплаты в кассу за квадратный метр. В.Соловьев: Вопрос очень простой, на наш взгляд. На сегодняшний день есть административная санкция в кодексе за нарушение правил выдачи разрешений, предусмотренных законодательством, согласование органами власти порядка рассмотрения каких-то обращений застройщиков. Есть административные санкции. К сожалению, мы за полтора-два года работы этой административной санкции не нашли ни одного правоприменительного акта. Это говорит о том, что он не работает.

Пишется достаточно большое количество правил, во сколько прийти, кому отдать документы. Но нет абсолютного контроля. Эта коротенькая процедура, которая сейчас обсуждается в правительстве, так называемое "адмобжалование в строке" предусматривает ту же 7-дневную процедуру, когда антимонопольный орган, увидя правила, сможет рассмотреть в короткой процедуре любое обращение застройщика и принять решение — виновно или не виновно конкретное должностное лицо в затягивании выдачи каких-то документов и, в случае виновности, и может применить административные санкции к конкретному должностному лицу, которое не вовремя выдало или не выдало, а фактически бездействовало с точки зрения выдачи разрешения. На сегодняшний день процесс выдачи согласованной разрешительной документации составляет порядка 3 лет. Насколько это тормозит инвестиционный процесс, мне кажется, всем понятно. И второй, очень важный аспект в этой части — сейчас достаточно глубоко прорабатывается вопрос, чтобы перечень этих "адмпроцедур" был исчерпывающим и был установлен на федеральном уровне. В регионах и муниципалитетах дополнительные визирования, установление в нарушение порядка каких-то дополнительных требований к инвестору — все это на сегодняшний день дополняет процедуру в размере до 50%. Нужно искоренить эти два случая, потому что на рынке строительства жилья, объектов промышленного строительства, исходя из тех обращений, которые к нам поступают, мы понимаем, что там абсолютно конкурентная среда, и проблема, на наш взгляд, именно в административных барьерах. — Вопрос: В большинстве регионов России, как правило, в небольших населенных пунктах отсутствует конкуренция в сфере ЖКХ. Отсюда высокие тарифы и низкое качество оказания услуг. Как сегодня антимонопольное ведомство предлагает противостоять этому? В.Соловьев: Это вопрос многосторонний, то есть на рынке ЖКХ есть две проблемы — есть проблема естественномонопольная и проблема конкуренции с точки зрения хозяйствующих субъектов (теперь мы возвращаемся к вопросу, связанному с управляющими компаниями (УК). Прозрачная и качественная конкуренция между ними невозможна, потому что очень сложный порядок сменяемости этих организаций. Второе — доказать жителям, качественно или некачественно предлагаются услуги в судебных инстанциях — это достаточно долгий процесс и не каждый его выстоит. И ввести добросовестную конкуренцию на сегодняшний день поможет тот

законопроект, который находится в спорах уже около 1,5 лет. Это связано с введением саморегулируемых организаций (СРО) в сфере УК, который предполагает две вещи. Первое — есть конкретные СРО, куда входят все УК, которые занимаются этими вопросами, куда можно напрямую пожаловаться. По расширенному перечню, установленному самим СРО, не госорган, а СРО, может самостоятельно принять решение о смене УК. Вторая процедура: требование предоставления качественных услуг и возможности прямого понятного короткого обжалования будет переведено на саморегулирование. Вопрос: А если говорить о дне сегодняшнем: воздействует ли ФАС на управляющие компании, допустим, навязанные собственнику застройщиком или органами муниципальной власти? В.Соловьев: Мы очень плотно изучали эту ситуацию, на сегодняшний день отсутствуют понятные критерии, по которым определяется выбор управляющей компании. Критерии при наличии у тех же муниципальных образований, федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов РФ, наличие помещений в собственности фактически дают возможность воздействия. Если критерии будут такими же единообразными, прозрачными, то в рамках подобных конкурсных процедур можно будет воздействовать антимонопольному органу. Хотя полномочия в этой сфере у антимонопольного органа есть: когда муниципальное образование в лице органов власти, участвуя в процедуре или объявляя конкурсную процедуру, утверждает нормативным актом эту конкурсную документацию. В этой части этот нормативный акт может быть у нас обжалован любой заинтересованной стороной по статье 15 ("Акты и действия органов власти, ограничивающие конкуренцию") нашего федерального закона. Что касается монополизации рынка, то выход мы видим через создание СРО. Это единственный правильный, на наш взгляд, путь.

— **Одной из главных причин появления обманутых дольщиков называют незаконную рекламу, связанную с привлечением денежных средств граждан для строительства жилья. Вы согласны с этим? Что готово сделать антимонопольное ведомство, чтобы строители-мошенники не испортили жизнь будущим новоселам?**

— В.Соловьев: Недобросовестная реклама не относится к сфере деятельности управления контроля ЖКХ. Но, наверное, если есть недобросовестная реклама, и она доказуема, то нормы закона о рекламе можно применить. Мы ждем, когда внесут изменения в за-



конодательство, обязывающие застройщика размещать полную качественную информацию и вводящие административные санкции в отношении них при неразмещении.

— А.Цариковский: Если вы видите такую рекламу, то обращайтесь к нам, туда же, где уже "МММ" побывала. Очень рады будем, если к ним добавятся аналогичные товарищи. Очень часто люди ведутся на такую рекламу — посмотрите на новых клиентов "МММ". Абсолютно справедливо, что по жилищному строительству должно быть сделано так, как мы сделали вместе с Центральным банком, что когда вы получаете кредиты, в рекламе должна содержаться вся информация. И условия не могут отличаться от тех, что изложены в рекламе. Такая же информация должна размещаться в рекламе еще более важной, чем сбережения, — в жилищных предложениях.

— **Вы говорили про исчерпывающий перечень процедур в строительстве, который должен быть установлен федеральными органами, а есть какие-то инициативы в этом плане?**

— В.Соловьев: В правительстве под председательством Дмитрия Козака как раз рассматривается этот перечень. Только вокруг него достаточно большое количество споров: кто, какой количественный состав этих согласований и подсогласований должен быть. И спор вокруг этого объема идет. Это не в форме федерального закона, это, во-первых, внесение изменений в Градостроительный кодекс по полномочиям правительства, чтобы они были там установлены. И второе — чтобы это регулировалось постановлением правительства. Мы понимаем, что есть специфика каждого региона: где-то сейсмоопасность, где-то историко-культурное наследие, где-то климатические условия, но предложение

одно: каждую из дополнительных процедур необходимо согласовать с Минрегионом, чтобы ввести ее на муниципальном и субъектном уровне.

— **Очередное вступление в силу 223-ФЗ предложено перенести по причине неготовности. Насколько нам известно, в Госдуму поступил законопроект о переносе срока вступления в силу закона о закупках госкомпаниями для организаций коммунального комплекса, ГУПов, МУПов, госкорпораций и госмонополий, а также "дочек" этих компаний. Цифры "неготовности" называют разные. Какими данными располагаете вы и в чем причина оттягивания сроков? Согласитесь, переносить их можно бесконечно.**

— В.Соловьев: На этот законопроект готовится отзыв правительства РФ, в принятии решения по данному отзыву мы участвуем. Мы в любом случае будем настаивать на том, чтобы 223-й закон входил в жизнь. Он и так на сегодняшний день достаточно либеральный, для того чтобы принимать хозяйствующим субъектам решения. Мы бы хотели настаивать на том, чтобы функционал этого закона перевести в плоскость ужесточения, а не смягчения.

— **В этом году 20 лет, как идет реформирование ЖКХ. Вы сказали, что одна из форм развития конкуренции — это СРО. Но в строительстве СРО показали свою неэффективность. Можете ли вы назвать форму, действительно конкурентную в сфере ЖКХ?**

— В.Соловьев: Механизм реализации конкуренции в сфере ЖКХ, путь, который мы определили, единообразный и он один. А связанных с контролем в сфере ЖКХ — достаточно много. С точки зрения реализации этих полномочий — только законодательная

антимонопольная основа. Что здесь можно привести в пример, если говорить конкретно? Это деятельность антимонопольного органа с точки зрения доступа к сетям водоснабжения, электроснабжения, газоснабжения и т.д., то есть ресурсам. У нас около 80% дел в РФ рассматриваются с точки зрения злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением. Это огромный спектр дел, начиная от отказов в подключении, выставлении необоснованных требований, невыставлении каких-то дополнительных стоимостей, с которыми комиссии разбираются. Здесь предложение не о том, как усилить, а как упростить эту процедуру, чтобы физическое лицо, инвестор, застройщик при подключении своего дома, вновь организованного строительства мог быстро и эффективно защитить свои права перед субъектами естественных монополий.

— **Все эти процедуры так или иначе находят свое отражение в конечной стоимости жилья. У вас есть какие-то расчеты или предположения, какой процент от стоимости это может составлять? Насколько можно это уменьшить и каким образом?**

— В.Соловьев: Я приведу пример. Месяца два назад в новостной программе была показана ситуация в Подмоскovie, где на 4 земельных участках был выстроен многоэтажный дом без получения каких-либо разрешений вообще. Он был построен, подсоединен к сетям инженерных коммуникаций и фактически туда вселились люди. Понятно, что эту стройку признали незаконной. И было принято решение судами различных инстанций о выселении и сносе этого дома. Но хотелось бы задуматься: все те, кто приобрели квартиры в этом доме, заплатили в два раза меньше рыночной цены, чем по соседним домам в этом же муниципальном образовании за 1 кв. м. И это при условии того, что свою маржу (то есть доходность) застройщик забрал. Можно только догадываться, куда уходят остальные 50% этой стоимости. Это факт 2-месячной давности.

— А.Цариковский: Сейчас при оценке масштабов коррупции боятся повторить судьбу пресс-секретаря Росмолодежи. Чашечка кофе на АЗС ей обошлась дорого, как вы помните, сэкономленные 2 тыс. руб. за неизъятые права тоже. Но очень грубо это тоже можно действительно определить. Когда я покупал квартиру, точно знал, какая сумма ее для тех, кому они выделялись по муниципальной очереди, и тех, кто покупал в свободной продаже. Разница составляла около 30%, и уже по этому примеру можно понять: что-то очень грубо отбивалось.

Когда в рамках 94-го закона неучастники торгов или планируемые претенденты имели право обжаловать действия, то получилось следующее: огромное количество просто мошенников стали требовать денежные средства за неучастие в торгах. Это коррупционно емкая составляющая. Получается куча необоснованных жалоб

— Обратившись в ФАС с жалобой на нарушение при проведении закупки одним из заказчиков, работающих в рамках 223-го закона, мы столкнулись с тем, что сегодня закон исключает возможность общественного контроля этих госзакупок. Планирует ли ФАС выйти с предложением предусмотреть возможность общественного контроля?

— В.Соловьев: Общественный контроль абсолютно необходим, все действия для этого направлены. Уже есть этот плавный выход в информационное пространство о всех закупках, которые будут осуществлять субъекты этого закона. Общественное порицание вы можете распространить. С другой стороны, когда в рамках 94-го закона неучастники торгов или планируемые претенденты имели право обжаловать действия, то получается следующее: огромное количество под общественные организации попадет конкурентов, просто мошенников, которые будут требовать денежные средства за неучастие в торгах и за ненаписание жалобы. Это достаточно коррупционно емкая составляющая. Следовательно, если дать возможность обжаловать любые торги всем, то получится куча необоснованных жалоб, которые мы обязаны будем рассмотреть, приостановить сами торги, которые повлекут достаточно негативные последствия для самих заказчиков, то есть смещение сроков размещения и т.д. Этот аспект — это палка о двух концах. Там

немного надо систематизировать эту возможность. Она связана, я считаю, с тем, что до срока подачи это может любое лицо, которое обжалует документацию, а после его подачи — только участники. Но я еще раз повторяю, что это палка о двух концах, хотя это предложение в какой-то формулированной части, наверное, нужно рассматривать.

— Когда будут приняты поправки к КоАП, вводящие штрафы для недобросовестных заказчиков, представляющих госкомпанию?

— В.Соловьев: Поправки в КоАП идут очень тяжело. Они на сегодня охватывают достаточно большой спектр действий заказчиков, начиная со сроков размещения информации, планов закупок, планов внесения в реестр недобросовестных поставщиков, действий конкурсной комиссии и т.д. Там большой спектр. Идут они тяжело. Что же касается остальных документов, то они по плану принимаются и обсуждаются. Сейчас уже приняты вопросы, связанные с размещением информации на площадке, ряд вопросов — с реестром недобросовестных поставщиков, вопросы, связанные с порядком размещения информации о планах закупок субъектов естественных монополий и госкомпаний и т.д. Планоно мы все-таки идем к порядку применения нормативных актов. К сожалению, ряд этих актов задерживается. Что касается самого закона, если говорить о том, что на сегодняшний день нельзя ввести, и там что-то ломается, то в этом присутствует доля лукавства. В части чего? В том же законе N223, связанном с размещением информации на сайте, например, есть отсылочные нормы. Если у вас что-то не получается на сегодняшний день и вы можете обосновать и представить сведения о том, что вы не можете на сайт выйти, зарегистрироваться, любая информация, то вы в переходный период имеете право использовать свой сайт. Но у вас обязательно должно быть подтверждение этой информации. Таким образом и что нельзя на сегодняшний день применять этот закон, даже используя свои сайты, это абсолютно не так. Что касается вхождения в закон, то на сегодняшний день он принят и работает, и сейчас осуществляется поэтапное вхождение в этот закон участников этого закона. Сначала туда зашли госкорпорации и регулируемые хозяйствующие субъекты РФ, вопросы, связанные с ГУПами, МУПами и т.д. Есть отсылочные нормы: с 1 января 2013г. в обзор данного закона войдут субъекты, которые являются дочерними к госкорпорациям, к естественным монополиям, и т.д. Идет плавное вхождение в систему данного закона. На сегодняшний день только един-

ственные оценочные понятия, сколько же в итоге появится заказчиков в данном законе: по оценкам — порядка 400 тыс., в госзаказе возьмем до 10 тыс., я точной информацией не обладаю. На несколько порядков выше. Объем бедствия, который предстоит, с точки зрения контроля антимонопольного органа приблизительно представляется. На сегодняшний день объем жалоб, которые рассматриваются по территориальным органам, уже сравним с количеством жалоб в госзаказе. Сейчас часто обсуждаются вопросы: а зачем дочерние компании туда вводить в закон? Последняя жалоба, которую мы рассматривали, — не буду говорить про хозяйствующего субъекта, — является в одну группу лиц дочерняя компания холдинга, который строит гидроэлектростанции. Мы не смогли рассмотреть жалобу заказчика, потому что он не является субъектом данного закона, у него нет регулируемых правоотношений, ему не устанавливают тарифы, то есть он сам по себе, не с госучастием. Вопрос в другом — он дочерняя компания, а там торги на несколько миллиардов. Мы просто не смогли из-за этого рассмотреть даже жалобу по этим торгам. Спектр жалоб по торгам разнообразен. Мы изначально планировали смешать в одну кучу — чтобы была единая процедура. Опять возвращаемся к госимуществу — 223-й закон, порядок рассмотрения (ст.18.1), чтобы у корпоративных юристов была возможность стать профессионалами, готовиться достойно представлять интересы хозяйствующих субъектов.

— А.Цариковский: На мой взгляд, эти поправки устареют к моменту принятия. По большому счету, они, на мой взгляд, не нужны. У нас через полгода после начала работы 223-го закона чистых нарушителей закона нет. Может, в 2014г., когда будут муниципалы, кто-то пострадает по неграмотности. Сейчас происходит "загонная охота". И 223-й закон играет роль "загонной своры", которая выгоняет "кабана" — нарушителя под выстрелы двух основных "стрелков" — общественного контроля и закона о конкуренции. Форму закона соблюдают все. Но часто получается по Салтыкову-Щедрину: по форме верно, а по сути — форменное издевательство. По форме положение о закупке прописано, а в нем, условно, стоит, что на сбор заявок отводится два часа. И выходит, что вроде бы конкурентная процедура прописана, положение, как требует закон, есть, но никто, кроме заранее извещенных товарищей, в этом участвовать не может. Поэтому часто по 223-му закону мы даем индульгенцию, говорим, что нарушения процедуры здесь нет, и открываем дело по 18 статье 135-го закона.

А вот и ВТО. Вступление и его последствия

22 августа Россия официально вошла в число 156 стран-участниц ВТО, но дискуссии о том, что получит наша страна, продолжаются. За «круглым столом» в РБК собрались представители агропромышленного комплекса и машиностроения — отраслей, которым, по прогнозам экспертов, придется сложнее всего работать в новых условиях. В разговоре приняли участие Екатерина Майорова, заместитель директора департамента торговых переговоров Минэкономразвития; Павел Скурихин, президент Союза зернопроизводителей; Юрий Ковалев, генеральный директор Союза свиноводов; Евгений Корчевой, директор Российской ассоциации производителей сельхозтехники, член рабочей группы по технологической модернизации сельского хозяйства и сельхозмашиностроению при правительстве РФ.

— То, чего так долго ждали, свершилось. Как Минэкономразвития оценивает готовность российской экономики к вхождению в ВТО?

— Е.Майорова: Я бы сказала, что на этот вопрос мои коллеги и руководства министерства, и руководство правительства и других министерств отвечают уже более полугодом — собственно, после министерской конференции, на которой было принято решение о присоединении России к ВТО. Частично ответ на этот вопрос был заложен в самом вопросе: Вы сказали, что переговоры шли очень долго — 18 лет. Начиная с 2000г. они шли активнее и сопровождалась фундаментальнейшими реформами нашей правовой системы и системы регулирования внешнеторговой деятельности, экономики, а также различными проектами, которые были направлены на будущую адаптацию к нашему членству в ВТО. Поэтому, я думаю, что мы так долго к этому шли, что уже лучше, чем теперь, мы готовы вряд ли будем.

— Неоднократно заявлялось о дефиците кадров, которые смогли бы обеспечить безболезненное нахождение России в ВТО. Откуда их брать и что необходимо сделать, чтоб проблема была решена максимально быстро?

— Е.Майорова: Проблема дефицита кадров объективна, потому что ВТО — очень специфичная тема. Мы не были членами этой организации, не могли полноценно участвовать в работе ее органов, и поэтому в какой-то степени для нас эта тема новая. "В какой-то степени", потому что за те 18 лет, которые мы вели переговоры, у нас в различных министерствах сформировалась крепкая команда специалистов, которые погружены в тематику. Естественно, сейчас потребуется большее количество людей, поскольку и в компаниях, и, прежде всего, в органах государственного управления мы об этом знаем. В России сейчас существуют три института, которые разработали программу по тематике ВТО — это Санкт-Петербургский университет, ГУУ и



ВШЭ. Это базовые центры, которые готовят специалистов. Многие студенты, закончив эти вузы, идут на работу и в наше министерство, и к коллегам в другие министерства. Я думаю, что это станет хорошей базой для того, чтобы необходимый кадровый резерв нам нарастить.

— П.Скурихин: Я тоже оптимист: надеюсь, что мы сможем оперативно подготовить своих специалистов. Есть пример Китая, который к моменту вступления в ВТО уже располагал несколькими тысячами специалистов, чтобы вести эти переговоры, и это, на мой взгляд, было бы более практично. Но так или иначе будем включаться в эту работу и со стороны союзов для того, чтобы полноценно представлять РФ в переговорах уже в рамках ВТО.

— Е.Корчевой: Мы, наверное, первые, кто не теоретически, а реально столкнулся с этой проблемой, потому что Европейская экономическая комиссия возбудила спецзащитное расследование в отношении импорта комбайнов на территорию РФ и Таможенного союза. Для проведения этого расследования, а потом для дальнейшего отстаивания результатов в

Женеве, коль мы теперь члены ВТО и обязаны будем это делать по заявлению наших партнеров, нам уже сейчас требуются такие специалисты. К сожалению, мы таких специалистов ни в России, ни в странах Таможенного союза найти не смогли. Действительно, есть 5-10 человек, которые принимали участие в переговорах, как коллеги из Минэкономразвития, которые ездили на двусторонние переговоры с различными странами. Некоторые из этих 10 человек проходили стажировку где-то в Канаде, но это 10 человек на всю страну. Они, как правило, сейчас госслужащие или работают в аппаратах, и, к сожалению, нам помочь не могут. Мы обратились в институты и поняли, что готовых специалистов увидим лет через пять. Причем они будут "зеленые", еще не с набитой рукой. Наши коллеги из Минэкономразвития посоветовали нанять иностранных консультантов. Мы туда обратились, связались с GR-агентствами, юридическими конторами), которые сидят в Женеве. Во-первых, выяснилось, что это недешево, то есть среднегодовой контракт на расследование стоит от 1 млн евро. Это

крупные деньги для среднего бизнеса. Может, для металлургических компаний это копейки. Но не это самое страшное, а то, что большинство из компаний имеют конфликт интересов. Зарубежные юридические конторы, которые имеют достаточно высокие рейтинг и опыт работы, как правило, уже имеют клиентов (по крайней мере из нашей сельхозмашиностроительной сферы) и даже при всем желании ни за какие деньги не способны с нами работать. В итоге мы оказались в ситуации, когда сами занимаемся этой темой, изучаем несмотря на то, что сельхозмашиностроители, люди, близкие к земле. Мы сейчас разбираемся в этих соглашениях, осваиваем активно английский язык, учимся и будем сами себя отстаивать. Надеюсь, что у нас это получится, но наше внутреннее ощущение такое, что мы, конечно, столкнулись с подготовленной армией с хорошим вооружением, а мы с топорами, с ножами, достаточно смелые ребята, но без хорошей подготовки.

— Ю.Ковалев: Я готов согласиться с коллегой, который выступал последним. Дело в том, что мы вторая отраслевая организация, которая подает документы на проведение расследования по введению спецажурных мер против возросшего импорта и угрозы свиноводству. По примеру последних лет развития животноводства, если инвестиционная привлекательность отрасли существует, то, несмотря на дефицит кадров, это можно осваивать. Нам уже деваться просто некуда, поэтому будут включаться и финансовые, и административные, и другие ресурсы по обучению этих специалистов. Но я думаю, что не мы первые — не мы последние.

— **Один из очевидных плюсов то, что российские сельскохозяйственные предприятия получают новые рынки сбыта. Главное, чтоб были товары для экспорта?**



— П.Скурихин: Да, на самом деле мы ожидаем в этом смысле определенных улучшений, то есть во всяком случае можно сказать, что у нас есть определенный прорыв в отношениях с Китаем. В мае уже в рамках переговоров и в рамках норм ВТО был согласован итоговый меморандум по унификации фитосанитарных норм, то есть это нам дает возможность открыть рынок Китая. На самом деле этот рынок для нас один из достаточно перспективных, поскольку несмотря на то, что Китай стратегически старается обеспечить себя самостоятельно, в том числе и продукцией растениеводства, но ежегодно тот или иной объем покупает, и мы именно исходя из фитосанитарных ограничений не могли поставлять туда зерно. Это, наверное, первый положительный пример уже фактически в рамках новой реальности, ВТО. Второй фактор, на который мы очень рассчитываем — это возможности по экспорту сои, поскольку на сегодня действует экспортная пошлина, которая постепенно должна снизиться с 20% до 7,5%. На самом деле я считаю, что это достаточно серьезный и хороший сигнал для увеличения производства сои в стране, и тем более для ряда регионов, таких как Амурская область, эта культура сегодня уже является стратегической. В силу удаленности от рынков Центральной России, Сибири, наиболее предпочтительным как раз рынком для реализации сои являются Китай и страны Юго-Восточной Азии. На этом я пока список примеров ограничу, но я надеюсь, что будут и другие положительные тенденции.

— **Как и самое главное — когда почувствует эффект от вступления в ВТО?**

— П.Скурихин: Я думаю, что этот вопрос скорее нужно адресовать тем отраслям, в которых есть импорт. Это, прежде всего, свиноводство и производство мяса птицы, говядины. Учитывая, что производство зер-

на все-таки в течение последних нескольких лет — это стабильно экспортно ориентированная отрасль, не стоит ожидать что ВТО каким-то образом скажется на прилавках с точки зрения стоимости хлеба. Есть смысл послушать наших коллег из животноводческой отрасли.

— Ю.Ковалев: В краткосрочной перспективе изменений не будет, потому что цена определяется не только таможенными пошлинами, но и спросом. В силу разных обстоятельств сегодня у нас наблюдается хороший спрос на продукцию животноводства. Даже те снижения пошлин, которые могут произойти, то эта, скажем так, "сверхприбыль" будет распределена прежде всего между торговыми сетями, оптовым звеном, и только через какое-то время в среднесрочной перспективе будет происходить постепенное снижение цен. Например, если говорить про свинину, то цена будет постепенно снижаться и приближаться к цене на птицу, на курицу, но одновременно при этом будет увеличиваться ее потребление, поэтому это два разноплановых вектора, которые будут постепенно балансировать. Я говорю о некой среднесрочной перспективе, которую мы оцениваем в срок от 2 до 5 лет.

— **Насколько российские свиноводы сегодня обеспечивают страну свиномыном?**

— Ю.Ковалев: Сегодня примерно на 75-77% внутренняя потребность и потребление свинины удовлетворяются за счет отечественного производства. Я хочу сказать, что еще 5-6 лет назад, то есть в середине 2000-х годов, эта цифра составляла порядка 55%, то есть 40-45% составляла импортная продукция. В этом и был весь смысл начала того национального проекта по развитию животноводства, чтобы в соответствии с доктриной продовольственной безопасности довести эту цифру до того, чтобы собственное производство находилось на уровне примерно 85%. Это средневзвешенный показатель, который соответствует уровню национальной безопасности страны, сложившемуся в развитых странах. Мы планомерно 5-6 лет шли к этим цифрам. Отечественное свиноводство переживает бурный этап развития начиная с 2006г. Производство уже увеличилось более чем на 60%, прирастает на уровне 8-10% в год, и в принципе все инвестиционные планы показывали, что это должно продолжаться. Сейчас как раз такой момент, когда присоединение к ВТО несколько поставило вопрос, будут ли выполнены эти планы и продолжится ли снижение этой доли импорта, о которой Вы спросили. Сейчас он составляет примерно 23%. В наших планах через несколько лет эта цифра должна опуститься до примерно 15%, сейчас есть вопросы. Я не

хочу сказать, что сейчас есть какой-то тупик, но появились вопросы, на которые необходимо отвечать всем — и бизнесу, и правительству. Теперь все зависит от нас. Все, что произошло за рубежом, уже произошло. В бизнесе есть такое понятие: "Невозможно в бизнесе быть без кризиса". Это невозможно никому. Поэтому то, что кризис случается, это неприятно, но весь вопрос в том, как выходить из этого кризиса. Какие принимать меры? И те компании или страны, которые принимают правильные меры, выходят из кризиса. Поэтому у нас сейчас и стоит вопрос: как мы сможем выйти из этого кризиса, из этого вызова? В данном случае я говорю о свиноводческой отрасли.

— **Какова доля хозяйств, которые сегодня реально могут конкурировать с зарубежными производителями?**

— Ю.Ковалев: Сегодня ситуация следующая. Мы в течение последних 15 лет начиная с 1990-х годов практически разрушили в силу разных причин (я не провожу сейчас анализ этого) промышленное свиноводство, и поэтому у нас свиноводство осталось только в личных подсобных хозяйствах. С середины 2000-х годов, как я уже сказал, начинается активное возрождение промышленного свиноводства, причем именно возрождение модернизированной отрасли. Для того чтобы подтвердить это какими-то фактами, могу сказать, что старые комплексы, которые существовали до 2005г., если их сравнить с вновь построенными или прошедшими кардинальную модернизацию, то производительность труда различается в 6-8 раз, потребление комбикорма на 1 кг прироста различается в 2-2,5 раза. Если на старых это было 6-8 кг комбикорма на 1 кг прироста, то на новых это около 3 кг и менее. Соответственно, это практически полностью современные предприятия, которые могут на равных конкурировать с импортом. Сегодня доля таких предприятий в промышленном свиноводстве уже приближается к 70-80%, но с учетом значительного сектора ЛПХ (это сегодня около 35%), соответственно, получается около 40-50% всех предприятий. Но когда мы говорим, что они могут конкурировать, это лишь о том, что сегодняшняя себестоимость этого мяса близка к себестоимости западных производителей. Вся разница в том, что западные производители в течение десятилетий строили свои предприятия, получали при этом колоссальную поддержку, а наши предприятия только начали 5 лет назад строиться на субсидированные и долгосрочные инвестиционные кредиты. Сегодня, если взять себестоимость 1 кг живой свиньи в Европе, то около 1% составляют проценты за кредит. В нашей себестоимости 8-10%



Поэтому мы называем это тем переходным периодом, которые должен продлиться примерно 10-15 лет, чтобы выйти из этой колоссальной кредитной зависимости. Это не кредит на какие-то оборотные средства — а практически на строительство с нуля нового предприятия, и все они заложены в банках. Если иностранные производители сегодня готовы работать с рентабельностью 1-2% до 3% и даже в нуль, чтобы поддержать производство, то мы, к сожалению, себе такого позволить не можем. Сегодня необходимо возвращать кредиты, с одной стороны, а с другой — необходимо активное расширенное воспроизводство. За последние 6 лет промышленное свиноводство в четыре раза увеличило объемы и в предстоящие 5-6 лет еще должно в два раза — от сегодняшнего. Это практически возрождение с нуля новой отрасли. И без кредитов этого сделать невозможно. Но кредиты нужно возвращать из чистой прибыли. Других источников возврата кредита не существует. В этом разница, и именно поэтому мы должны защищать свой рынок от импорта, который сегодня уже идет из развитых компаний, которые освобождены от этой кредитной зависимости. Если смотреть с точки зрения показателей, то все наши показатели в новых современных предприятиях абсолютно сопоставимы с импортными, потому что завезены последние технологии по строительству, по содержанию, по кормоприготовлению, по навозоудалению. Это полностью иностранная генетика. То есть абсолютно сопоставимые показатели.

— **Как сельхозмашиностроители будут защищать свой рынок от зарубежных производителей?**

— Е.Корчевой: Не совсем понял, кто защищать будет. Кого — понятно. Сейчас мы чувствуем, что нас никто не защищает, никому мы не нужны. Очень много было слов, нам тоже было очень приятно это слышать, что "сельхозмашиностроение мы не оставим", "мы ему поможем", "будет проработан комплекс мер", но, к сожалению, в реальности никаких мер и поддержки нет. Условия бизнеса намного ухудшились, они и до этого были достаточно непрозрачными, непонятными, и условия производства сельхозтехники хуже, чем в большинстве стран мира, включая даже такие развивающиеся страны, как Бразилия и Аргентина. Там сейчас выгоднее производить технику, чем в России. Со вступлением в ВТО ситуация только ухудшилась, никаких позитивных мер и мер поддержки мы не видим со стороны правительства.

— **И тем не менее, несколько цифр, как изменится импорт сельхозтехники, насколько произойдет снижение отечественного производства?**

— Е.Корчевой: По нашим данным, по данным ассоциации, только за I полугодие 2012г. импорт сельхозтехники в России увеличился на 30%. Еще не вступив в ВТО, мы уже столкнулись с проблемой растущего импорта. Сейчас, когда будут обнулены (не обнулены, а в три раза снижены) ставки таможенных пошлин по многим видам сельхозтехники, мы ожидаем, что этот рост может только усилиться. Каким он будет, сейчас предсказать трудно, но вполне очевидно, что начиная с 2008г. российские производители достаточно активно отвоевывали долю рынка и в начале этого года, в тот момент, когда в Женеве принимали Россию и подписывали соглашение, у нас был паритет

50 на 50. То есть 50% рынка составляла импортная в Россию техника, 50% занимала техника, произведенная в РФ. Сейчас мы ожидаем, что по итогам этого и следующего года соотношение будет где-то 30 на 70: 70% импорта и 30% — собственное производство. Но и дальше мы столкнемся с тенденцией наращивания импорта и уменьшения объемов собственного производства.

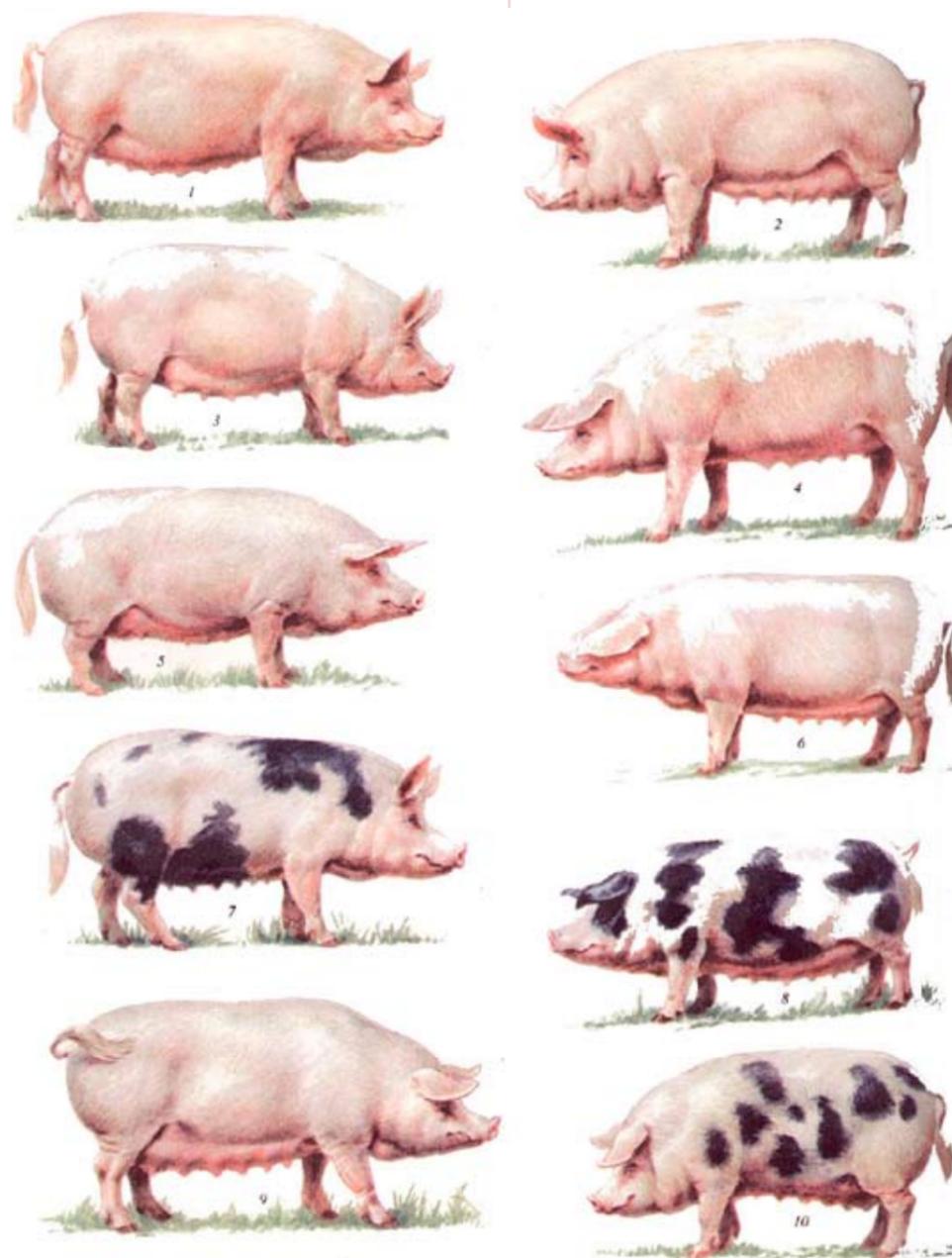
— **Решен ли уже вопрос о том, кто будет постоянным представителем РФ в рамках членства России в ВТО? Будет ли представительство России в этой организации? Где оно будет расположено?**

— Е.Майорова: Да, представительство России при Всемирной торговой организации планируется создать, оно пока еще не учреждено. Оно будет расположено в Женеве рядом со штаб-квартирой этой организации, как и представительства других стран. Но поскольку пока еще документы окончательно не подготовлены, решение не формализовано, то пока о кандидатуре постпреда говорить рано.

— **Юрий Иванович, Ваш сдержанный оптимизм немножко удивляет. На одном из совещаний в Минсельхозе Вы говорили, наоборот, что наш рынок сейчас наводнит волна дешевых импортных хрюшек, обколотых антибиотиками, и нашим производителям не выжить. У вас появились какие-то новые цифры или Вы просто смиряетесь с неизбежным (подразумеваю ВТО)?**

— Ю.Ковалев: Я не знаю, что за оптимизм вы услышали в моем выступлении. Оптимизм заключался лишь в том, что изменить условия уже нельзя. Есть определенный оптимизм в том, что та часть работы уже закончена. И теперь идет только та часть работы, которая предстоит нам внутри. Поэтому я и упомянул про кризис и сказал, что теперь все зависит от того, как выходить из него. Вчера я прочитал в интернете заявление Минэкономразвития относительно ВТО и увидел такую фразу: "Условия импорта птицы и свинины ужесточаются". Это, конечно, удивительная фраза, возможно, это какая-то ошибка перепечатавшихся или еще что-то. Но не зря я здесь сейчас сижу, потому что действительно свинина оказалась наиболее уязвленной, или, скажем так, подверженной рискам после присоединения к ВТО. Для того чтобы не приводить много цифр, я приведу только две. Если среднетарифный тариф по сельхозпродукции снижается примерно с 15% до 11%, то служит основанием говорить о том, что это снижение, но не драматическое. Если по птице пошлина не снижается вообще, по говядине — практически не снижается, то по сви-

нине пошлина внутри квот снижается с 15% до 0%, то есть ее просто обнуляют, и соответственно треть от российского производства свинины теперь будет к нам поступать как раз при нулевой пошлине с тех предприятий, которые в течение десятков лет субсидировались, были построены. Естественно они не находятся уже в закрепитованном состоянии, я имею в виду, что их активы не заложены в банки. Любая компания имеет какие-то кредиты. Это раз. И второе — в 8 раз снижаются пошлины на живых свиней, поставляемых, подчеркиваю, на убой, то есть это практически мясо. Это не племенные, на них нуль процентов, это с 40% до 5%. Безусловно, все свиноводческое бизнес-сообщество дрожит в двух измерениях. Во-первых, с одной стороны, это бушующая африканская чума свиней, которая уже добралась до отдельных комплексов. С другой стороны, (условия тут уже все поняли, приняли, их уже изменить невозможно), много говорилось о том, что будут приняты меры компенсационного характера. Действительно, существуют проекты этих планов, мы не можем сказать, что в этом направлении работа не ведется. Просто пока нет окончания ни по одному вопросу из этих мер. Сейчас беспокоит бизнес-сообщество больше всего. Не знаю, есть ли смысл сейчас перечислять эти меры, но это целый комплекс мер. Наверное, кратко все-таки стоит сказать. Это, как коллега говорил, использование всевозможных защитных мер, потому что есть реальная угроза экономике, которая уже была в прошлом, когда пошлины были именно 5% по живым свиньям. По нашим экспертным оценкам, потери для отрасли будут достигать 20, а может быть и более млрд руб. в год, если — я подчеркиваю еще раз — не будет принято никаких ни защитных, ни других компенсационных мер. Это возможно, какие-то финансовые меры по частичной компенсации этих потерь, это, безусловно, так востребованная всеми сельхозтоваропроизводителями просьба о продлении льготы по налогу на прибыль для производителей. Мы знаем, что во всех направлениях работа идет, но, еще раз подчеркиваю, пока ни по одному вопросу окончательного решения не принято. И то, что менялось правительство, сейчас уже второй день мы функционируем в условиях ВТО, решений пока до конца не принято, это, безусловно, вызывает очень большую тревогу. А все, о чем мы говорили, обо всех этих рисках знают все. Именно поэтому был разработан целый комплекс этих мер. Бизнес тоже прекрасно понимает, что нужны его дополнительные усилия: снижение издержек, еще большее снижение себестоимости, подготовка кадров, увеличе-



ние конкурентоспособности за счет более глубокой переработки, потому что цена этого — выживание. Но сейчас вопрос: будут ли доведены до логического конца, до конкретных нормативно-правовых актов те обещания, о которых говорилось.

— **Насколько возрастет импорт живых свиней и свинины в Россию в связи со вступлением в ВТО? И можно ли назвать этот рост угрозой?**

— Е.Майорова: Я соглашусь с тем, что говорил коллега, у нас есть действительно болезненный вопрос значительного снижения пошлин на живых свиней и возможность отхода наших защитных механизмов, тем более, что они в квоты не входят. То есть возмож-

ность обхода наших квот путем завоза живых свиней, забоя практически на границе, и это открывает возможность фактически импортировать по очень низкой пошлине. Нам сейчас сложно говорить о возможных объемах роста импорта. Мы ожидаем, что действительно проблема может быть. Я хотела бы развить тему, которую начал Евгений Анатольевич, приведя пример начатого уже защитного расследования в отношении комбайнов. Те же самые инструменты защиты доступны в принципе для любой отрасли, в том числе и для свиноводства. Если из-за снижения пошлины мы увидим, что импорт будет возрастать в таких количествах, которые наносят ущерб либо угрожают нанести ущерб национальным

производителям, то национальные производители с соответствующим заявлением могут обратиться в наших условиях — раньше это был Минпромторг, но после формирования Таможенного союза (ТС), решения по принятию защитных мер принимаются на национальном уровне ТС — Евразийской экономической комиссии. После проведения расследования может быть введена защитная мера, например, повышенная пошлина. Я думаю, что если мы в случае с живыми свиньями будем наблюдать такую картину, то мы сможем достаточно оперативно вместе с коллегами из Евразийской комиссии принять активные меры. Я также хотела обратить внимание, может быть, немного упредить вопрос, потому что мы на протяжении последнего полугодия, общаясь с представителями бизнеса, очень часто слышали упреки в том, что очень много времени занимает процедура проведения расследования, принятия меры, и сейчас мы работаем вместе с Евразийской комиссией над тем, чтобы сделать эту процедуру более эффективной и более быстрой.

— Е.Корчевой: Я хотел бы сказать по поводу расследования, что на самом деле реальность поменялась сегодня. Она поменялась в том, что если раньше мы могли проводить эти расследования и самостоятельно принимать по ним решения, то сейчас эти решения могут быть обжалованы в Женеве начиная с сегодняшнего дня и могут быть отменены. Мы на себя взяли обязательство выполнять решения Женевы, потеряли свою самостоятельность. Это первое. И второе — мы потеряли возможность введения ответных мер, в случае если наших экспортеров где-то ущемляют. Раньше мы могли взять и просто бабахнуть ответными мерами. Сейчас, после вступления в ВТО, мы не можем этого делать, мы можем это сделать, только если мы получим санкцию, разрешение в Женеве на такие ответные меры.

— **Я хотел бы задать вопрос Минэкономразвития. В ЕС действует практически запретительная пошлина на ввоз зерна. Почему вопрос о выделении российских квот и отмены этих барьеров на экспорт российского зерна в Европейский союз не был поднят Россией во время двусторонних переговоров при вступлении в ВТО? Что собирается предпринять министерство, чтобы добиться отмены этих ограничений на экспорт российского зерна в Европу?**

— Е.Майорова: К большому сожалению (моему личному, потому что я участвую в переговорах), переговоры по присоединению к ВТО по определению являются очень несправедливыми, потому что они ведутся

партнерами, которые находятся в неравном положении. Присоединяющаяся сторона не может требовать встречных уступок. Грубо говоря, переговоры шли о том, больше или меньше мы отдадим. Этот вопрос в контексте присоединения ставить невозможно. Юридически и практически.

— П.Скурихин: Я могу напомнить, что процесс по диалогу, по получению Россией квоты для ввоза зерна на территорию Евросоюза уже начал. Безусловно, для нас этот рынок является привлекательным. Кроме того, я хочу обратить внимание на то, что помимо экспорта в Европу зерна в рамках квот, то есть это зерно с содержанием протеина 11,5, есть возможность экспортировать в Европу зерно с содержанием протеина свыше 14,5 без квот, равно как и целого ряда другой продукции, который можно экспортировать без квот. Поэтому так или иначе, я думаю, что это необходимо, и мы уже этот диалог ведем для того, чтобы Россия получила специальную квоту, в том числе и для ввоза рядовой пшеницы в Европу.

— **Могли бы представители МЭР уточнить, к каким другим членам ВТО, странам, Россия будет обращаться в ближайшее время для того, чтобы они обозначили свои требования, ограничения к российским поставщикам в соответствии с правилами ВТО? Какие страны это уже сделали, какие нет? И по каким продуктам этот вопрос наиболее актуален?**

— Е.Майорова: У нас есть действительно такой "черный список" наших торговых партнеров, которые применяют против нас различные ограничения и дискриминационные меры, которые не соответствуют правилам ВТО. Эти меры можно ранжировать в зависимости от того, насколько они действительно болезненны для наших производителей, и бороться с ними мы, безусловно, будем. В какой последовательности мы будем это делать, наверное, нужно будет решать вместе с товаропроизводителями в зависимости от чувствительности и от того, насколько срочно нужно эти меры отменять. Я вам сейчас конкретно последовательность наших действий не назову. По отраслям вы, наверное, знаете, потому что на протяжении последнего полугодия это очень активно обсуждалось. Это металлургия, химическая промышленность, сельское хозяйство с точки зрения санитарных ограничений, с точки зрения количественных ограничений. Я думаю, что все направления атаки понятны.

— **В отрасли есть определенный процент предприятий, которые проигрывают конкурентную борьбу с европейскими компаниями. Есть ли на сегодняшний день**



понимание, каков именно процент этих компаний? Будут ли со стороны правительства созданы какие-то меры по поддержке этих компаний и что будет с этими людьми, которые будут на этих заводах?

— Е.Корчевой: Наш анализ показывает, что и более эффективная, и менее эффективная компания от условий, которые были приняты Россией при вступлении в ВТО, проигрывают. Нет ни одного производителя сельскохозяйственной техники в России, который выиграл бы от вступления в ВТО независимо от того, насколько он эффективен, с какой прибыльностью, рентабельностью он работает и сколько он поставляет на экспорт или продает только на внутреннем рынке. Сказать, сколько заводов закроется, не могу. Если посмотреть динамику, например, по комбайновым заводам, то у нас из пяти комбайновых заводов с 1991 г. за 20 лет закрылось три. Сейчас осталось два, один из них находится в более-менее живом состоянии, один эффективно развивается. Через 20 лет, если эту динамику проследить и политика будет продолжаться, то делайте выводы сами. То же самое и с заводами, производящими тракторы. 10 заводов производили тракторы, сегодня осталось два, которые на ладан дышат. И чтобы сделать выводы, не надо быть большим аналитиком.

На этот вопрос есть два ответа. Есть пессимистичный сценарий, это когда я уже сказал, что не будут приняты те меры, например, не будут введены те защитные пошлины. В этом случае будет ситуация, достаточно близкая к стагнационной. В этой ситуации около 30-40% компаний будут близки или к банкротству, или к нулю. Те компании, которые сегодня новые, вновь построенные, останутся все-таки рентабельными, но увеличатся сроки

возврата их кредитов в 2-2,5 раза, поскольку рентабельность резко снизится. В этой ситуации они, безусловно, ни о каких новых инвестиционных проектах говорить не будут. Это понятно уже сейчас, потому что порядка 30% компаний взяли определенные инвестиционные каникулы и прекратили вкладываться в новые проекты для того, чтобы посмотреть, что будет сейчас в течение нескольких месяцев, после того как произойдет присоединение и как сработают меры правительства, как сработает рынок для того, чтобы оценить ситуацию. Если все-таки меры будут приняты в достаточно полном объеме, о котором мы говорим, то мы все-таки надеемся, что в очень плохом и стагнирующем положении будет не более 5-10% компаний. Вполне возможно, что темпы роста прогрессивных компаний перекроют те выпадающие объемы, которые у банкротящихся компаний, а их место не займет импорт. Это в случае если все-таки эти меры будут приняты.

— П.Скурихин: Если говорить о растениеводстве и о потере рабочих мест в этой отрасли, то, конечно, для нас одной из главных угроз является снижение объемов производства животноводческой продукции, поскольку около 35-40 млн т ежегодно (фактически половину того, что мы производим) потребляет животноводческая отрасль. Поэтому растениеводы очень заинтересованы в том, чтобы животноводство сохранило тот уровень производства, который сегодня есть. В случае если этого не произойдет, следующим шагом будет сокращение рабочих мест в том числе и в отрасли производства зерна. Если говорить о конкурентных условиях, в которых находимся мы, учитывая, что мы уже сегодня экспортируем свою продукцию (прежде всего зерно), то, конечно, эти условия тоже

не самые равные, поскольку действительно существует проблема закредитованности, о которой говорили коллеги. Проблема закредитованности в растениеводстве стоит гораздо более остро, поскольку несколько лет подряд мы испытывали очень существенные проблемы в отрасли зернопроизводства начиная с 2008 г., когда банки подняли процентные ставки в два раза. 2009 г. был годом переизводства — цены падали ниже себестоимости. 2010 г. — это была рекордная засуха, 43 региона пострадали. И вот у нас опять засушливый год, свыше 20 регионов пострадали. Для нас очень важно сегодня, при вступлении в ВТО, решить проблему закредитованности. Первое — это проблема закредитованности. Речь должна идти о долгосрочной реструктуризации существующих долгов. И второе — это, конечно, изношенный парк. Изношенный парк — подавляющая часть нашей техники произведена свыше 20 лет назад. Когда я слышу то, что говорит Евгений Анатольевич, конечно, то, в чем мы сегодня остро нуждаемся, — это как раз то, что отрасль сельхозмашиностроения вполне может производить, если для этого создать соответствующие условия.

— Ю.Ковалев: Я хотел бы сказать, что одно рабочее место в животноводстве создает минимум шесть в сопутствующих отраслях, начиная с зернопроизводства, кормоприготовления, глубокой переработки, дистрибуции и т.д. И поэтому нам приятно, конечно, слышать об экспорте зерна, но в общем-то экспорт зерна — это, наверное, самое примитивное производство с точки зрения экспорта, потому что задействовано минимальное количество людей и, практически, продаются природные ресурсы. Необходимо, конечно же, продавать продукты с добавленной стоимостью такие, как продукция животноводства. Причем не обязательно экспорт. Почему я отвечаю на ваш вопрос с таким возмущением? Да потому что я возмущен тем, что произошло со свиной, что сегодня в мире на экспорт продается примерно 5 млн т свинины, из них сегодня более 1 млн т вынуждено забирает Россия, поэтому это рынок для всех. Именно поэтому на свинину оказали такое колоссальное давление, а не на птицу, где уже борьба проиграна. Птица немного раньше начала развиваться, и борьба уже у импортеров проиграна, птица — уже не более 10% импорта. Но еще и пошлины сохранили. А свинину проиграли, и поэтому я настаиваю, что еще раз все свиноводческое бизнес-сообщество ждет сейчас от правительства конкретных мер по защите уже сложившейся ситуации, потому что это рабочие места, это реально растущий в 2-4 раза сегмент, которому только нужно соз-

дать условия, или если их нарушили, то хотя бы частично компенсировать те негативные моменты, которые наступят в связи с присоединением.

— Е.Майорова: Отвечая на вопрос к Минэкономразвития по поводу того, оставит ли правительство предприятия, я просто продолжу логику и рассказ коллег о том, что правительство по наиболее рисковому направлению, отраслям, создавая риски от вступления в ВТО, разработало комплекс мер. Действительно, не все из этих мер доведены до конца, но я бы не стала так уж совсем нас критиковать, потому что некоторые вещи все-таки сделаны, некоторые программы поддержки, в частности для свиноводства, уже сейчас вы можете увидеть в законе о бюджете. Что-то сделано уже, что-то будет сделано в ближайшее время, и, естественно, так называемый комплекс мер или планы по адаптации экономики к ВТО — это живой организм, если хотите, он будет изменяться и в зависимости от ситуации будут разрабатываться какие-то новые мероприятия, адаптироваться уже имеющиеся предложения. Мы находимся в постоянном контакте с бизнесом, и такая же работа параллельно проводится в Государственной думе — там создана межфракционная рабочая группа. Тут, мне кажется, все органы государственной власти абсолютно открыты к диалогу и, осознавая возможные риски, готовы делать все, чтобы эти риски минимизировать.

— П.Скурихин: Дополню в части поддержки и в части изменения ситуации в поддержке производства зерна со стороны государства. Сегодня у нас по большому счету существует три наиболее существенных формы поддержки — прежде всего это льготный железнодорожный тариф по перевозке зерна из Сибири и курганской области. Второе — поставка минеральных удобрений по льготным ценам. Надо еще упомянуть, конечно, компенсацию процентов по кредитам, но я уже сказал, что доступ к этим кредитам сегодня достаточно серьезно ограничен, и уже сегодня средств, выделенных на компенсацию, на субсидирование процентов, не хватает. Это поставки льготного топлива. Фактически все эти три меры попадают как раз в янтарную "корзину", и будет необходимость изменения формы этой поддержки, для того чтобы перенести в зеленую "корзину" эти меры поддержки. На самом деле, действительно, диалог идет. И в рамках Государственной думы, и в Министерстве сельского хозяйства. Сегодня уже как раз идет речь о переносе этих форм поддержки на субсидию погектарную при производстве зерна, и здесь, конечно, ключевой вопрос — каков будет размер этой субсидии.

Но так или иначе эта форма поддержки уже допустима с точки зрения требований ВТО. Как только это будет сделано, я думаю, что мы очень существенно сможем компенсировать выпадающие доходы товаропроизводителей.

— Насколько может вырасти доля импорта на вашем рынке? Как это отразится именно на подмосковных предприятиях свиноводческой отрасли?

— Ю.Ковалев: Я не устаю говорить про два сценария, поскольку вопросы остаются. С одной стороны, я готов согласиться с коллегой из Минэкономразвития, но почему-то у нас все время нужно, чтобы пациент умер, а потом мы будем его лечить. То есть так же и сейчас. Вы говорите: давайте посмотрим, вырастет ли импорт. У нас 2009 г. показал, как может вырастать импорт. На основании этого уже можно было принимать какие-то меры. Нет, мы сейчас хотим сначала подождать, потом посмотреть, умрет или нет, а потом будем вводить. Тем не менее, я соглашусь с тем, что работы во всех направлениях идут, мы с вами активные участники всех рабочих групп, переговоров, просто 23-е число уже пришло. Теперь — если вырастет. Я уже сказал, что сейчас доля импорта составляет порядка 23% (по результатам 2011 г. и первой половины 2012 г.). Мы ожидаем, что если не удастся решить проблемы с живыми свиньями, то доля импорта может вырасти примерно до 25-30% и, может быть, выше. Самое главное — что остановится тот тренд по наращиванию, потому что было 40%, стало 23%. Очень тяжело снижать долю импорта. У нас еще примерно на 3-5% в год растет потребление. Кроме того, у нас падает доля производства

в личных подсобных хозяйствах, опять же возвращаясь к проблеме африканской чумы свиней, — это выпадающие объемы, которые необходимо чем-то компенсировать. Весь вопрос в том, кто компенсирует — импорт или отечественные производители. Мы считаем, что примерно до этих цифр — 30-35% — может вырасти доля импорта. Подмосковье не является самым сильным производителем в силу определенных обстоятельств. Я не вижу слишком больших угроз именно для подмосковных предприятий в силу их близости к потребителю и логистике, поэтому, я думаю, что они будут достаточно конкурентоспособны. Там построено много новых, современных и именно конкурентоспособных предприятий. Я не хочу сейчас переходить на региональную составляющую, потому что при сегодняшнем уровне дистрибуции и упаковки уже нет особой разницы, где производится и где находится потребитель. Если мы не говорим, конечно, о Дальнем Востоке или, может, Сибири, а так мы уже региональную зависимость не вычленим.

— Теперь отечественные производители смогут оспаривать дискриминационные меры, которые будут применены уже после вступления в ВТО, или еще и те, которые были до этого?

— Е.Майорова: Мы считаем, что у нас есть юридические основания оспаривать любые меры, которые не соответствуют правилам ВТО, которые применяются в настоящее время независимо от того, когда эти меры были введены. Я знаю, что в ВТО не все эту точку зрения разделяют, но я думаю, что у нас есть сильные юридические аргументы для того, чтобы бороться с такими мерами.



Если у нас производитель комбайнов просит пошлину повысить, то непременно встречается со встречным требованием потребителей их продукции, которые просят снизить пошлины до нуля с тем, чтобы обеспечить доступ дешевой импортной техники в Россию. Как правило решение по всем таким вопросам принималось, исходя из разных интересов – и производителей, и потребителей.

— Можно ли уточнить цифру по свинине: что мы импортируем 1 млн т. А у нас, по-моему, потребление 2 млн т, верны эти цифры?

— Ю.Ковалев: У нас потребление сейчас чуть больше 3 млн т. Когда я говорю об импорте в более 1 млн т, это приблизительно 650 тыс. т – это мясо, и около 500 тыс. т — это продукция свиноводства, такая как шпик и субпродукты. Они у нас опять же по странному стечению обстоятельств не подлежат квотированию, поэтому могут завозиться в любом объеме, пошлина на них снижается с присоединением к ВТО. Если на субпродукты пошлина была 25%, то становится 15%.

— По говядине почти договорились, по птице договорились. Почему не договорились по свинине? Кто вообще виноват, что мы по каким-то моментам не договорились? Мы слишком молоды или у нас лобби слабое?

— Е.Майорова: Это переговорный процесс, сложно называть причины. Мы не можем договориться о том, что мы присоединяемся, вообще не снижая пошлины нигде, ни по одному из товаров. Понятно, что где-то будет снижение. Где-то оно будет больше, где-то меньше. Я могу только сказать, что,

в частности, во-первых, до принятия этого решения были консультации руководства Министерства сельского хозяйства с представителями отрасли. Когда это решение принималось, было полное понимание того, что правительство примет меры, которые будут компенсировать эти возможные риски, и такие меры были реализованы.

— Ю.Ковалев: Я все-таки вынужден добавить. Я подтверждаю, что консультации с бизнесом были, мы понимали, что это переговорный процесс, поэтому действительно необходимо находить какие-то компромиссы. В ходе компромиссов мы согласились на то, что пошлины на сверхплотную свинину могут быть снижены с 75% до 65%, по внутриквотному речь шла о том, что могут быть снижены с 15% до 10%, про живых свиней вопрос вообще не стоял. И потом, когда уже узнали, оказалось, что с 15% не до 10%, а до нуля, хотя никто таких обещаний не давал, и с 40% до 5%. Это оказалось сюрпризом, и было объявлено уже только после того, когда эти договоренности достигнуты.

— Е.Майорова: Тут я виноватого могу назвать. В этом виноваты срок и длительность переговорного процесса, потому что, к сожалению, пошлины на живых свиней были согласованы еще в 2004 г., когда вопрос о квотах, чего Вы сейчас в основном касаетесь, просто не стоял. Мы не сталкивались с этой ситуацией, у нас не было высоких пошлин на живых свиней, применялась 5-процентная ставка тогда, которая просто была фиксированным обязательством.

— Е.Корчевой: Почему так произошло? Две стратегические ошибки были совершены. Первая — это когда Владимир Путин сказал Клепачу: "Если Вы так дальше будете делать, нас так никогда вообще в ВТО не примут!". Мы договаривались о чем-то с партнерами, выполняли обязательства до вступления, начиная с момента переговоров. Меняли законодательство, снижали ставки, а рас делали всё и так — зачем тогда было нам принимать, если мы и так всё сделали, о чем договорились? Только в 2008 г., после кризиса, мы от этой политики отошли, и она изменилась. Мы начали принимать защитные меры по свинине, по птице, по машиностроению, — по огромному количеству товаров; экономика по-другому заработала. Партнеры за границей это увидели, и не зря в своем отчете в ВТО написали, что Россия — это держава номер один, которая применяет протекционистские меры, то есть увидели реальную угрозу, что халява закончилась, и надо что-то с этим делать. Они попали в такую ситуацию, что вроде как надо принимать, и это последняя возможность что-то снизить. Вторая ошибка

была политическая. Дело в том, что об этом мало говорят, но многие об этом писали. Был поставлен четкий срок перед чиновниками, и они попали в неловкую ситуацию, когда ты ведешь переговоры со второй стороной и ты знаешь, что ты должен их закончить. Задача поставлена вступить; ты не можешь выкатывать условия, которые могут привести хотя бы даже к прерыванию переговоров, не можешь хлопнуть дверью, уйти и сказать: "Да мы тогда вообще не будем вступать". Они тоже знают, что перед тобой задача, и ты сделаешь все, чтобы тебя согласовали.

— Е.Майорова: Это не совсем корректно. Мы действительно на протяжении всех последних лет занимались тем, что меняли законодательство, то есть мы меняли систему регулирования, приводя ее в соответствие с правилами ВТО, но это не касалось таможенных пошлин. И более того, вы сами привели пример, в тот момент, когда это потребовалось, мы стали резко таможенные пошлины повышать.

— До 2008г. обращались 5 раз в МЭР РФ с просьбой повысить пошлины на сельхозтехнику, потому что они были очень низкие, и Г.Греф открыто нам говорил: "Нет, у нас согласовано 5%, мы не будем их поднимать, потому что это согласовано". На что мы говорили: "Так мы же еще не члены ВТО". "Ну и что. Это наши обязательства, и мы не будем их поднимать", — отвечал Г.Греф. С тех пор как он возглавил Сбербанк и с тех пор как случился экономический кризис и В.Путин пришел в правительство, политика поменялась. А до этого было именно так, я вас заверяю.

— Е.Майорова: К нам действительно приходит очень много заявлений, и раньше приходило и на повышение, и на понижение пошлины, но, как правило, эти заявления взаимоисключающие. Я на примере комбайнов сейчас скажу: если у нас производитель комбайнов просит пошлину повысить, то непременно встречается со встречным требованием потребителей их продукции, которые просят снизить пошлины до нуля с тем, чтобы обеспечить доступ дешевой импортной техники в Россию. Как правило решение по всем таким вопросам принималось, исходя из разных интересов – и производителей, и потребителей. Тут я не удивлюсь, что, может быть, некоторые запросы не удовлетворялись или удовлетворялись, но не в том объеме. Я вам совершенно ответственно могу заявить, что у нас до присоединения к ВТО никаких директив не было выполнять согласованные обязательства, которые еще не вступили в силу. Это первое. И второе – у нас на протяжении 12 лет, которые я занимаюсь этим процессом, никогда за это время перед нами не ставилась дата.

МРСК: это звучит надёжно Дмитрий Гуджоян о работе крупнейшей электросетевой компании России

Генеральный директор ОАО "Межрегиональная распределительная сетевая компания Центра" (МРСК Центра) Дмитрий Гуджоян рассказал журналистам о готовности МРСК Центра к сезону пиковых нагрузок, и перспективам их прохождения без потрясений.



— Что представляет собой одна из крупнейших электросетевых компаний России?

— В том виде, в котором компания существует сегодня, она была образована в 2004г. Потом конфигурация ее несколько раз менялась, окончательный вид мы приобрели в 2007г. в процессе в том числе реформирования РАО "ЕЭС России". Сегодня эта компания объединяет более 30 тыс. работающих специалистов на 11 территориях Центрального федерального округа. Практически из 18 территорий 11 территорий сегодня обеспечивают надежным электроснабжением наши специалисты. Для ориентира — от нашего электроснабжения сегодня зависят порядка 14 млн жителей России, то есть это достаточно большая цифра с учетом того, что Центральный федеральный округ достаточно плотно населен, много агропромышленного сектора, много населения, много крупных городов. Именно такая компания сегодня обеспечивает распределение и передачу электрической энергии по сетям МРСК Центра в Центральном федеральном округе.

— Насколько масштабной была в МРСК Центра подготовка к прохождению осенне-зимнего периода? Были ли какие-то особенности?

— Я должен отметить, что у нас каждый год происходит подобная процедура, то есть каждому предприятию электроэнергетики выдается паспорт готовности к зиме. Это означает, что компания выполнила все обязательства и все предписания, которые она обязана выполнять по нормативным документам. Это проверяется Министерством энергетики, это проверяется Ростехнадзором, другими федеральными ведомствами, которые отвечают за те или иные направления деятельности электросетевого комплекса страны в целом. В этом году особенно подготовкой к зимнему периоду стало получение паспорта готовности на месяц раньше. Эта задача, которая была поставлена председателем правления ФСК ЕЭС Бударгиним Олегом Михайловичем, безусловно, потребовала от нас очень серьезной мобилизации ресурсов, поскольку многие мероприятия, которые мы выполняли, были рассчитаны до конца года. И нам фактически пришлось в усиленном порядке не только людские ресурсы, но и финансовые ресурсы мобилизовать, для того чтобы к 15-му числу выполнить все основные мероприятия. В первую очередь это касается выполнения ремонтных программ. Сегодня у нас ремонтная программа составляет порядка 1,5 млрд руб., в которую включена в том числе и программа по повы-

шению надежности работы распределительных сетей. Это очень серьезная проблематика, связанная с расчисткой и расширением просек. Я думаю, что коллеги все представляют и помнят последствия "ледяного дождя", где основной причиной как раз и было падение деревьев на распределительных сетях. Уже второй год мы достаточно серьезные объемы выполняем по расширению и расчистке просек, создана специальная программа — она рассчитана до 2017г. На сегодня задача поставлена и министром энергетики, и президентом — Владимиром Путиным, для того чтобы в самые кратчайшие сроки весь этот объем выполнить, чтобы минимизировать риски возникновения каких-либо технологических нарушений по вине падения деревьев. Наверное, вкратце это все. Хотел бы отдельно отметить работу персонала нашей компании, потому что, безусловно, не только мероприятия, связанные с ремонтом, с расширением просек, относились к мероприятиям по подготовке к зиме. Это также и взаимодействие с региональными и федеральными органами (МЧС прежде всего), субъектами Федерации, это проведение тренировок, формирование аварийного запаса. Все сделано, для того чтобы сегодня с учетом меняющихся природных условий (мы не можем как-то влиять на какие-то природные катаклизмы) мы могли в самые кратчайшие сроки мобилизовать все резервы, которые есть, для скорейшего восстановления электроснабжения на территории нашего присутствия. Это основная задача. Мы установили жесткие требования по времени по восстановлению электроснабжения, отдельное внимание уделяем социально значимым объектам: школах, котельным, детским садам. Формируем достаточно большой резерв автономных источников питания. Иногда даже фактически несем ответственность и за ряд других потребителей, берем ее на себя, потому что мы понимаем, что сегодня компания МРСК Центра — вначале я этого не сказал — 50% с лишним — это доля присутствия в компании Холдинга МРСК, который, в свою очередь, принадлежит государству. Поэтому мы на себе еще несем и социальную функцию.

— Проблема всех поставщиков энергоносителей — неплатежи со стороны сбытовых компаний. Насколько эта проблема актуальна для МРСК Центра, и как Вы ее решаете?

— Действительно, компания МРСК Центра, говоря простым языком, живет на те средства, которые сегодня устанавливает в каждом регионе орган регулирования для нашей компании. И деньги поступают не откуда-нибудь, а из платежей наших граждан-потребителей. Собирают эти деньги сбытовые компании. К сожалению, в последние два-три года наметилась существенная тенденция по невыполнению своих обязательств со стороны сбытовых компаний. Та часть, которая предназначена для сетевых компаний, к сожалению, до нас не доходит. Я думаю, что многие из вас слышали и знают, что этот вопрос уже поднимался и в декабре прошлого года — выступление президента Владимира Владимировича по проблемам неплатежей, в том числе по выводу денег. К сожалению, эта проблема в этом году осталась, она существует. Сбытовые компании сегодня нам должны в общей сумме порядка 9 млрд руб. — это колоссальная сумма. Для примера могу сказать, что наша ремонтная программа — это 1,5 млрд руб. Нам должны порядка семи ремонтных программ. Безусловно, это не может не отражаться на надежности, и сегодня мы стучимся во все двери, для того чтобы жестко регламентировать процесс платежей именно в сторону сетевых компаний. В данном случае нам помогают, безусловно, наши коллеги из Федеральной сетевой компании, наши коллеги из холдинга, Министерства энергетики и регионы. Я сам лично встречаюсь с губернаторами, это всегда вопрос номер один — финансирование и платежи в сторону сетевой компании. Ведущий: Злостных должников много? Д.Гуджоян: Да, у нас существуют злостные должники. В семи регионах присутствия у нас одна и та же сбытовая компания — небезывестная группа компаний "Энергострим". Сегодня нам удается удерживать пока платежи в тех рамках, которые есть, но провалы в начале года сформировали ту задолженность, о которой я говорил. Сегодня наша задача: во-первых, не допустить наращивания этой задолженности, во-вторых, вернуть в соответствии с судебными решениями все те деньги, которые нам должны.

— Как ведется претензионная исковая работа? Готовы ли Вы обозначить какие-то цифры, сколько уже взыскано?

— У нас по разным регионам существуют разные задолженности, но я могу сказать, что на сегодняшний день у нас есть положительные решения судов по самому, так

сказать, старинному и проблемному вопросу — по Тверскому региону. Там в одном из первых появилась данная проблема, у нас есть даже решение Высшего арбитражного суда в пользу сетевой компании. Я считаю, что это правильно, потому что мы никогда не претендуем ни на какие лишние деньги, а только просим вернуть те деньги, которые установлены тарифно-балансовым решением, то есть это те деньги, которые обязаны быть в сетевой компании.

— Вы сказали, что активно взаимодействуете с руководителями регионов. А то, что касается населения, — лично до Вас доходят письма граждан, их обращения? Вообще обращаются напрямую?

— Да, мы в этом плане ведем работу. Я бы не сказал, что по популяризации деятельности сетевых компаний среди населения и прежде всего среди потребителей. Безусловно, основной наш контрагент, визави при любых отношениях (договорных или каких-либо других) — это потребитель. Это тот человек, который приходит в наши специализированные центры по приему клиентов, кто обращается либо за присоединением, либо за установкой прибора учета, либо за заключением договора. Сегодня основная задача — донести в полном объеме информацию до потребителя. К сожалению, какое-то время потребитель находился в определенном информационном вакууме, поэтому мы сегодня активно используем в том числе и социальные сети, и все возможности интернета, телевидения. Это должно быть не только на федеральном уровне, но и в первую очередь на региональном. У людей должна быть возможность не только получить своевременную информацию, но и если у них есть претензии, вопросы или, не дай Бог, замечания к нашей работе, они могли высказать это напрямую в том числе генеральному директору. На сайте нашей компании есть раздел — "Приемная генерального директора". Я могу заверить, что письма поступают прямо мне в приемную и сразу мне на стол, что вызывает иногда недовольство наших сотрудников, которые отвечают за те или иные направления. Эта система специально придумана, для того чтобы, во-первых, разбираться с конкретными жалобами потребителей, а, во-вторых, понимать тенденцию. Очень хорошо видно, где какие проблемы, именно по обращениям граждан.

— Я правильно понимаю, что политика компании направлена именно на максимальную открытость?

— Безусловно. Сегодня это одна из основных наших задач — показать нашу работу. Вы, наверное, все представляете, что такое более 30 тыс. людей, которые работают круглосуточно.

У всех горит свет, работают электроприборы. За этим стоит действительно колоссальный труд наших работников, монтеров, которые обеспечивают надежное электроснабжение. Не секрет, что сегодня уровень износа сетей по нашей компании — это порядка 70%. Поддерживать электроснабжение на достойном уровне все сложнее и сложнее, потому что мы имеем определенные сдерживающие факторы по остатку тарифа и не имеем возможности в необходимом объеме привлекать сегодня инвестиции. На первый план здесь выходит именно работа персонала. Наша задача — именно показывать населению, что все их запросы, пожелания, комментарии не просто где-то повисают в воздухе, а находят вполне конкретное отражение.

— Вы произнесли слово "инвестиции", а бы хотела продолжить. МРСК Центра проводит активную инвестиционную политику. Каковы ее основные направления?

— Как я уже сказал, необходимость достаточно серьезных вложений в отрасль возникла уже давно. Это связано прежде всего с физическим состоянием сетей. Достаточно долгое время сетевая инфраструктура финансировалась по остаточному принципу, и сейчас это дает о себе знать. Один из способов привлечения инвестиций стал возможным благодаря переходу тарифного регулирования по методу RAB, который начался у нас в 2009г. и практически полностью закончился в 2011г. Все наши филиалы были переведены на RAB-регулирование. Этот метод очень простой. Это своего рода такие госгарантии, только территориальные, когда под будущие обязательства получения денег в тарифе сегодня сетевая компания привлекает на рынке финансовые ресурсы, для того чтобы их вкладывать в сеть. Я считаю, что это, конечно, очень удачный способ. Он позволил нам сделать колоссальный рывок по инвестициям, потому что сегодня инвестиционная программа одного нашего региона равняется всей инвестиционной программе, которая была раньше в МРСК Центра. Тем не менее, мы подсчитали, что даже в том объеме, в котором сегодня имеются инвестиции благодаря этому новому методу тарифного регулирования, износ нам удастся снизить всего на 2-3%. Такой колоссальный объем инвестиций сегодня нужен для сетевой компании. Износ сейчас находится на том уровне, который я назвал — порядка 69%. Сегодня мы понимаем, что для отрасли необходимы инвестиции. Мы крайне бережно стараемся относиться к тем деньгам, которые сегодня уже выделяются, убираем все ненужные проекты, оставляем только те, которые позволяют обеспечить именно надежность электроснабжения. В первую оче-

редь надежность. Это наша основная задача и основная задача всего распределительного комплекса. Те громкие технологические нарушения, о которых вы все слышали, говорят о том, что это очень больно и очень негативно воспринимается в первую очередь опять же потребителями, населением.

— При выборе технологического оборудования предпочтение отдается отечественным производителям или зарубежным?

— Сегодня в структуре приобретаемого оборудования более 85% — это отечественное оборудование. Это не наша заслуга, а так исторически сложилось, что распределительное оборудование в основном производилось на территории РФ. У нас есть ряд иностранных партнеров — Siemens, ABB и другие компании, с которыми мы осуществляем взаимодействие в нашей деятельности. Но мы очень жестко здесь (поскольку коллегии к нам предъявляют требования по обеспечению гарантий загрузки их производств) выходим с требованием того, чтобы в обязательном порядке эти производители открывали производство на территории РФ. У нас есть хороший пример по компании Siemens. Она уже три завода открыла в Воронеже, и сегодня мы в таком формате взаимодействуем со всеми иностранными партнерами, потому что для нас как для потребителей в данном виде взаимоотношений крайне важны цена, качество и сроки. Я считаю, что это можно обеспечить, только находясь здесь, на территории РФ, благо, что по важным объектам мы всегда отправляем своих сотрудников на завод. Мы контролируем процесс производства, то есть мы не просто пускаем их на самотек. Вы прекрасно понимаете, что такое производство, что такое завод и какие неожиданности могут быть — всегда есть срывы сроков, какие-то неожиданности. Чтобы их избежать, мы стараемся выходить на долгосрочные отношения с поставщиками.

— Какой объем CAPEX запланирован на 2012г.?

— Мы уже вкратце коснулись тематики инвестиций. В 2012г. у нас в плане стоит выполнение мероприятий порядка 15 млн руб. — все инвестиционные программы МРСК Центра. От региона к региону она разная. Безусловно, самые крупные территории, на которых мы инвестируем сегодня, это те территории, которые могут себе это позволить, поскольку, еще раз повторяю, тариф, который мы имеем сегодня, это тариф, который устанавливают региональные власти. Это не наши деньги, которые нам выделяются. Мы в будущих периодах планируем находиться на том же уровне в плане инвестиций, но стараемся бороться

за то, чтобы объем физического выполнения работ у нас постоянно увеличивался, то есть чтобы мы снижали затраты на условные единицы, чтобы мы снижали единовременные затраты. Мы требуем от поставщиков и наших контрагентов того же самого. Плюс у нас есть поручение от президента РФ о том, что мы ежегодно в течение 3 лет снижаем стоимость закупок товаров и услуг на 10%. Мы это выполним.

— Вы сказали, что доля дополнительных услуг сегодня всего лишь 5%. В перспективе как Вы планируете увеличить эту долю, до сколько ее довести?

— Это вопрос из области "нет предела совершенству". Здесь мы будем стараться эту цифру максимизировать, потому что, еще раз повторюсь, чем больше будет эта цифра, тем меньше мы будем зависимы от тарифных источников и, соответственно, меньше мы будем нагружать тариф для конечного потребителя. Мы решаем две задачи — свою задачу чисто экономически и финансовую, и мы также делаем немного свободнее потребителя с точки зрения ценообразования. Я думаю, что мы вполне можем довести эту цифру до 20 с небольшим процентов.

— Каковы Ваши прогнозы относительно роста тарифов по передаче электроэнергии на ближайшие годы? Можно ли ожидать, что регулятор установит его на уровне "инфляция плюс"?

— У нас уже сегодня достаточно жестко отрегулирован этот вопрос. Мы имеем тарифные ограничения, в рамках которых не мы, а органы регулирования (региональные в первую очередь) устанавливают тарифы, в том числе и для сетевой компании. Этот рост сегодня ограничен, для нас он составляет, по разным оценкам, 10-12%. Но еще раз повторюсь, я считаю, что тот уровень износа, те инвестиции, которые сегодня необходимы в тарифных решениях. Невозможно найти такие деньги в тарифе. Это уже, по-моему, стало очевидно. Сегодня, наоборот, мы боремся и бьемся за то, чтобы снизить нагрузку на потребителя в конечном тарифе. Понятно, что в конечном тарифе присутствует не только сетевая составляющая, но и ряд других: производители, предприятия, которые передают электрическую энергию, сбывают ее. Наша задача сегодня — снизить свои производственные издержки и тем самым снизить нагрузку на потребителя. Это основная задача, которая сегодня и правительством ставится, и президентом, и мы ее, в общем, я считаю, споконно, планомерно выполняем. Другое дело, что есть факторы, которые не совсем напрямую зависят от нас как от сетевой компании,

Мы имеем тарифные ограничения, в рамках которых не мы, а органы регулирования (региональные в первую очередь) устанавливают тарифы, в том числе и для сетевой компании. Этот рост сегодня ограничен, для нас он составляет, по разным оценкам, 10-12%. Но еще раз повторюсь, я считаю, что тот уровень износа, те инвестиции, которые сегодня необходимы в отрасли, не в состоянии быть найдены в тарифных решениях. Невозможно найти такие деньги в тарифе.

но мы здесь тоже руки не опускаем и ведем достаточно серьезную работу. В первую очередь я имею в виду другие смежные территориальные сетевые компании, так называемые альтернативные, которые ведут деятельность в этом же направлении. По разным регионам у нас ситуация разная. Где-то наша доля рынка составляет 95% и выше, где-то практически нет таких компаний, а есть регионы, где у нас доля рынка всего 70%, и 30% занимают крупные сетевые компании. Как правило, это крупные города. Там особо обострена тематика надежности, и есть стойкое убеждение, что наличие двух-трех-пяти компаний, управляющего штата, расходов, затрат, издержек никак не способствует снижению тарифа, а только его наращивает. Каждому директору надо платить зарплату, каждому руководителю нужна машина и т.д. Мы сегодня идем по пути того, чтобы, во-первых, интегрировать эти компании в контур МРСК Центра. У нас есть успешные проекты в этом плане, в первую очередь — сделка по приобретению Ярославской городской электросетевой компании, которая у нас была завершена в конце

2010г. Это буквально совсем недавно приобретение сетей Старого Оскола (Белгородская область). Безусловно, получая эти сети, мы наводим там порядок, приводим все к единому знаменателю, к единой технической политике, которая у нас реализуется, сокращаем издержки. Сегодня я могу сказать, что эффект от этих мероприятий очевиден. Например, мы провели аналитику, оценку того, как повлияла интеграция Ярославской городской сетевой компании на конечный тариф. У нас за счет интеграции конечный тариф снизился больше, чем на 1%, для потребителя. Здесь мы за максимальную прозрачность. Сегодня регулятор видит абсолютно все наши затраты, и мы хотим, чтобы все остальные игроки рынка были так же прозрачны.

— *На прошлой неделе МРСК Центра приступила к размещению облигаций. Что Вы ожидаете от этого?*

— Это то же самое, о чем мы уже говорили. Мы пробуем различные способы привлечения денег, привлечения по мере возможности дешевого финансирования. Еще раз повторюсь, что все затраты (и на привлечение финансирования) ложатся в нагрузку тарифа. Если говорить сегодня о привлеченном финансировании, то в основном портфель наших заимствований больше, чем на 50%, — это крупные банки — Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, которые дают нам самые лучшие условия с точки зрения ставки по кредитованию. Сегодня у нас ставка одна из самых низких по отрасли. У нас есть короткие деньги и длинные деньги, мы стараемся уходить максимально в длинные деньги. Нам был выдан в прошлом году 15-летний кредит на 3 с лишним миллиардов рублей Сбербанком под очень низкую ставку — порядка 8%. Размещение облигаций — это тоже способ привлечения дешевых денег. Я считаю, что мы хорошо разместились на фоне общей тенденции освещения деятельности распределительного комплекса, на фоне интеграционных процессов, которые сегодня происходят. Я считаю, что мы сделали удачный шаг, для того чтобы эти деньги направить на инвестиции.

— *На недавней встрече президента РФ и председателя правления ФСК была поставлена задача о восстановлении энергоснабжения в случае аварии в течение двух часов. Согласитесь — очень жесткий график. К нему специалисты МРСК готовы? И что предпринято в связи с этим?*

— Я уже ранее говорил о том, что сегодня мы для себя и для своих структурных подразделений ставим жесткие рамки по скорости восстановления электроснабжения. Безусловно, вы прекрасно понимаете, что сегодня для того, чтобы восстановить элек-



троснабжение, надо сначала найти и понять, а где же оно нарушилось. С учетом с той протяженности сетей (а это порядка 370 тыс. км) сделать оперативно крайней сложно. Тем не менее, в том числе с применением современных технологий мы сегодня и малую авиацию для этого задействуем и другие виды мониторинга. Мы себе поставили задачу, и в этот раз я считаю, что уже отработали и имеем определенный опыт. Это действительно, максимально оперативно вплоть до 2-часовой готовности реагировать на такого рода технологические нарушения. Еще до того как были выданы соответствующие предписания В.Путиным председателю правления ФСК, мы уже успели потренироваться при проведении единого дня голосования в декабре прошлого года и весной этого года. Мы сами устанавливали такие жесткие требования в первую очередь потому, что считали, что недопустимо нахождение обесточенных и избирательных участков более этой цифры. Так совпало, что мы для себя устанавливали эту цифру в 2 часа. Естественно, что сегодня прогресс не стоит на месте не только в электросетевом комплексе, но и в других отраслях. У нас все чаще на выборах на избирательных участках используются эти автоматизированные системы — КОИБы, и, безусловно, вопрос надежности в разы увеличивается. Также web-камеры и т.д., даже несмотря на наличие аварийных источников, которые тоже имеют свой срок работы и не могут работать 5-6 часов. Поэтому без нашей составляющей здесь некуда деться. Я считаю, что мы готовы и эту зиму планируем отработать именно в этом режиме.

— *Такие участвовавшие в последние два года явления, как "ледяные дожди", откорректировали программу подготовки к отопительному сезону? Каких дополнительных вложений они потребовали? Как сильно пришлось увеличить в связи с этим финансирование?*

— Действительно, у нас сегодня многие из тех нормативов, которые были установлены достаточно длительное время назад, требуют корректировки. Мы уже видим даже по физике, что некоторые природные явления происходят в тех регионах, в которых раньше их никогда не было. Безусловно, это требует от нас дополнительных мероприятий, дополнительных затрат как следствие. Но, наверное, основной статьей затрат сегодня остается и будет оставаться наша проблема с лесными массивами. Это, к сожалению, проблема, которая нам досталась по наследству. Это связано с проектной шириной просек, которая устанавливалась раньше при строительстве линий электропередачи. Сегодня эта проблема нас практически покрывает. Основной объем денежных средств мы сегодня тратим на то, чтобы убрать те риски, которые связаны с падением деревьев на ЛЭП. Пятилетняя программа, о которой я говорил, рассчитана по затратам где-то на 1 млрд руб. Это дополнительные деньги, которые мы изначально, два года назад, не планировали тратить на данный вид деятельности. Сегодня мы их тратим. Более того, я уже говорил о том, что мы получили паспорт на месяц раньше, годовые работы по расчистке и расширению просек мы выполнили к этому периоду. Сейчас уже выполняем работы 2013г., то есть следующего. Мы стараемся сделать задел, потому что

объем работы такой колоссальный по данной проблематике, что мы планировали в пять лет сделать. Сегодня задача стоит значительно сократить этот срок, потому что в распределительных сетях, повторюсь, это является основной причиной технологических нарушений. Мы все силы, все средства бросаем на это.

— *Давайте затронем тему дополнительных услуг — МРСК же их оказывает. Насколько они востребованы и каков экономический эффект от них? Насколько это Вам интересно?*

— Наверное, я бы сказал так, что мы все, что сегодня не относится к источникам в тарифе, относим к дополнительным услугам. Мы сегодня понимаем, что деятельность распределительной компании необходимо диверсифицировать, для того чтобы мы не были завязаны всего лишь на один-единственный аспект и по нам так сильно не били бы те или иные решения, которые сегодня принимаются в плане тарифного регулирования. В последний год мы активно ищем и продвигаем тематику таких допслуг, пытаемся зарабатывать деньги в тех направлениях, где раньше, может быть, сетевые компании не выполняли эту работу. Что же к ним относится? Прежде всего это связано с выполнением энергосервисных услуг, энергетических обследований. Также это работа, связанная с работой с потребителями, это дополнительные услуги по установке приборов учета, по монтажу, по проектированию. Те деньги, которые сегодня находятся на рынке, и работы, которые выполняются малым и средним бизнесом, как бы некрасиво это ни звучало, мы хотим это сделать у себя. Почему? У нас это будет дешевле, качественнее и, самое главное, это никак не отразится на надежности, потому что работы, выполненные нашими сотрудниками, по качеству, безусловно, ни в какое сравнение не идут с теми работами, которые выполняют какие-то небольшие организации. Мы не говорим о том, что они делают плохо, просто мы делаем лучше. Мы стараемся ту денежную массу, которая сегодня есть на рынке, максимально подтянуть под себя. Не для того чтобы получить какую-то чистую прибыль, а чтобы эти деньги тоже направить на инвестиции в сетевой комплекс.

Я могу сказать, что сегодня доля этих услуг не превышает 5% пока в объеме выручки. Перечень услуг я уже частично обозначил. Дополнительно мы рассматриваем проекты в области малой генерации, это связано с тематикой "умных сетей". Также смотрим различные проекты, связанные с уличным освещением, — это сегодня очень интересный вид деятельности. Здесь нам очень помогает региональная администрация. Стоит

отметить, что мы первые в электроэнергетике заключили концессионное соглашение с администрацией Белгородской области и выполнили проект по освещению 100 с лишним километров автодороги в Белгородской области, вложив туда более 200 млн руб., получая возврат из бюджета Белгородской области, но не из тарифного источника, а из других статей бюджета.

— *Недавно проходило заседание по поводу нарушения прав человека в США. В этой связи, как Вы считаете, а им есть чему у нас поучиться?*

— Я здесь бы прокомментировал с точки зрения работодателя в отношении наших сотрудников. Я могу сказать, что мы очень внимательно (стараясь, во всяком случае) следим за тем, чтобы особенно на территориях наши сотрудники имели достойную оплату того труда, о котором я говорил, потому что он абсолютно не нормированный, круглосуточный. Я думаю, что здесь нашим коллегам, в том числе и в США, есть чему поучиться в плане организации работы со своим персоналом. Мы стараемся думать, прежде всего, о своих сотрудниках. У нас есть коллективный договор, дополнительно стараемся какие-то социальные льготы создавать для нашей компании. Мы стараемся, чтобы, еще раз повторюсь, уровень зарплат наших сотрудников был выше среднего уровня зарплат на территории в среднем.

— *Компания МРСК Центра часто была лидером в плане каких-то реальных инноваций — переход на RAB и т.д. В чем сейчас в этом плане МРСК Центра является лидером и примером для остальных МРСК? Я думал, что вы полигон в холдинге для каких-то новых технологий. Так ли это?*

— Действительно, у нас за последнее время было много интересных и технических, и технологических, и инновационных решений. Мы эту работу, безусловно, продолжаем. Более того, сегодня, как вы, наверное, знаете, во всем электросетевом комплексе, да и во всей энергетике, во всей промышленности достаточно большое внимание уделяется инновационному развитию. Мы — не исключение. У нас существует инновационная программа, куда мы включаем проекты, которые, наверное, не принесут результатов в будущем году, через два года, но в течение 5-6 лет они могут достаточно серьезно изменить подходы и в технической политике, и к организационным мероприятиям. Я могу сказать, что сегодня мы основной упор в первую очередь делаем на технику. Это разработки новых видов оборудования, новых видов материалов, это разработка новых видов организационных мероприятий взаимодей-

Мы очень внимательно (стараясь, во всяком случае) следим за тем, чтобы особенно на территориях наши сотрудники имели достойную оплату того труда, о котором я говорил, потому что он абсолютно не нормированный, круглосуточный. Я думаю, что здесь нашим коллегам, в том числе и в США, есть чему поучиться в плане организации работы со своим персоналом. Мы стараемся думать, прежде всего, о своих сотрудниках.

ствия, на рынке электроэнергетики со сбытовыми организациями, с территориальными организациями, с губерниями. Мы сегодня своей основной акцент в области инноваций смещаем в сторону техники и технологий, потому что, во-первых, у нас нет сегодня финансовой возможности формировать проекты, связанные с какими-то космическими или близкими к ним технологиями. Во-вторых, еще раз повторюсь, основной приоритет, который сегодня существует для компании, это повышение надежности электроснабжения. Соответственно все наши инновации сегодня, все новинки "заточены" именно под это. При этом компания продолжает оставаться, как вы сказали, полигоном в общей большой семье холдинга ФСК, мы активно налаживаем и наладили уже взаимодействие с нашими коллегами в ФСК именно по инновационной деятельности. Мы очень плотно сотрудничаем по этой тематике в Минэнерго. Мы взаимодействуем не только с компаниями на территории РФ, но и с зарубежными компаниями. Так, например, у нас есть соглашение о взаимодействии с компаниями из США. Я могу сказать, что не только мы черпаем технологии у наших американских коллег, но

и американцы заинтересовались нашими двумя-тремя проектами, связанными с уличным освещением, с развитием электротранспорта и т.д. В 2010г. в рамках поручения президента Дмитрия Медведева была создана рабочая группа на межправительственном уровне — между Министерством энергетики США и Министерством энергетики РФ, в рамках которой были определены пилотные проекты по взаимодействию в области электросетевого хозяйства. С нашей стороны была выбрана Белгородская область, со стороны американских коллег — электросетевая компания Сан-Диего. Мы достаточно много имели контактов, обменивались опытом. В итоге сформировали программную работу по обмену опытом. Проще говоря, мы стараемся подсмотреть у наших коллег все лучшие наработки, которые есть в их стране, а коллеги, в свою очередь, пытаются то же самое сделать у нас. Коллегам очень понравилась та система мониторинга, которая сегодня существует у МРСК Центра. Это комплекс мероприятий, связанных с наблюдением и контролем состояния электросетевых активов. Это и видеонаблюдение, это и мониторинг, и диагностика, и т.д. У коллег этого даже не оказалось, у них эти системы были разрознены. Такая система у нас внедрена сегодня, она называется "Система управления активами". Тестовый режим она уже прошла, и мы сегодня ее активно внедряем в производство. Это как раз к разговору об инновациях. Опять же — техническая сторона. Мы у коллег, безусловно, при обмене опытом изучаем их проекты, и в Белгородской области, и в ряде других областей планируем реализовывать пилотные проекты, в том числе по электротранспорту. Но, в отличие от наших коллег, например, в МОЭСКе, которые такой проект уже реализовали, и он достаточно широко освещался в прессе, мы основной акцент делаем все-таки на городской транспорт, а не на частный. Здесь можно получить максимальный эффект, и опять же это даст возможность региону снизить, если она существует, социальную напряженность и понизить хоть немножко тарифы на перевозку пассажиров.

— **Значительная часть филиалов МРСК Центра работает по тарифам на основе метода RAB. Насколько ощутима его эффективность?**

— Единственный момент, о котором я должен сказать, это то, что данный метод тарифного регулирования позволил сильно увеличить или улучшить привлекательность самой компании на внешнем рынке. Не секрет, что помимо 50% акций, которые сегодня находятся в собственности у Холдинга МРСК,

остальная часть акций находится в рамках частных инвесторов. Безусловно, возможность привлечь средства, инвестировать, капитализировать компанию благостно сказывается на стоимости самой компании, и это поднимает ее капитализацию. Даже с точки зрения такой инвестиционной привлекательности это свою роль сыграло.

— **В чем состоят сложности объединения ФСК и МРСК, а в чем — плюсы?**

— Я не могу сказать, что есть какие-то сложности для МРСК Центра. Я в этом вижу только плюсы как руководитель хозяйствующего субъекта. В первую очередь, это то взаимодействие, которое мы организовываем с нашими коллегами с ФСК. Подготовка к зиме велась не только с точки зрения нашей программы, которую мы ежегодно реализуем, — мероприятия, тренировки, сегодня это проводилось во взаимодействии с нашими коллегами из ФСК, с нашими коллегами из МЭС-Центра. У нас есть такая же компания ФСК — МЭС-Центра и МЭС-Северо-Запада, те территории, которые сегодня относятся к их ведению в плане высоковольтных сетей. Здесь мы фактически получаем дополнительный трудовой ресурс в случае возникновения какой-то внештатной ситуации. Теперь нас больше, теперь у нас больше ресурсов, мы, безусловно, всегда приходим на помощь нашим коллегам из ФСК, а они приходят к нам. Самое главное, надо сказать, что мы уже получили реальную тренировку по взаимодействию в этом году. Недавно у нас достаточно серьезные были технологические нарушения в Смоленской области, там прошел циклон с Балтики, затронул Калининград. Я думаю, что все слышали, что там было серьезное отключение. Потом циклон прошел через Смоленскую область, Московскую область. Мы благодарим наших коллег из ФСК, мы уже отработали во взаимодействии с ними в реальных условиях.

— **Как Вы оцениваете предложение Минэнерго России по применению социальной нормы энергопотребления для населения на уровне среднего потребления по региону, так, чтобы сверхнормативное потребление оплачивалось по экономически обоснованному тарифу?**

— Сегодня эта тема действительно очень актуальна. Для нас она актуальна немного с другой стороны. Не секрет, что сегодня в некоторых регионах присутствия МРСК Центра остро стоит вопрос перекрестного субсидирования. Мы знаем, что есть альтернативное название этой проблематики: проблема "последней мили". Фактически это ситуация, при которой крупные потребители компенсируют часть расходов бюджетных и других групп по-

требления. Сегодня правительством принято решение, что мы поэтапно уходим от этого перекрестного субсидирования, и, естественно, встает вопрос, где взять источники для компенсации выпадающих доходов, которые сегодня формируются крупными потребителями. Социальная норма — это действительно один из способов дополнительной компенсации таких мероприятий. Я отношусь к этому спокойно в том плане, что действительно, кто тратит много, тот и платить должен больше. Тем, кто тратит меньше и заботится о том, чтобы не просто говорить о поддержке идеологии энергоэффективности, энергосбережения, кто действительно бережливо относится к энергоресурсам, дать возможность получить определенные преференции. Я считаю, что это правильно, и здесь не должно быть никакой уравниловки, а должна быть определенная диверсификация.

— **Сектор в последние 6 месяцев находился под серьезным давлением на фоне негативных новостей. Индекс MIRAX PWR с начала года потерял около 9%. Как Вы думаете, сможет ли сектор вырасти к концу года?**

— Я всегда стараюсь очень аккуратно говорить о каких-либо перспективах касательно рынка, в том числе и ценных бумаг, потому что любое сказанное слово имеет определенные последствия. Я могу сказать, что действительно достаточно много новостных аспектов за прошедший период этого года было. Безусловно, информация о тарифных ограничениях и т.д., скажем так, не очень положительно действует на ожидания инвесторов, которые очень внимательно следят за деятельностью и нашей компании, и других наших коллег. Я считаю, что в том числе и информирование инвестиционного сообщества о той работе, которая сегодня проводится в компании (а я считаю, что это не только моя оценка, а и оценка всего инвестиционного сообщества сегодня и всех дочерних обществ холдинга МРСК) МРСК Центра — это одна из самых открытых компаний с точки зрения общения не только с инвесторами и не только с журналистами, но и вообще с общественностью. Я сам провожу такие встречи с инвесторами. Любой инвестор может попросить встречу, и я сам лично ее провожу, не доверяя ни заместителям, ни помощникам, потому что считаю, во-первых, что лицо компании — это руководитель, и очень много зависит от того, насколько руководитель открыт для такого диалога. Помимо каких-то внешних факторов, на которые мы, наверное, не всегда можем влиять, есть еще внутренние факторы, которые мы должны отработать на 100%. В общем-то мы на этом и сконцентрированы.

Экология и крупный бизнес: вода и пламень

Очередная пресс-конференция в стенах РБК собрала две противоположные категории — тех, кто загрязняет окружающую среду, и тех, кто стоит на её страже; к счастью, это не привело к рукопашной, и даже традиционная перепалка прошла, скажем так, ламинарно. В интеллигентном разговоре о тонких материях приняли участие Александр Малышевский, руководитель НТС Росприроднадзора; Анатолий Панфилов, председатель Российской экологической партии "Зеленые"; Константин Машкович, начальник управления экологического регулирования ГМК "Норильский никель"; Алексей Буряк, начальник отдела по связям с государственными органами Управляющей компании ММК.



— **Есть ли сегодня в России экологическая политика вообще?**

— А.Малышевский: Это совсем не простой вопрос, думаю, системный. Потому что можно сколько угодно говорить о проблемах, с которыми сталкивается Россия в области экологии, можно обвинять те или иные контролирующие органы — эффективно они выполняют административное законодательство или нет, можно говорить о противостоянии общества и бизнеса сколько угодно долго, но это не будет иметь к делу никакого отношения, если мы не поймем, в каком правовом поле мы находимся. Потому что государственная политика — это то самое системное начало, которое позволяет определять меру государственного регулирования через развитую правовую систему, которая касается экологии. К сожалению, анализ показывает, что ни о какой системной государственной политике в области экологии мы сегодня говорить не можем. И отсюда весь тот круг проблем, который связан с экономическим развитием нашей страны. Потому что происходит какой-то системный политический сбой. У нас есть очень интересные, значимые решения президиумов государственных советов — было

несколько, посвященных проблемам экологии, ни один из которых не был выполнен вообще. Это связано с тем, что никто не может взять на себя ответственность и сказать: у нас провалилась административная реформа. Попытаюсь объяснить. Дело в том, что страна находится в системе отраслевого законодательства, где заложены некие постулаты администрирования, когда, скажем, есть природопользователи, есть нарушение, которое зафиксировано в законодательстве, которое должны выявить контролирующие органы и предьявить штрафные санкции. Вот вся логика, в которой существует на сегодняшний день Россия. Априори мы считаем, что обязательно природопользователь должен нарушить законодательство, а государство через свои контролирующие органы должно этого нарушителя задержать и квалифицировать нарушение либо по уголовному, либо по административному законодательству. Дальше идет судопроизводство, выявляется количество ущерба, дальше платятся эти штрафные санкции, которые уходят в бюджет РФ, которая не имеет даже экологического классификатора. Все, на этом все дело закончилось. Нет никаких политических позиций, куда движет-

ся страна, какие проблемы мы собираемся решать, и т.д. Было несколько интересных находок, которые были рассмотрены президиумами государственных советов о смене экологической или эколого-экономической политики. И в свое время прозвучали очень важные постулаты, к которым страна должна была прийти, а именно: вопросы не администрирования и вопросы не экологической экспертизы, которая на сегодняшний день уведена от объектов экологической экспертизы к экспертизе всего лишь тома, то есть бумаги, письменно правильно сложенных позиций, которые к объектам строительства и хозяйственной деятельности не имеют никакого отношения. Было предложено рассмотреть вопрос, связанный с тем, что его надо заменить на очень важные и совершенно другие позиции, потому что важно проводить не экологическую экспертизу, а рассматривать вопросы, связанные с экологическими рисками, как это делается во всех странах мира. Надо понять, от каждого объекта, который вводится в стране, какие экологические риски мы можем ожидать. Это было связано с тем, что все разрешительные документы технадзором были выданы на Саяно-Шушенскую (СШ) ГЭС, и мы получили трагедию. Мы не прореагировали на этот важный постулат, потому что ничего не было сделано, и логика остается прежней — отраслевого администрирования. Дальше был предложен еще один очень важный момент в решениях президиума государственного совета. Если есть экологические риски и мы можем определить эти экологические риски и их значимость, то надо было включить деятельность хозяйствующих субъектов, а именно: разработать вопросы, связанные с экологическим страхованием от хозяйственной деятельности, не обязательное экологическое страхование для всех, а когда страхуются риски. И тогда государство уходит из этой зоны ответственности, не в плане того, что оно на кого-то другого ответственность перекладывает, а просто ответственность становится хозяйствующих субъектов, то есть страховых ком-

паний, которые готовы на себя взять те риски, которые могут быть экологическими. Это тоже очень было важно, потому что когда трагедия на СШ ГЭС, то у нас же за нее никто практически не отвечал и никто не взял на себя страховые случаи. А их должно было взять на себя государство, потому что все страховые случаи там были столь мизерными, что практически не могли решить ни одну проблему. Этот вопрос не решен по сегодняшнему дню. И дальше еще один очень важный момент, который нужно было запустить как третий экономический постулат экологического законодательства, — это экологический аудит. То есть не когда считается как финансовый аудит, а именно экологический аудит, когда нужно было проследить последовательно выполнение, скажем, хозяйственной деятельности применительно к тому, как выполняются исходные позиции от хозяйственной работы. Почему это не было осуществлено? Потому что это уперлось в систему администрирования, потому что у нас, скажем, за все правоприменение и за разработку правовых норм отвечают министерства, которым подчинены контролирующие органы РФ. То есть происходит потрясающий абсурд: страна ждет конкретных действий и говорит: "Этим должен заниматься Росприроднадзор". А Росприроднадзор структурно подчинен организации, которая и создает ему право действия. То есть каким образом, скажем, Росприроднадзор будет работать в режиме тех законов и тех рекомендаций, кото-

рые дает ему Министерство природных ресурсов. Естественно, этот абсурд не может быть решен в рамках той административной реформы, которая сегодня существует. У нас граждане не знают, что министерство не только эти позиции не выполняет, которые записаны в решениях президиума Госсовета, но оно еще поставило контролирующий орган в замечательные позиции: Росприроднадзор не может назначить ни одного руководителя территориальных органов, как и не может его снять. В этом отношении каким же образом можно решать такие системные, значимые задачи? И тогда мы и приходим к потрясающим результатам, потому что вот вам, пожалуйста, "ИнвестОйл" — недавний случай, начинаем рассматривать все эти позиции: опять нет ни одного разрешительного документа со стороны Росприроднадзора, все документы старые — Технадзора. Где механизмы воздействия? Поэтому бесспорно мы имеем системный кризис, который, к сожалению, не разрешен в структуре нового правительства. И если на это мы не будем обращать внимания и здесь не будет соответствующей политической воли, ничего хорошего не сможет произойти. Еще в качестве примера хочу привести. Помимо деятельности промышленных предприятий, которых ждут экономические методы воздействия, надо не просто заниматься обвинением, надо находить через систему модернизирования экологическую составляющую. Это важнейшая сегодняшняя задача. Как мы ее можем решить, если эконо-

мические методы стимулирования экологической деятельности в стране полностью отсутствуют. Потому что предприятия правы, когда они говорят: хорошо, мы будем заниматься экологией. Но в данном случае если все штрафы и все административные платежи будут уходить в бюджет, а не возвращаться на конкретную деятельность по отношению к экологии, то, бесспорно, это ничего не даст. Здесь важен единственный момент — коррекция платежей за негативное воздействие на окружающую среду, которая могла бы являться экологическим стимулом для промышленного производства. Она точно так же застопорена Министерством природных ресурсов, потому что там есть противоречие Бюджетного кодекса РФ, есть норма закона, которая практически на сегодняшний день не разрешена, потому что ни одного предложения не поступило в Госдуму по разрешению этой ситуации. Нас неоднократно обвиняли в том, что страна просто погрязла в свалках, и это действительно так. И не сделано ничего, потому что через Госдуму, благодаря опять же соответствующим предложениям Министерства природных ресурсов, была протаскана идея о так называемом "временном хранении". "Временное хранение" было доведено до 6 месяцев. Теперь вы понимаете, можно сколько угодно говорить: "Давайте, очистим Россию, давайте сделаем ее чистой!", но если отменены лицензии на перевозки, все что связано с ТБО, и если есть право безлицензионного хранения всего того, что производит

человек и города на уровне 6 месяцев, то мы получаем то, что получаем. Тогда в этом плане за что же мы в конечном итоге боремся? То есть проблема действительно системная, и я думаю, что если в ближайшем времени мы не найдем соответствующих способов решения этих задач, а я бы точнее сказал — не проявим политическую волю, то нам практически в ВТО будет делать просто нечего, потому что мы не защитим ни своих предприятий, ни своих граждан и будем пребывать в соответствующей экологической резервации и каждый раз стенать по поводу того, в чем же мы в конечном итоге оказались.

— **Анатолий Алексеевич, Вы согласны с коллегой, что присутствует системный кризис в экологической политике?**

— А.Панфилов: Я на 100% разделяю высказывание Александра Федоровича. У нас в стране нет центра принятия экологических решений. У нас правительство многоголовое — все экологией занимаются, потом они законы передают в Госдуму. И здесь важно то, что под словом "экология" мы понимаем затратную часть. На самом деле весь мир уже вступил на рельсы "зеленой" экономики, и экология — это очень прибыльное дело. Будущая экономика связана только с экологией. Это экономия электроэнергии, нефти, газа. У нас разливается 7% при добыче и транспортировке нефти, и эти потери они списывают на нас — почему у нас постоянно бензин в цене растет и т.д. Свой ущерб они должны компенсировать за счет своих бонусов, своей зарплаты, а они это перекладывают на нас. Вот тема ЖКХ. Я взял журнал — "Зеленая энергетика Ирландии": с 2013г. в домах в Дублине будет нулевое потребление энергии, сделали солнечные батареи, утеплили. Европа уже все сделала, у нас же ЖКХ — это колоссальное направление в деятельности, это и социальные проблемы — высокие цены, больше 100 млрд долл. уходит по карманам чиновников на муниципальном уровне и т.д. Экология — это экономика, экономика будущего. Сейчас если в мире 60% в сфере занятости приходится на малый и средний бизнес, то в России — 20%. Так вот из этих 60% около половины малого бизнеса работает в сфере энергосберегающих технологий, эффективная переработка леса, экологический аудит, страхование, а у нас в России вообще отсутствует этот рынок. Я считаю, что эта тема сейчас самая главная в стране. Потому что Госдума заседает и решает: "Вот, давайте по 100 руб. прибавим пенсионерам. А давайте определимся с новогодними праздниками". И вот они по полгода обсуждают — столько-то должно быть праздничных дней или столько-то. Или вот еще — 10 дней обсуждают "зимнее

время", подписал это В.Путин или нет. Но вернемся все же к экологии и крупному бизнесу. Крупный бизнес — он базируется на малом бизнесе. Ведь в мире как построено: крупные компании работают со средним и малым бизнесом, это законы экономики. А если у нас нет малого бизнеса в сфере экологии, то наши коллеги-активисты вот так, на коленках, этим и занимаются. А у них должно быть сто компаний малого бизнеса, которые бы занимались энергосберегающими технологиями, аудитом и т.д. Но я считаю, что не все так пессимистично. В.Путин все-таки объявил следующий год — Годом охраны окружающей среды. И у нас нет других путей развития, как экологизация экономики и промышленности. Так что если мы не переломим эту ситуацию в ближайшие 1-2 года, то, конечно, печальное будет у нас развитие экономики, социальных проблем, ЖКХ. Мы утонем в ЖКХ, мы утонем в мусоре. Мусор — это высочайший экономический бизнес, который должен приносить в бюджет 100 млрд руб. в год. А эти деньги — по карманам муниципальных чиновников, муниципальных компаний, которые отвечают за сбор мусора, эти все деньги идут в их личный карман. Это большой бизнес.

— А.Малышевский: Действительно, экология — это экономика. И если мы это не поймем и не сделаем этот тезис основой государственной политики, мы ничего хорошего не сделаем. Пока вывоз мусора на свалки будет дешевле, чем его переработка, можно говорить сколько угодно; кроме того, что мы развиваем огромное лобби, которое существует на перевозках и блокирует все решения, которые должны быть проведены в стране, просто все, с точки зрения технических вещей. Мы шесть месяцев готовили с Николаем Павловичем Лавровым доклад по стратегии переработки, сегодня мы со всех буквально каналов выслушиваем критические замечания, что, оказывается, мы с ним лоббируем мусоросжигание в стране. Хотя в данном случае 28 мусоросжигательных заводов построила Япония, на этом строится весь замкнутый цикл по ЖКХ во всех европейских странах, это тепло и энергия и удешевление платежей до 50% за счет того, что люди, по сути дела, производят мусор. И это до сегодняшнего дня так и не разрешается. И еще очень важный момент. Я бы не стал уповать на Год экологии, потому что мы можем провозглашать любой год, потому что я знаю, каким образом пошло дальше это поручение. Оно дошло до правительства РФ, правительство по административному регламенту расписало это на министерство, а то сегодня составило план мероприятий, то есть включило все, что делалось в стране, только свела это в общий

Экология — это экономика. И если мы это не сделаем этот тезис основой государственной политики, ничего хорошего не будет. Пока вывоз мусора на свалки будет дешевле, чем его переработка, можно говорить сколько угодно; кроме того, что мы развиваем огромное лобби, которое существует на перевозках и блокирует все решения, которые должны быть проведены в стране.

свод. В частности, половина мероприятий, которые проводят "зеленые", вошла в общий свод того, что мы, оказывается, и сделаем на следующий год — Год экологии. Точно так же была проведена Экологическая стратегия, потому что на нее было получено отрицательное заключение Общественной палаты, но она в конечном счете все равно перешла как основной стратегический документ, не содержащий ни анализа правоприменения, ни проблем, с которыми столкнулась Россия, ни позиций при вхождении России в ВТО, где экологическая составляющая каждого выпускаемого продукта должна составлять 10%. Ее спокойно протаскили через правительство РФ, и сегодня она является основным постулатом. В данном случае здесь не должно быть никаких иллюзий, год-то мы можем объявить — мы их каждый раз объявляем.

— **Продолжим тему оценки экологической составляющей экономики предприятий, и давайте попытаемся это сделать на примере конкретных предприятий, представители которых у нас присутствуют. Вот, например, "Норильский никель". Сколько средств на экологические программы направляет "Норникель" ежегодно? И как эти цифры меняются от года к году?**

— К.Машкович: Вопрос достаточно простой и в то же время сложный. Я бы сказал, что



средства, которые направляются на экологические программы, год от года растут, естественно, потому что программа вступила в активную фазу модернизации производства, внедрения новых технологий, реконструкции и т.д. Поэтому это объективная причина. Но всегда этих денег мало, потому что (и в этом коллеги меня поддержат), сколько бы денег ни тратила компания на экологию, их всегда будет мало и их всегда будет не хватать. У нас есть подробные данные о том, на что мы тратим. Но я думаю, что сейчас это не предмет этого разговора, поэтому, может, перейдем к следующему вопросу. Все конкретные цифры есть на сайте компании в наших отчетах.

— А.Малышевский: Можно мне еще тогда значимый, на мой взгляд, комментарий, если уж мы заговорили об экологии как об экономике, и есть или нет у нас государственная стратегия. В 2010г. по инициативе премьер-министра РФ В.Путина был создан правовой прецедент, который должен был иметь очень большие экономические последствия. Он приезжал в Норильск и высказал, на мой взгляд, одну из значимых инициатив: в связи с тем, что это градообразующее предприятие, а вы помните тогда Пикалево и целую систему градообразующих предприятий, которые разорялись и возникал целый клубок социальных проблем, потому что люди теряли место работы, больше занятости там никакой нет, и премьер занимался этим вопросом. Он приезжал в Ленинградскую область, посетил Норильск, и у него возникла идея, связанная с тем, что надо преобразовать российское законодательство. Он обратился в Росприроднадзор с тем, чтобы было подписано соглашение между контролирующим органом, который вменяет штрафные санкции за окружающую среду, и промышленным предприятием. В рамках существующего российского законодательства это сделать было нельзя. Потому что контролирующие органы не имеют права подписывать с хозяйствующими субъектами никаких отношений: есть закон, нарушили — пожалуйста, штрафные санкции, существует соответствующий круг проверок и т.д. Премьер пошел на то, что он преодолел эту норму своим решением, — было выпущено соответствующее распоряжение правительства РФ, и Росприроднадзор и "Норильский никель" подписали соглашение о взаимодействии, связанное с тем, что приостанавливается система административного воздействия, начинает работать режим диалога, с ежеквартальным отчетом, когда до 2013г. мы должны получить положительную динамику воздействия на окружающую среду. Этот прецедент должен был иметь очень большие экономические последствия, потому



что он и должен был рассчитать экономические методы стимулирования бизнеса. Не случайно, что по характеру этого соглашения было совещание у Игоря Сечина, и он предложил распространить этот документ на всю металлургическую промышленность РФ, где самые большие экологические проблемы, они комплексные, потому что все эти производства имеют очень давнюю историю, половина этих предприятий — градообразующие, за ними возникают колоссальные социальные проблемы. Предприятие в этом отношении государство может разорять, какое это имеет отношение к людям, к рабочим местам, к модернизации производства — никто не понимал. Началась эта системная, очень большая работа, в которой участвовал "Норильский никель", и он остался один, потому что ни одно металлургическое производство идею правительства РФ не поддержало. Потому что это соглашение было развернутое, рамочное, оно ушло во все промышленные предприятия за подписью И.Сечина. И все металлургические предприятия это соглашение опротестовали и сказали, что они подписывать его никогда не будут, то есть "Норильский никель" остался сам по себе, потому что продолжает существовать в рамках этого соглашения. Что здесь было важным? У нас впервые появились нормальные плановые отношения. "Норильский никель" взял на себя (есть приложения к этому соглашению, где каждая цифра проверена независимой экологической экспертизой, я специально привлекал для этого институты РАН, и они доказали в этом отношении динамику, которая есть, и надо было подтвердить, что эта динамика будет существовать). "Норильский никель" отчитывался перед правительством РФ и отчитывается ежеквартально, но произошла

совершенно потрясающая вещь — а являются ли эти данные объективными? Потому что оказалась еще одна важная вещь — на территории Норильска нет ни одной лаборатории, которая бы занималась мониторингом реально складывающейся ситуации. Все говорят, что плохо, но никто не может сказать, почему и насколько плохо. Потому что опять же по административной реформе, которая у нас опять же очень специфическая,

Росприроднадзор занимается вопросами администрирования, но не занимается вопросами мониторинга, потому что из его функционала эта часть была изъята. Мониторингом у нас занимается только Росгидромет, то есть только он может дать данные, что же на самом деле существует. То есть в этом отношении заниматься судопроизводством будет непосредственно Росприроднадзор, а как доказать какие-то цифры, то это спросите в Росгидромете. Но каким образом в конкретной ситуации будет зафиксировано нарушение, никто сказать не может. Но даже этого на территории Норильска не существует. Ни одной лаборатории там нет, это все разрушено. Единственные лаборатории, которые существуют, — это на предприятии "Норильского никеля". То есть правительство получало ежеквартальные данные, которые были определены данными "Норильского никеля". Сказать, правда этот или неправда, как это существует, никто не мог. Возник первый прецедент. И что опять же положительно — в рамках этого партнерства, поскольку за всем этим делом стояла воля премьера, за что мы ему чрезвычайно благодарны, потому что воля решить экологические проблемы у премьера была — исполнителей не было среди соответствующих министерств. Потому что в данном случае после подписания этого соглаше-

ния министерство у Росприроднадзора уже 10 раз запросило: "На каких основаниях вы подписали это соглашение?". И сейчас уже на протяжении трех месяцев Росприроднадзор пишет во все инстанции ответы, почему он пошел на заключение этого соглашения. Потому что уже никто не помнит ни о воле премьера, ни о том, что было соответствующее распоряжение, — все начинают оспаривать и видеть здесь некую коррупционную схему. В частности, меня ведь обвинили не только в том, что я не просто посещаю территории "Норильского никеля", а провожу там свои собственные интересы — никак не могу понять какие и кто бы сказал, где они находятся. Я изнутри знаю эту проблему, потому что возглавлял общественный совет, которому принадлежал весь контроль за осуществлением этих мероприятий. Мы пошли даже на то, что открыли подразделение общественного совета в Норильске, чтобы каждый житель мог иметь возможность высказаться. Возвращаемся к этой позиции. И вот когда я отвечаю и Росприроднадзор отвечает на соответствующие письма из администрации президента РФ, из Генпрокуратуры, из правительства РФ, то я бы обратил внимание президента на то, что, когда даются договоры трем министрам, хорошо бы, чтобы там был министр природных ресурсов, потому что если он меняет политическую позицию, то хорошо бы об этом всенародно заявить, что позиция поменялась, и тогда мы выйдем из этого соглашения. Но если руководителем некоего экономического соглашения является президент РФ, то я продолжаю оставаться в этом правовом поле и продолжаю доказывать, отправляя все эти документы президенту РФ. Не думаю, правда, что он их читает, потому что загруженность совершенно другая, и вряд ли кто-то из чиновников доводит эту ситуацию до президента РФ. Но вернемся к исходной ситуации, она очень важна, потому что это и есть экономическая динамика. "Норильский никель" пошел на то, что он допустил Сибирское отделение РАН на свою территорию, и эти независимые эксперты проверяли всю мониторинговую базу "Норильска". Мы специально проводили там соответствующее совещание, и они доказали, что это самые передовые лаборатории, которые в состоянии дать всю полноту данных, которые существуют на "Норильске". И это первое, что можно было бы сделать. А кто сказал, что все должны внутри себя контролировать? То есть мы должны находиться в логике, что предприятие — обязательно "вор", а государство обязательно должно поймать и доказать, что в этом отношении здесь что-нибудь нарушено, как будто тут не граждане живут и не работают на этой

территории. И если существуют лаборатории, которые показывают объективность этих данных, то зачем тогда тратить деньги и параллельно в этих же точках ставить за бюджетные деньги еще такие же лаборатории? Мы доказали, что это возможно и это правильно. Согласитесь, это можно было бы сразу административно переводить в соответствующие правовые нормы и возникало бы соответствующее, совершенно иное поле экономических отношений между государством, обществом и непосредственно предприятиями. Там не хватало одной существенной детали, я единственный, кто не проголосовал за систему мониторинга, хотя президиум Академии наук поддержал эту идею, потому что я не нашел там участия населения. Ведь единственный человек, который может сказать: это хорошо или плохо, если я будет знать, что же реально существует. И я предложил: на сайте муниципалитетов либо поставить какую-то электронную платформу, где вывелись бы все данные — что происходит. Потому что иногда страхи существуют чисто психологические: "У меня сегодня заболело сердце, я не знаю почему, но мне кажется, что все-таки это труба". Это же еще социально-психологическая проблема. И я ее обозначил, она мне была очень важна. И опять: поскольку мы не подписали эти данные и осуществляли основной контроль и отчитывались перед правительством об этих действиях, "Норильский никель" пошел на то, что провел социологические исследования: а что удобно для населения? И мы пришли к тому, что сейчас, когда я проводил расширенное заседание общественного совета, нам доказали, что их не устраивает интернет, потому что население стареет, но развернута еженедельная — в прессе, на телевидении — дискуссионная и информационная работа по состоянию того, что происходит в окружающей среде, и в то же самое время существует "телефон доверия" — любой человек звонит и узнает, что реально существует. И тогда мы сняли это ограничение и поддержали всю систему мониторинга. Но возник другой существенный момент: хорошо, есть лаборатория, есть участие населения. Но проблема-то остается, ее же за два года не решишь. Проблема с 1936г. — когда ее можно решить, даже при наличии того, что включим модернизационную составляющую? И нам нужно было доказать другое для правительства РФ: а действительно ли мы имеем эту положительную динамику? И я поставил второй момент под сомнение, потому что можно иметь лабораторную базу, но можно скорректировать ее применительно к тем данным, которые печатаются на новостных лентах. И мы ввели туда независи-

Росприроднадзор занимается вопросами администрирования, но не занимается вопросами мониторинга, потому что из его функционала эта часть была изъята. Мониторингом у нас занимается только Росгидромет, то есть только он может дать данные, что же на самом деле существует. То есть в этом отношении заниматься судопроизводством будет непосредственно Росприроднадзор, а как доказать какие-то цифры, то это спросите в Росгидромете.

мых экспертов. А вот, скажем, Росприроднадзор не имел на это права, потому что у нас плановая проверка "Норильска" в 2013г. До этого никто не может войти на эти территории и начинать проверку, потому что у нас же действует еще одна фраза "государство не может кошмарить бизнес". Не знаю, что за лексическая единица, но она звучит так. Значит, мы не можем ничего сделать, кто бы что ни просил и ни намекал. Но, исходя, опять же из вот этого важного партнерства, мы организовали независимые лаборатории, которые существуют по Сибирскому федеральному округу, они вошли на территорию "Норильска" и проверили соответствующие данные мониторинга, и они все совпали. Они проверяли и все остальные точки замера, и они совпали даже в точках, когда есть некие превышения предельно допустимых норм, что очевидно. То есть мы в этом случае могли бы говорить о статистической погрешности, но в данном случае — об объективности данных, то есть диалог сложился. И в этом диалоге есть действительно положительная динамика. Нет системного решения проблемы, пока

предприятие не проведет системную модернизацию, и оно проводило соответствующие конкурсы (и итальянские предприятия выиграли его), которые это показали. И в данном случае роль свою государство выполнило. Но еще раз скажу, что если есть воля премьера, который сегодня — президент РФ, поменять этот диалог, это взаимодействие между бизнесом и государством, а правительственная структура в виде Министерства природных ресурсов стоит от этого дела в стороне и начинает оспаривать деятельность президента РФ, не приводя ничего в соответствии с пилотным проектом, который был запущен в РФ, ничего для этого не делает и ставит позицию Росприроднадзора под вопрос: "Вам это надо, вот вы этим и занимаетесь", как будто мы отвечаем за российское законодательство. Дайте нам такую функцию и мы все это сделаем, потому что есть соответствующие предложения и есть соответствующие наработки. Мы их начали еще с Комарова, когда мы проверяли правоприменительную практику и доказали, что 80% законов, которые принимаются в области экологии, ни разу не применялись на территории РФ. Если работают 20, кому нужны такие законы и все усилия Госдумы и целого министерства? Может, найти им другой вид деятельности — более эффективный для страны? Согласитесь. Это же не льготы создавать: "Давайте очистим Россию, ничего не поменяв в структуре законодательства". Поэтому это важнейшая вещь. Плод этой работы, которую я проводил в течение трех лет и которая действительно доказала, что мы можем работать, знаете кто оценил? Не Российская Федерация внутри. Извините, что я эмоционально сегодня говорю, потому что я три месяца еще оказывается должен оправдываться за выработку новой экологической экономической политики, провозглашенной в данном случае в решениях президиума Государственного совета, потому что я не считаю что надо менять логику, заложенную Российским государством. Я могу изначальные позиции оспаривать, но если с ними согласен, я продолжаю в этой логике работать. Если государство будет каждый раз менять правила игры, то каким образом оно найдет очевидцев этого диалога? Уж наверное не на уровне фиктивно создаваемых "гражданский обществ" с точки зрения Общественной палаты и общественного совета, который я, в частности, возглавлял. Вопрос совсем не в этом. Оказывается, на это обратили внимание норвежцы. И когда я возглавлял российскую делегацию на российско-норвежском диалоге по трансграничному сотрудничеству, норвежская сторона сказала: "Мы согласимся с деятельностью промышленности, которая

работает на территории Мурманска, если это соглашение будет распространено на Кольск". И я спросил — а почему? Потому что они, оказывается, отслеживают все действия, которые происходят. И норвежская сторона считает, что если Росприроднадзор подпишет аналогичное соглашение с Кольской ГМК, то они снимут претензии к российской стороне. Вот вам авторитетность того, что делал Росприроднадзор за последнее время, когда оспаривают те или иные действия. Потому что каждый раз искать "мафиозные" вещи или искать коррупционные составляющие — это самое простое. Ни разу не побывав в Норильске, но изнутри Бульварного и Садового кольца очень хорошо оценивать деятельность того, что делают другие, правда же?

— **Закключить соглашение согласился только "Норникель". Это временное явление, остальные все-таки присоединяться к этому процессу?**

— А.Малышевский: Спасибо, вы очень хороший вопрос задали в продолжение того, о чем я говорил. Если соглашение с "Норникелем" не будет считаться важнейшим пилотным проектом для совершенствования российского законодательства, ни одно металлургическое предприятие во взаимодействии с государством не будет, ни одно. Поэтому в данном случае они все и отказались. Потому что логика законодательства остается прежней, хотя записано, что с 2015г. штрафные санкции за негативное воздействие на окружающую среду и за накопленный экологический ущерб должны возрастать в разы, если предприятие не докажет свою модернизационную составляющую. Но здесь не делается также ничего. Предприятию нужны стимулы и самое главное — открытая, прозрачная стабильная политика. И если предприятие этого не увидит со стороны Российского государства, естественно, оно никогда не будет менять правила игры. Оно будет находить обходные пути, как уйти и от экологических платежей, которые в данном случае растворяются в бюджетах всех уровней, и ни один из них не уходит на конкретные вещи. Пока не будут развиваться мировые соглашения, а не просто существовать плата за негативное воздействие, перспективы будут никакие.

— **Вы в курсе сути того соглашения, о котором идет речь? Ваше предприятие рассматривает перспективу заключения подобного соглашения? Насколько Вам это интересно?**

— А.Буряк: Это соглашение активно обсуждалось с представителями Ростехнадзора, с представителями других федеральных органов исполнительной власти. Я не могу не согласиться с Александром Федоровичем, что за

соглашением, действительно, огромный пласт проблем, который лежит и в законодательной плоскости, и в плоскости юридической, экономической. Поскольку мы обсуждаем сейчас связь природоохранной деятельности предприятий с модернизацией, следует отметить, что логика экономики, она и построена таким образом, что выживает только самое эффективное предприятие. Если взять наше предприятие, Магнитогорский металлургический комбинат — легендарная "Магнитка", сразу люди старшего поколения вспоминают картинки из прошлого — ударные пятилетки, копящие мартены, домны и т.д. Это все в прошлом. Сейчас это не какой-то монстр, извергающий клубы адского дыма, в котором задымаются рабочие и город, который окружает предприятие. Это современное предприятие. Удельные выбросы на тонну металлопродукции по сравнению с серединой 80-х годов упали более чем в 3,5 раза. И это было велением времени. Действительно, износ средств сейчас менее 20% в то время как в начале 90х годов это было более 80%. Многие неэффективные технологии полностью закрыты, как, например, мартеновские цеха, которые полностью сейчас выведены из производства. Это говорит о том, что если ты хочешь быть в рынке, быть эффективным предпринимателем, то ты должен использовать наиболее эффективные, лучшие технологии. Это происходит сейчас — мы покупаем лучшее, что есть на данный момент в металлургии. Это и "Стан 5000" горячей прокатки, и "Стан 2000" холодной прокатки, сделанные ведущими производителями. И, соответственно, эти мощности уже априори эффективны во всем, не только в производстве, но и с точки зрения экологии, и с точки зрения энергоемкости, выбросов в атмосферу. Поэтому я, конечно же, не могу не согласиться с предыдущими выступающими, которые говорили о том, что есть много противоречий в экологическом законодательстве, поскольку частично оно было унаследовано из советских времен, и многое сейчас делается для того, чтобы оно изменилось. Что-то получается, что-то не очень. Но здесь я хотел бы высказаться в пользу более рыночного подхода, потому что все-таки при реформировании следует использовать те подходы, которые сработали — и в экономиках европейских стран, и в других странах. Нужно идти от эффективности, от экономического стимулирования тех или иных затрат. Что касается экологической политики, есть несколько предложений. Например, мы выступаем за то, чтобы включали расходы на строительство природоохранных объектов в счет платы за воздействие на окружающую среду. Мы выступаем за на-

логовые льготы на балансовую стоимость имущества природоохранного назначения. Мы выступаем за уменьшение налога на прибыль, полученную в результате деятельности по использованию обезвреживания отходов производства, по производству оборудования природоохранного назначения. Мы выступаем за предоставление особых условий финансирования при модернизации производства и внедрении наилучших доступных технологий, за введение льготных транспортных тарифов на перевозку вторичных материальных ресурсов и продукции, получаемых из отходов производства и потребления. Здесь больше должно быть экономических стимулов со стороны государства. Не обязательно это должно быть какое-то прямое финансирование. Отмечу, что те основные проекты, которые были реализованы нашим предприятием, происходили в основном за счет заемных средств — либо на рынке, либо собственных средств. Поэтому мы не говорим о каком-то субсидировании. Мы говорим о здоровом стимулировании, о здоровых отношениях. Здесь мы всегда открыты к диалогу, всегда говорили о своих позициях, и сейчас находимся в открытом диалоге со всеми федеральными, региональными органами власти.

— **Скажите, а сколько средств на экологические программы в этом году будет потрачено на ММК?**

— А.Буряк: Год еще не завершен. И здесь тоже надо отметить, что затраты осуществляются в зависимости от реальной ситуации на рынке, от реальной экономической эффективности, которую мы ожидаем, а также от технологической эффективности, которую мы ожидаем на тех или иных объектах. Но пока порядка 1 млрд руб. планируется в этом году потратить на именно природоохранную деятельность. В основном они будут потрачены на создание новых объектов, на капитальное строительство. Здесь речь идет и о создании установок, на реализацию проекта по созданию замкнутого цикла воды, это также модернизация сероулавливающих установок и строительство станции по нейтрализации вредных выбросов отдельных цехов.

— А.Малышевский: Можно опять же я маленький комментарий. Здесь как раз и есть очень важный момент, на который надо обратить внимание. Потому что это как раз и есть перевод отраслевого законодательства в области экологии на экономическое законодательство. Потому что там должны быть расписаны конкретные методы. Алексей Сергеевич говорил как раз о затратах предприятия на экологические программы. Единственный экономический стимул, который можно было бы включить, — это так на-

зываемый неналоговый платеж за негативное воздействие на окружающую среду. В системе неналогового платежа по бюджетному классификатору 40% — муниципалитет, 40% — субъект Федерации и 20% — федеральный бюджет. Неналоговый платеж устроен таким образом, что вот эта плата за негативное воздействие на окружающую среду, даже если вносится рубль, он автоматически делится на три эти составные части. И, казалось бы, в законе есть эта фраза, что можно пойти на то, чтобы вот этот неналоговый платеж за негативное воздействие вернуть промышленному предприятию, которое затрачивает деньги на экологию, в чем заинтересованы и муниципалитет, и субъект Федерации. То есть если вы тратите на экологию, давайте это и зачтем, оставим это на предприятии, а не плюс еще вынем из предприятия неналоговый платеж и распределим его 40-40-20. Это важный экономический стимул, который мы не можем сдвинуть с мертвой точки. Потому что есть другое положение — об автономности бюджетов РФ. И это как раз есть то противоречие, которое уже на протяжении многих лет не снимается, несмотря на все инициативы, которые высказывает и РСПП, и Росприроднадзор, потому что два субъекта РФ догадались, что в конечном счете давайте это преодолеем на уровне субъекта РФ, — это Мурманская область и Красноярский край. И у них есть зачет вот этих платежей своим предприятиям, которые Росприроднадзор как основной координатор этого платежа вынужден был оспорить. Вот я стою на стороне экономических методов, но законодательство устроено таким образом, что мы не можем этого сделать, и эти предприятия обязаны вернуть это все государству. А даже в части этих двадцати — ну, просто нельзя этот платеж никаким образом поделить. Все наши письма, которые мы писали, в частности опять же в Министерство природных ресурсов, все они остались без внимания. Тогда в этом отношении мы опять ничего не сделаем, и предприятия будут усматривать в государстве тот орган, который абсолютно им не нужен для того, чтобы модернизировать производство. Хотя самое простое — на той же самой комиссии по модернизации, где записаны соответствующие цифры, данные, необходимость изменения законодательства, в этом изменении присутствуют не экономические методы, я еще раз обращаю ваше внимание, а присутствует усиление административных штрафов. Но тогда в чем же логика? Если мы должны показать, что есть модернизационная составляющая, то давайте хотя бы зачтем то, что предприятие вложило в эту модернизацию. При том же вхождении страны в ВТО это то самое главное, что должно

Затраты осуществляются в зависимости от реальной ситуации на рынке, от реальной экономической эффективности, которую мы ожидаем, а также от технологической эффективности, которую мы ожидаем на тех или иных объектах. Но пока порядка 1 млрд руб. планируется в этом году потратить на именно природоохранную деятельность. В основном они будут потрачены на создание новых объектов, на капитальное строительство. Здесь речь идет и о создании установок, на реализацию проекта по созданию замкнутого цикла воды, это также модернизация сероулавливающих установок и строительство станции по нейтрализации вредных выбросов отдельных цехов.

нас вытащить на мировой рынок, потому что в противном случае ничего хорошего не будет. Вот я разговаривал с норильчанами. Если там показатели этой породы все будут уменьшаться, то стоимостные характеристики будут ухудшаться, и себестоимость выпускаемой продукции на рынке будет утрачивать свою конкурентоспособность. Кто от этого выиграет? Любые экологические затраты, с одной стороны, должны улучшить ситуацию, но не



ухудшать стоимостные характеристики, если там не будет модернизационных процессов. Мы не с чистого листа начинаем — с огромной истории, когда наша промышленность, особенно металлургическая, создавалась в системе ГУЛАГа. Мы изменили показатели политические, но мы хотим экономику оставить на том же уровне 1936г., а это ничего не даст стране, особенно когда мы открыли границы и вся продукция должна быть конкурентоспособной на мировом рынке.

— Хотелось бы все-таки обратиться к тому соглашению, о котором столько было сказано. Что оно дает "Норильско-му никелю" и как осуществляется взаимодействие между Росприроднадзором и компанией?

— К.Машкович: Ни в коей мере не претендую на то, чтобы выразить позицию компании, я свою личную позицию могу выразить, потому что я с самого начала заключения этого соглашения участвую в этой работе. Соглашение выполняется с 2010г. Это соглашение об информационном взаимодействии — больше ни о чем. Речь идет об обмене планами, дополнительными отчетами, проведении совместных конференций, обучающих семинаров с Росприроднадзором, потому что очень часто бывает непонимание между сотрудниками на среднем уровне. Что это дает бизнесу? Одна из основных его угроз, по моему убеждению, — это проблема рисков. В отчетность по международным стандартам финансовой отчетности мы каждый раз включаем небольшой разделчик, где описываем риски, которые могут быть при том или ином событии. Одной из основных угроз являются

риски в области экологии, это ни для кого не секрет, во всем мире это существует. Если у компании отбирают лицензию на природопользование — все, она банкрот. Если отбирают лицензию на размещение отходов — компания в тупике. Представляете: 30 млн т отходов "Норильского никеля" — кто будет этим заниматься? Найти для этого стороннюю организацию — это просто абсурд. То есть риск очень высокий. Отберут разрешение на выбросы — представьте себе по аналогии с жилой квартирой: у вас отключают канализацию, выключают воду, намертво штормами закрывают окна и закрывают все форточки — долго вы сможете в такой ситуации жить? Точно так же и бизнес. Или если какая-то жилищная инспекция будет такая виртуальная внедрена: приходит к вам домой и проверяет, как на предприятии, состояние розеток, выключателей, насколько эффективна у вас система подачи воды, отопления и т.д. Я к чему веду речь: если эта инспекция приходит раз в три года, как по 94-му закону — периодичность плановых проверок — один раз в три года, и инспектор говорит: "Ой, у вас все так плохо, все — закрываю", и он закрывает вашу квартиру полностью. Или вариант другой: когда он ходит к вам регулярно или позванивает вам домой и говорит: "Как у вас там — вы устранили неполадки?" Устранили — да, хорошо, дальше поехали. И когда мелкие неполадки устраняются постоянно, они не накапливаются, тем самым снимается риск. Поэтому он приходит через три года и говорит: "Молодец, все хорошо, живи дальше". То же самое и у нас. Поэтому основная цель этого соглашения — уйти от формальных про-

верок, которые проводятся раз в три года и длятся не более 20 дней. Представляете, что такое "Норильский никель" проверить за 20 дней раз в три года. Это все будет ни о чем. Еще раз повторю, что для крупного бизнеса риски тоже очень крупные. И поэтому для нас это соглашение является как бы трибуной для взаимодействия. Во-первых, мы отчитываемся каждый квартал перед Росприроднадзором. Мы проводим конференции в Норильске. Один из итогов могу показать — два сборника, которые идут к конференции, — это 2010г., 2011г., последняя прошла в сентябре 2012г. Очень интересные доклады, очень представительная конференция была. И это один из итогов нашей такой зримой работы. Здесь уже говорилось, что в нашем законодательстве существует много пробелов, неясностей и нестыковок. Все это тоже является предметом обсуждения на площадках СРПП, ТПП. Но это общие проблемы, проблемы экологии. Проблемы конкретной компании можно обсудить только вот таким путем — в рамках соглашения с тем же самым Росприроднадзором, Минприроды. Роспотребнадзором. Я считаю взаимодействие в рамках этого соглашения очень продуктивным. Но есть еще один момент, о котором тут не сказали. Это соглашение совершенно не касается разрешительной деятельности. То есть лицензии, разрешения на выбросы, договоры на объекты мы получаем совершенно независимо от того, участвуем мы в этом соглашении или нет. То есть это более детализированный контроль за нашей деятельностью и неформальный контроль, то есть контроль, не предусмотренный законодательством. Ну и что? Это европейский стиль работы. Затраты на природоохранные мероприятия у нас, конечно, побольше, чем у Магнитогорска, поскольку и компания побольше. У экологов есть такая формула, где отражаются текущие затраты на эксплуатацию природоохранного оборудования и т.д. 2004г. — это 5,5 млрд руб., 2011г. — 12 млрд руб. Динамика налицо. Затраты на капремонты — 513 млн и 700 млн, капитальные затраты на охрану окружающей среды — это все наши строки — 3 млрд в 2004г. и 3,6 млрд в 2011г., плановые цифры — 4 млрд 600 млн руб. в 2012г.

— Какой объем элементарной серы компания должна производить в Норильске, чтобы выбросы диоксида серы не превышали предельно допустимого уровня, установленного государственными органами?

— К.Машкович: Мы не знаем, какой будет уровень производства через определенное количество времени, когда эти серные цеха заработают, сейчас планируется площадка

медного завода. Могу сказать, что в Норильске три основных завода — никелевый, медный и Надеждинский, утилизацию серы планируется делать на медном и на Надеждинском, потому что это головные переделы никелевого завода, агломерационный цех и плавильный цех планируется закрыть вообще. На медном заводе планируются мощности 350 тыс. т в год, на "Надежде" — 600 тыс., но это с запасом. Там будет несколько линий, дублирующих друг друга и одновременно работающих. Примерно 1 млн т серы ежегодно. Но это плановые цифры, на самом деле будет, конечно, меньше.

— Какое количество диоксида серы сегодня выбрасывает в атмосферу "Норильский никель"?

— К.Машкович: Я могу ответить, сколько именно сегодня выбрасывает, потому что у нас есть такая методика, которая позволяет вести оперативный суточный учет выброса диоксида серы, и сколько тысяч тонн выбрасывается, могу вам совершенно точно сказать. По статистике, за 2011г. мы выбросили 1 млн 911 тыс. т серы. Конечно, это очень много, это достаточно серьезная часть не только российских выбросов, но и мировых выбросов. Проблему компания понимает, и мы ищем пути решения уже достаточно давно. Проблема, вот в чем, что, к сожалению, пойти путем, которым идут все западные компании, которые уже решили проблему высоких выбросов (на последней конференции выступал один из канадских ученых, и он четко показал, что выбросы были 2,5 млн тонн, ну как у "Норникеля", и сейчас они снизились до 200-300 тонн), они утилизируют серу в виде серной кислоты. У нас такой возможности нет. Во-первых, для того, чтобы утилизировать необходимое количество серы, нужно получать ежегодно порядка 3,5 млн тонн серной кислоты. Представляете, что это такое? То есть надо строить трубопровод до Дудинки, чтобы непрерывно танкерами вывозить серную кислоту. Куда? Нет рынка сбыта серной кислоты сейчас. Поэтому уже давно было решено, что утилизация серы затухающих газов (кстати, там есть два вида газов — богатые газы и бедные газы) будет осуществляться в виде элементарной серы. Были проведены соответствующие научные проработки. Было предложено около различных 20 вариантов, в том числе ангидрид искусственный получать, серу, серную кислоту, производство удобрения на основе серной кислоты. Все они сравнивались с экономической точки зрения, с точки зрения сбыта и т.д. И все-таки решили получать серу. И поскольку сейчас мировая конъюнктура по стоимости серы не очень хороша (очень много хорошей серы дают наши нефтяники, Газпром и т.д.), то наша сера будет никому не нужна. Поэтому на данном этапе (и это отражено в стратегии развития компании, утвержденной до 2025г.) сера будет пока складироваться на площадке с соблюдением всех мер предосторожности, и небольшой сбыт будет идти.

— "Норильский никель" планирует в этом году снизить выброс диоксида на 80%, что позволит в 5 раз сократить экологическую нагрузку на норильскую природу. Можно ли обозначить перспективы на обозримое будущее — программа-минимум и программа-максимум?

— К.Машкович: Компания планирует это уже давно. Я пришел в компанию в 2003г., и уже тогда мы планировали это на ближайшее годы. Потом эти сроки все время отодвигались. Я не берусь сейчас озвучивать сроки. Могу сказать, что в конце октября мы проводим публичные обсуждения. Эти вопросы обсуждались на расширенном заседании общественного совета в Росприроднадзоре. Кстати, на сайте этого ведомства есть вся информация. Я могу только отослать туда и могу только сказать, что в конце октября будут проведены общественные обсуждения, сначала в Москве, потом в Красноярске и затем в Норильске, на которых будет этот план мероприятий полностью обсуждаться и выносить по нему какие-то решения. Это бу-

дет сделано, но вот когда — не могу ответить. Почему мы так уверены, что на этот раз все получится, ведь уже несколько раз все срывалось? Потому что в прошлом году наконец-то был проведен международный конкурс, 20 технико-коммерческих предложений от различных фирм мира были получены. В итоге было выбрано 5 основных фирм, которые представили наиболее реальные, проработанные предложения, после этого осталось три — российская фирма, итальянская фирма "Текинт" и Samsung корейская. В результате победила итальянская фирма, которая имеет представительства во многих странах мира и большой опыт в этом направлении, может подключить любые исследовательские лаборатории в любой точке мира, сейчас, кстати, в Канаде проводятся испытания по некоторым аспектам технологий. Итоги тендера были подведены в апреле этого года, причем тендер затянулся. Но интерес в мире к этой проблеме оказался очень большим, поэтому практически на полгода сроки по тендеру были сдвинуты, потому что очень много было заявок и очень большая работа. Уже заключен контракт с этой фирмой, пока на проектно-изыскательские работы. Они создали свой проектный офис норильский. В Москве тоже будет создаваться рабочая группа. Представители самых разных специальностей туда войдут, конструкторы например, и все, что нужно, будет сделано.

— Мы сегодня много внимания уделили теме снижения выбросов, но есть ведь еще проблема использования воды, хранения отходов. Как она решается?

— К.Машкович: Но для Норильска на самом деле основная проблема — выбросы. Спросите любого жителя: "Что бы ты предпочел — чтобы решили проблему отходов или канализации?", все в один голос скажут — конечно, выбросов. В новой экологической политике компании, которая была утверждена еще в 2004г., три основных направления: поэтапное снижение выбросов диоксида серы и пыли — тоже есть такая проблемка, снижение сбросов — рациональное использование воды и третье — более полное использование отходов и снижение объемов размещения. Что касается сбросов, могу сказать, что сейчас делается очень много для строительства локальных очистных сооружений, в Норильске есть очень много точек, где идет сброс с небольших каких-то мест, где используется вода. Там ставятся локальные очистные сооружения. Глобальные проблемы существуют по очистке стоков от цветных металлов, с карьеров — от минерального состава, вопрос очень тяжелый, технологии очень затратные, идет это с



трудом, сейчас делаются научные изыскания. Кольская ГМК — наше дочернее предприятие выступает на передовых ролях. Если пойдет там, то потом это будет сделано и в Норильске. Что касается размещения отходов, — огромные объемы, в основном это "хвосты" конечно, рудные отвалы, вскрышные породы, шлаки. Могут сказать, что шлаки сейчас стали перерабатывать. На шлакоотвале медного завода сейчас строится обогатительная фабрика, шлак будет перерабатываться и более полно из него будут извлекаться полезные ископаемые. Рассматривается вопрос, что "хвосты" — пустая порода с обогатительных фабрик — будет идти в закладочные смеси, которые пойдут для заполнения подземного пространства рудников, чтобы не было обрушений. Таким образом будет снижаться объем размещения отходов.

— А.Малышевский: Я немного добавлю, потому что действительно, задача предприятий — это бизнес, и никакой другой заинтересованности, по идее, не должно быть. В этом и есть та регулирующая роль. И если у компании, у которой в принципе одна задача — получить прибыль, и отсюда — никакой открытости информации, то предприятие не должно поддерживать это. Но если оно идет на частно-государственное партнерство, то бесспорно, оно должно рассчитывать на определенные ответные реакции. Что такое открытость? Вот компания пошла на то, что мы напечатали приложение к соглашению. И сегодня на нашем сайте все могут прочитать по каждому году, по каждому химическому составу выброса, каких цифр хочет достичь государство и видеть их на "Норникеле". Хотя это очень опасная сторона, в данном случае — это себестоимость, это конкуренция, которую никто не отменял. Ну, вот, есть предприятие, оно может перейти на вахтовый метод. Что мы будем делать с жителями Норильска? Там работает большая часть наших граждан, которые приехали из СНГ. Их кто-нибудь подержал? Они приехали в Россию, они нашли себе работу? Они там нашли себе работу и понимают, в каких условиях они работают, обеспечивая себя и своих детей. Вот вам мера. Перейдем на вахтовый метод и забудем про этот год. Мы переходили на систему муниципалитетов, и закон соответствующий принимали. Кто-нибудь понял, какая у нас страна и каким образом исторически она создавалась? Мы зачем в "Норильском никеле" параллельно по общей схеме пошли на создание муниципалитетов? Перераспределив систему прибыли через управляющие компании? Там все определялось в Норильске, все определялось одной компанией — трубы, тепло, газ, вода. Теперь еще на шею компании сидят и

муниципалитеты с управляющей компанией. Я посмотрел их прибыль на каждую трубу, которую не они построили, но которую они должны обеспечивать. И тогда в этом отношении граждане существуют в замечательных отношениях экономических — они получают зарплату на "Норникеле", а тратят ее на управляющие компании. Хотя надо было регулировать это, как это было еще при советской власти — компании, профсоюзы и все остальное. Серьезнейшая вещь. Проблема открытости, если предприятие идет на открытость, допускает независимых экспертов. Скажите, зачем мы будем в 2013г. ставить им плановую проверку Росприроднадзора? Мы их проверяем ежеквартально. Они вправе рассчитывать на обратное отношение государства, на корректировку соответствующих позиций, если в этом отношении они на это пошли и действительно шаг за шагом вместе с населением решают эти задачи? Между прочим, в частности, решают и за государство, потому что если компания уходит или отказывается от какой-то социальной части, за это будет отвечать муниципалитет. Интересно, на какие средства? Это ведь "земля Санникова" — в период зимы, как только компания уходит, эта территория прекращает свое существование и становится сразу обременением для Российского государства. А у нас нет ни одной целевой программы по вывозу населения, никакие деньги там не запланированы, потому что эта проблема еще связана с экологической безопасностью страны. А мы даже программу такую по-серьезному принять не можем. Что такое еще открытость, не могу не сказать, потому что, что такое мера вхождения страны в ВТО? Только по "Якутуглю" была вброшена информация о плановой и соответствующей проверке Росприроднадзора, и акции были обвалены на 4%. Представляете показатель? Этим занималось правительство РФ и лично И.Сечин, и мне пришлось заниматься вопросом, откуда ушла соответствующая информация? Оказывается, поработали рейтинговые агентства, чтобы получить одно из мест — а в зависимости от места они стоят столько-то. Но почему-то прокуратуру не заинтересовало наличие 15 рейтинговых агентств в РФ. А вот когда этим стал заниматься Росприроднадзор, возвращая функции объективной оценки того, что находится на территории РФ, это тут же заинтересовало людей, которые были изгнаны из Росприроднадзора за коррупционные схемы, а сейчас определяют, оказывается, лицо информационных потоков Москвы. И прокуратуру это в этом отношении не интересует. У нас в этом отношении по Каргапольскому ЦБК точно так же были определены цифры по проверкам, и из проекта

стали уходить немцы как акционеры, потому что там большое влияние "зеленых", и они отслеживают, каким образом фирма может быть акционером на предприятии, которое, оказывается, загрязняет окружающую среду. А это предприятие держит целую территорию, и муниципалитеты должны этому предприятию 300 млн руб., то есть не расплатятся никогда, если говорить об экономике. Вот эта перевернутость системы требует повседневного решения. Не "блех" надо искать, а надо поставить перед собой системные, абсолютно точные политические задачи и маниакально требовать от каждого чиновника их выполнения, а не субъективного отношения чиновников к закону в РФ. Вот тогда будет мера ответственности, тогда появятся показатели, тогда появятся отчеты, тогда будет реальная оценка каждого чиновника, в частности министра, за то дело, которое ему поручили.

— А.Буряк: Я бы хотел предостеречь от манипулирования цифрами, потому что экология — это такая достаточно сложная сфера, где легко выхватить одну цифру и на этом построить какой-то вывод, который не будет иметь ничего общего с реальностью, хотя и будет иметь правдоподобность суждения, за что можно ухватиться. Когда я говорил о цифрах на этот год, я имел в виду капзатраты, которые мы планируем. А вообще, природоохранные мероприятия очень затратные, и по прошлому году только на поддержание мощностей, которые связаны с природоохранной деятельностью, было потрачено 1 млрд 860 млн руб. Я говорил, что выбросы на тонну упали в 3,5 раза, и сейчас они находятся на уровне передовых экономик. Нужно еще смотреть и на те выбросы, которые происходят, поскольку отходы имеют несколько классов опасности. В металлургии большая часть отходов — четвертого-пятого класса опасности, которые не представляют опасности для жизни и здоровья людей. Тем не менее, очень много встречается манипуляций. Помню одно интервью, которое брали у женщины в городе, и вот она жалуется на проблемы с дыханием и в это время курит папиросу, без фильтра даже, по-моему. В экологии очень важно разделять воздействие, которое оказывает на окружающую среду вообще жизнь человека — выбросы от автомобильного транспорта и т.д., и разделить, где вина автомобильного транспорта, а где — предприятий, не всегда бывает легко. Я это говорю, чтобы показать, насколько сложные и комплексные экологические проблемы, и призвать, в том числе журналистов, не выдергивать какие-то цифры, чтобы строить на них какие-то концепции и какие-то сравнения проводить. Сейчас на конференции присут-

ствуют два представителя металлургического предприятия. Но, тем не менее, есть предприятия черной металлургии, а есть цветной. Соответственно, производственные циклы разные, разные технологии используются, даже температуры на производстве разные и, соответственно, разные составы выбросов.

А.Малышевский: Экология — это еще и колоссальная зона популизма, которая очень активна у нас в стране. И вот мера экологии в экономическом развитии стран. У нас хоть кто-нибудь сказал правду применительно к тому, что весь экономический прорыв Китая, о котором у нас так принято говорить, весь построен на том, что сняты все экологические ограничения, все! Попробуйте это сделать в нашей стране применительно к тому, что мы хотим получить и с чем мы хотим участвовать в Европе. Мера экономическая колоссальная. А для того, чтобы пройти в то или иное подразделение законодательной и исполнительной власти, как раз это очень хорошее поле для того, чтобы поговорить, но ничего не сделать, потому что задачи совершенно другие сегодня.

— *Есть такая госпрограмма по охране окружающей среды 2012-2020гг., которая сейчас планируется для рассмотрения в Госдуме. Это очередной документ, который будет принят и не будет иметь никакой силы, или все же бизнес может рассчитывать на то, что эта программа будет подразумевать хотя бы некоторое субсидирование и помощь бизнесу, который занимается либо производством, либо его деятельность касается экологии в том числе?*

— Эта программа не принесет никаких результатов, если не будет изменена сама логика законодательства. Хочу для аналогии напомнить, что Бурятия очень долго билась за программу "Байкал". И единственное, что я мог им сказать, в частности законодателям, и они меня поддержали, — как только будет принята эта программа, Байкал прекратит свое существование. Потому что там не учитываются ни национальные особенности, ни движение воздуха, потому что проблемы Байкала намного сложнее, чем мы можем их оценить в программе. А если мы в программе хотим получить некие отдельно взятые деньги, — это не стимулирующие вещи, потому что они изымаются другим способом, а потом мы через программу пытаемся те или иные деньги вернуть. Это не решает системных задач. Системные задачи — это когда мы понимаем, что же в конечном счете происходит. Вот я посещал Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат: износ оборудования — 90%, там последние стрелки сгнили, которые на при-

борах находятся, а лифт просто рухнул, потому что сгнили тросы. Есть отдельно целевые программы по ЦБК, его модернизации. Можно модернизировать предприятие с 90% и более износом? А когда мы начинаем говорить: "Давайте перепрофилируем его", — что будем перепрофилировать? Когда начинаем смотреть стоимостные характеристики, абсолютно непонятно, где берется лес, потому что если учитывать стоимость леса, то в этом отношении стоимость целлюлозы будет совсем другой. Если мы открываем предприятие и говорим, что это оно связано с оборонной промышленностью, то в этом отношении месяц работы этого предприятия решает все заказы. Куда девается целлюлоза? Каким образом осуществляются возвратные деньги, если практически все счета должны быть арестованы различными организациями, в частности за неуплату Росприроднадзору и т.д.? Поэтому, я не очень верю в программы и говорю, что здесь нужна системная политическая воля для того, чтобы поменять отраслевое законодательство, которое мы хвалим и лелеем и которое абсолютно не выполняется, для того, чтобы прийти к нормальному экономическим характеристикам и понять, что нужно разрабатывать те модели, которые не локализируют нашу страну, потому что все давно уже предусмотрено, а которые будут открыты, прозрачны, читабельны, которые могут обсуждаться и которые должны выполняться. Вообще законов должно быть очень мало, иногда и конституции достаточно.

— *Нельзя не согласиться с Александром Федоровичем: у нас более 80% законов по экологии не работает. Согласны ли Вы с тем, что надо вводить новый Экологический кодекс? И что, по-Вашему, является приоритетным для снижения воздействия на окружающую среду?*

— А.Малышевский: Относительно Экологического кодекса не совсем могу согласиться, потому что над ним очень долго работают, это свод тех законов, которые уже существовали, то есть чисто механический подход к своду законов, его как ни называй, проблему не решает. Проблема действительно системная. Чтобы действительно начинать решать эти задачи, мы должны оценить правоприменительную практику. Мы должны понять, на каком уровне мы находимся, что у нас работает и что не работает. Это ни что иное как правоприменение. Потому что, когда выпускается любой документ, в нем отсутствует главная часть — а что мы хотим и каким образом мы этого достигаем? И самый главный на сегодня момент — мы должны понять, что отраслевое законодательство в области экологии завело Россию в тупик. Потому что

Относительно Экологического кодекса не совсем могу согласиться, потому что над ним очень долго работают, это свод тех законов, которые уже существовали, то есть чисто механический подход к своду законов, его как ни называй, проблему не решает. Проблема действительно системная. Чтобы действительно начинать решать эти задачи, мы должны оценить правоприменительную практику. Мы должны понять, на каком уровне мы находимся, что у нас работает и что не работает. Это ни что иное как правоприменение. Потому что, когда выпускается любой документ, в нем отсутствует главная часть — а что мы хотим и каким образом мы этого достигаем?

сколько мы ни будем совершенствовать законы, мы понимаем, что ситуация не улучшается вообще. Мы должны понять, что самое главное, что должно быть, — это конституция и экономически оправданные законы. Только тогда у нас будет и частно-государственное партнерство, и пошаговое решение тех задач, которые изолированно страна решить не может. Мы теперь это все должны рассматривать в структуре ВТО и делать страну конкурентоспособной. В противном случае население,

Не решая системных задач, никакая система планирования ничего не сделает. Есть решение президиума Государственного совета, где было выступление Дмитрия Медведева (у нас в этом отношении политическая стратегия могла бы иметь тенденцию к выполнению, потому что президент становится премьером, а премьер — президентом, то есть по большому счету осуществляется преемственность государственной власти). Там были провозглашены идеи новой эколого-экономической политики.

которое объединилось в рамках этих границ, не выживет.

— Вы раскритиковали план мероприятий по защите окружающей среды на будущий год. А что бы могли предложить, ведь еще не поздно и этот план верстается?

— А.Малышевский: Я его не раскритиковал, я просто сказал, что, не решая системных задач, никакая система планирования ничего не решит. Опять же возвращаюсь к исходным позициям. Есть решение президиума Государственного совета, где было выступление президента РФ, нынешнего премьера (у нас в этом отношении политическая стратегия могла бы иметь тенденцию к выполнению, потому что президент становится премьером, а премьер — президентом, то есть по большому счету осуществляется преемственность государственной власти). Там были провозглашены идеи новой эколого-экономической

политики. Там в выступлении Д.Медведева было три важнейших постулата, которые и я готовил в своих записках. Это вопросы экологических рисков, вопросы, связанные с экологическим страхованием, и вопросы, связанные с экологическим аудитом, то есть три важнейших лозунга, которые нужно было наполнить соответствующими правовыми нормами. Я повторю, что это перевод отраслевого законодательства в экономическую. То есть экология становилась экономической. Далее работали все остальные нормы, и я об этом говорил. Значит, на основании решения президиума Госсовета должна была быть принята экологическая доктрина. Если вы посмотрите, какая доктрина была принята, то она к этому решению не имеет никакого отношения. Залатали дыры в прежней доктрине, немного ее стилистически причесали и приняли соответствующее положение. Это все равно, что в этом отношении разбить все законодательные позиции. То есть конституция у нас в одной стороне находится, а все остальное — на совершенно других позициях. У нас есть законы прямого действия и есть отраслевое законодательство, которое противоречит и законам прямого действия, и Конституции РФ. Это всегда будет системное начало. Дальше, если в этом отношении доктрина принята в противовес постулатам новой эколого-экономической политики, то в данном случае по отношению к этой доктрине мы начинаем принимать некие целевые программы, которые, естественно, никогда системно не выполняются. Что толку писать программу для того, чтобы бизнесу что-нибудь вернуть? Для этого не надо никакой программы — поменяйте систему неналогового платежа и верните предприятию, если оно действительно занимается модернизацией, если у него есть экологическая программа, если оно затрачивает на это деньги, что в принципе для предприятия не нужно. Надо всего лишь внести маленький нюанс — скорректировать позицию об автономности платежей. Или разбить систему исчисления — эти 40/40/20 и сказать: муниципалитет согласен свою часть отдать своему предприятию — пускай он отдаст своим решением. Субъект Федерации в состоянии вернуть эти 40% — пускай достигнет этого своим решением. Дальше будем говорить о Федерации. Возникнет персональная ответственность уровней власти перед населением и перед модернизацией той или иной промышленности. Для этого не надо целевых программ. Но не делается ровным счетом ничего, а начинается имитация великих достижений.

— Все, о чем мы говорили сегодня, умозрительно. Так как мы сегодня говорили о

миллионах тонн диоксида серы, о здоровье людей, про выбросы, оборудование какое-то, то мне бы хотелось спросить, есть ли какие-то источники информации с видеорядами, интервью с жителями Норильска, с экспертами, а также с результатами экспертиз?

— А.Буряк: Можно пригласить всех в Магнитогорск, чтобы собственными глазами это все увидеть. И если говорить о каких-то визуальных образах, то достаточно просто посмотреть на снег — если несколько лет тому назад снег в городе был черным, то сейчас в принципе он не сильно отличается по цвету от снега в других районах. Ситуация меняется, и это видно, люди эти изменения чувствуют. Поэтому еще раз приглашаю всех убедиться в этом на собственном опыте.

— А.Малышевский: Я как глава общественного совета обладал практически все предприятия и Кольского ГМК, и "Норильского никеля". Мы эту систему сделали открытой, в том числе для журналистов. В Росприроднадзоре самый посещаемый сайт, потому что любая поездка — и руководителя, и моя — информационно вся тут же появляется на сайте, причем когда "Норильский никель" проводил конференцию, а у нас она теперь международная, мы только на своем сайте напечатали абсолютно все, чтобы действительно можно было посмотреть, использовать, и этим, конечно, надо пользоваться, в том числе и журналистам, потому что не ученые и не политики меняют всю социально-психологическую сторону в стране. Это делают только журналисты. Потому что в данном случае, выступление ученого — это обозначение проблем, с ним могут согласиться или не согласиться, проявится политическая воля или не проявится. Но когда к этому присоединятся люди, это в состоянии сделать только вы и творческие работники, потому что это делают журналисты, это делают театральные деятели. Просто выступление — это менее всего интересно, а вот когда это происходит в фильмах, в публикациях — вот это действительно становится действием. Вот это и есть гражданское общество. Потому что у меня пессимизм и по гражданскому обществу. Отчитались об Общественной палате как о создании гражданского общества, а можно подумать, что что-нибудь произошло. Поэтому в данном случае для того, чтобы был не пессимизм и появлялся некий такой положительный эффект от всего того, что мы делаем, это мы обращаем уже к вам. А помогать вам для того, чтобы создавалась соответствующая картинка и вам давали всю имеющуюся информацию и она была бы объективна, — вот это уже наша задача.

Губернатор в Тверь, инвесторы в очередь

Губернатор Тверской области Андрей Шевелев рассказал об инвестиционной привлекательности самого крупного субъекта в Центральном федеральном округе — хотя в силу близости к Москве Тверь, безусловно, испытывает проблемы из-за «гравитации», которую поневоле генерирует столичный регион. Как не стать скучной провинцией, или заставить слово «провинция» звучать гордо — об этом руководитель региона рассказал собравшимся журналистам.

— Хотелось бы услышать Вашу оценку — каков инвестиционный потенциал области и какова его динамика?

— Моя оценка — она сходится и с оценкой тех инвесторов, с кем нам приходится работать, — инвестиционный потенциал достаточно высок. И мне приятно говорить по итогам года, что он возрастает. Это каждый раз подчеркивают разного уровня мероприятия, проходящие в том или ином регионе. В частности, последний сочинский инвестиционный форум, который еще раз подчеркнул интерес к региону со стороны инвесторов. Мы хорошо понимаем, что наша область не только самый крупный в ЦФО регион, но мы, когда говорим и о географии расположения, и о логистике, которая уже выстроена и имеет хорошие перспективы (постоянно идет строительство новых магистралей), также обладаем кадровым, научным потенциалом. Если в прошлом году на территории региона состоялось порядка 50 инвестиционных проектов на общую сумму 35 млрд руб., то в этом году, хотя мы еще не закрываем итоговую таблицу, на данный момент реализуется более 100 инвестиционных проектов общей суммой свыше 150 млрд руб. За каждым проектом мы следим, чтобы в них применялись высокотехнологичные направления, оборудование, предприятия с уровнем серьезных инвесторов не только мирового, но и российского уровня. И очень приятно говорить, когда не только заходят новые предприятия, но и существующие уже не один год на территории региона идут на модернизацию, расширение своих производств.

В основном мы развиваем три направления. Это машиностроение, это промышленность и сельское хозяйство. Ну, сельское хозяйство было всегда традиционным для Тверского региона, даже учитывая, что это территория рискованного земледелия. Но у нас всегда были традиционные формы сельского хозяйства, и мы сейчас интерес со стороны сельхозтоваропроизводителей к региону ощущаем. Опять же — не только со стороны новых, которые готовы идти в регион, но и предприятий, традиционно работающих на территории Тверской области, которые готовы идти на модернизацию и расширение своих объектов.

— Чем Тверская область может быть привлекательна для инвесторов, кроме своего географического положения?

— Думаю, первое, чем она сейчас привлекательна, — это выстроенная система работы с инвесторами. Вся географию, логистику каждый может оценить. Но очень хорошо понимаю, что прежде всего требует и хочет инвестор при рассмотрении того или иного региона. Здесь мы предлагаем достаточно комфортные условия взаимодействия с правительством области и с местным самоуправлением, что немаловажно. Потому что кроме географического положения, кроме возможностей по энергетике, инфраструктуре мы в обязательном порядке максимально сокращаем все сроки по взаимодействию с инвесторами по оформлению земельных, имущественных вопросов, по совершенствованию нормативно-правовой базы, а это и субсидирование по различным формам в работе с бизнесом, это и работа по инфраструктурным проектам по



мере реализации каждого инвестиционного проекта, и персональное закрепление за каждым инвестиционным проектом представителя правительства. Наверное, это немаловажно, я хочу это подчеркнуть, потому что это я чувствую, не только при реализации взаимодействия с инвесторами, но на это очень чувствительно реагируют особенно иностранные инвесторы. Для меня показательный момент при реализации одного из самых крупных инвестиционных проектов — строительство экскаваторного завода Hitachi под Тверью — как выстраивалось на первых шагах взаимодействие, насколько сейчас партнер удовлетворен, а это создает определенную имиджевую составляющую в работе и с другими инвесторами. Запустив в следующем году завод, я понимаю, что вокруг него создастся еще 12 предприятий, которые участвуют в технологическом процессе сборки экскаваторов.

— На территорию области пришло много зарубежных инвесторов. С чем это связываете? Не опасаетесь экспансии? Какая доля инвестиций приходится именно на долю зарубежных инвесторов?

— Я думаю, что это тот вопрос, который сегодня волнует и отечественных производителей, — конечно, нет заинтересованности создавать жесткую конкуренцию, чтобы тем самым подсаживать нашего производителя. Нет, здесь мы говорим о разных сегментах экономики. Вот говорим о строительстве завода Hitachi — у нас успешно работает свой Тверской экскаваторный завод, но мы понимаем, что это разная линейка продукции и разные сегменты продукции. Соответственно, это и определение работы с инвестором. Доля увеличивается. Мы говорили о порядка трети присутствия иностранных проектов, иностранных инвестиций, которые реализуются быстрее, — это Hitachi, Shell, финская компания Paigos в Конаковском районе, финская компания Paulig по обжарке кофейных зерен — здесь в разных сегментах необходимо регулировать. Но что выбирает иностранный инвестор — тут все составляющие. И немаловажная составляющая, которая очень ощутима при общении с инвестором — кадровый и научный

потенциал наших учебных заведений, возможность трудоустройства тверских жителей при создании качественных рабочих мест. То есть то, что мы действительно ощущали, когда для потребностей других, соседних регионов — Ленинградской, Московской области и Москвы — из Тверского региона забирались лучшие кадры. Сейчас у нас воссоздаются возможности, это чувствует иностранный инвестор. Это возможно не только нашим людям работать на высокооплачиваемых местах, но и возвращать наших людей из соседних регионов.

— **Вернемся к Международному инвестиционному форуму в Сочи. Председатель правительства России Дмитрий Медведев обратил внимание на Ваш шуточный презент "Паек инвестора". Удалось "накормить" инвесторов, подписать инвестиционные договоры? Каковы итоги участия Тверской области в инвестиционном форуме?**

— Я сразу хочу сказать, что мы не держим инвесторов на сухом пайке, это был дополнительный паек, который бы подслащивал нашу работу с инвестором. Если говорить серьезно, система мер, которая выстраивается, — я никогда не считал ее оконченной, выстроенной, она может всегда совершенствоваться, учитывая все особенности не только сегодняшнего состояния экономики, бюджета региона, но и отвечала бы потребностям инвесторов, если мы говорим о приоритетах. Мы старались очень качественно подготовиться к этому форуму, отдавая себе отчет, что мы можем от этого получить: не только презентовать достойный регион в новом качестве, не только добавить в него креатива, но показать еще одни возможные стороны. В результате при подготовке к форуму мы планировали подпи-

сать пять соглашений, в результате подписали семь соглашений и договорились о выходе еще на два соглашения. Семь соглашений — это свыше 12 млрд инвестиций в регион и создание свыше 2 тыс. 600 рабочих мест. Это серьезный итог работы. В частности, уже идет этап реализации одного инвестиционного проекта в Конаковском районе — на территории ранее существовавшего предприятия "Изоплит", которое не работало уже много лет, финские инвесторы хотят восстановить производство теплоизоляционных материалов для выполнения строительных работ. Это будет один из крупнейших объектов. Уже сняты все земельные вопросы. Это будет и возрождение самого предприятия, создание свыше 300 высокооплачиваемых рабочих мест, и самое главное — я же понимаю, что это для меня за район, — соблюдение всех высоких требований к экологии. Мы подписали соглашение с московскими партнерами о создании производственно-логистического центра в Ржеве — втором после Твери городе, перспективы которого с каждым годом возрастают. Подписано соглашение с компанией "Русский композит", одно из предприятий которой находится на территории Тверской области — "Тверстеклопластик", о создании новых проектов — инженерных, на основе новых композитных материалов. Опять же, когда мы говорим о том, что задача не только новых привести — новые предприятия, новых инвесторов, — но самое главное — чтобы поддерживать производство на ранее существовавших предприятиях. Вот одно из таких соглашений мы подписали с компанией "Индустрия" — это строительство третьей линии на стекольном заводе в Спирово, и за счет поставки нового оборудования, я думаю, создадутся дополнительные места. География

на территории региона для меня важная задача — нужно сконцентрировать проекты не только возле областного центра, но и равномерно по всей территории области. Основное направление, конечно, мы презентовали, это наши возможности туристического потенциала. И в развитие этой темы мы подписали соглашение с компанией Grand Marine о развитии яхтингового туризма. У нас все для этого есть — не только географические возможности, но и интерес развивать это направление на территории Тверской области.

— **Тверская область имела низкий уровень промышленного развития, но региональные власти заявили о возрождении промышленности. Какие шаги для этого предпринимаются, помимо тех, что Вы уже озвучили?**

— С удовольствием. Что касается одного из показателей, которые характеризуют вообще развитие экономики на территории региона, — индекса промышленного производства, он уже второй год показывает хорошую положительную динамику. Если брать прошлый год — это было 109,6%, это выше среднего по России, в этом году по итогам восьми месяцев сохраняется 109% — это тоже выше среднего показателя по России, который составляет 104,7%. Можно говорить, что вектор промышленной политики динамично идет вверх. Меня это очень радует. Потому что развитие экономики — прямое отражение на уровне жизни населения, особенно когда мы говорим о доходах населения: если в прошлом году они выросли на 6,9%, то в этом — еще на 14,8%. Средняя заработная плата сегодня по экономике — 19 тыс. 470 руб. В этом году она уже выросла на 11,8%. Что касается инвестиционных проектов в промышленности, не могу не упомянуть запуск в октябре следующего года завода Hitachi, это достаточно серьезные вложения — 2,3 млрд руб. и создание 326 рабочих мест. При выходе на проектную мощность завод будет выпускать около 2 тыс. экскаваторов в год. Когда мы говорим о промышленной составляющей, мы должны отдавать себе отчет в природных возможностях региона, когда 55% территории покрыто лесом. Задача, которую ставил федеральный центр, — создать условия для глубокой переработки, ресурсной базы именно на территории своего региона. Флагманом в этом направлении является наша компания "Современные технологии обработки древесины" (СТОД), которая уже реализовала первый этап — завод работает. Даже на сегодняшнем уровне это флагман России по выпуску древесно-стружечных плит. Пока, к сожалению, 90% продукции реализуется за границей. При общем объеме инвестиций на

расширение этого проекта — 13 млрд руб., создание дополнительных 400 рабочих мест, земельные вопросы уже решены, задача — увеличить объем выпускаемой продукции в интересах не только региона, но и России — перейти к качественному деревянному быстровозводимому домостроению, что для меня очень важно.

— **Есть ли инвестиционные проекты в других отраслях экономики, помимо промышленности? Например, в сельском хозяйстве?**

— Я о сельском хозяйстве хотел бы сказать, но нельзя и обойти самый крупный инвестиционный проект, который реализовывался на территории Тверской области, — я говорю о запуске 4-го энергоблока (Калининской АЭС — РБК). 76 млрд руб. — для меня это не только инвестиционные вложения, но самое главное — это увеличение налогооблагаемой базы. Со следующего года вдвое больше налоговых поступлений со стороны атомной (станции). Это самый крупный налогоплательщик, то есть если по этому году в бюджет поступало 1 млрд 103 млн, то в следующем году увеличение будет еще на 1 млрд 300 млн. И при переговорах с руководством "Росатома" — сэкономленные средства будут распределяться среди регионов — мы договорились о дополнительных поступлениях еще 200 млн в региональный бюджет. Конечно, это найдет отражение в местном бюджете Удомли (город-спутник Калининской АЭС — РБК) и Удомельского района. Это нельзя забывать. Ну, и при наличии избыточных энергоресурсов и четырех энергоблоков, конечно, есть заинтересованность в том, чтобы использовать эти преимущества. И поэтому вблизи Удомли, на территории Удомельского района уже идет реализация одного из крупных инвестиционных проектов в области сельского хозяйства. Будет строиться большой тепличный комплекс, где будут выращиваться овощи, цветы, где будет одно из крупных рыбоводств. Реализует этот инвестиционный проект агрохолдинг "ЭкоРос". Когда мы подходили к реализации первого этапа создания тепличного хозяйства, стало возможным создание центра научных исследований для экологически чистых удобрений, и мы пришли к решению вместе с инвестором расширять до промышленного парка. Для этого мы можем использовать напрямую возможности Калининской атомной станции, а также предоставлять их другим предприятиям, использующим электроэнергию. И вот идет реализация этого проекта, общий объем инвестиций — порядка 11 млрд. В конечном итоге только по проекту "ЭкоРос", если не брать промышленный парк, будет создано порядка 2 тыс. рабочих мест.

Это требует уже дополнительного выстраивания логистики, обеспечения рабочей силой и научным потенциалом для реализации этого проекта. Здесь первый этап уже в июле следующего года мы увидим — строительство тепличного комплекса. И сегодня проходит заседание нашего Законодательного собрания, где будет рассмотрено предложение о создании индустриального парка. Очень надеюсь, что меня коллеги-депутаты поддержат. Потому что мы не должны забывать, что по окончании инвестиционного проекта на Калининской АЭС будут высвобождаться люди. Хотя большая часть их будет задействована в очередном инвестиционном проекте "Росатома" по модернизации первого и второго энергоблоков, но все-таки мы должны дать возможность специалистам трудоустроиться на высокооплачиваемую работу уже в смежных отраслях.

— **Тверская область — самый крупный субъект Центрального федерального округа с наиболее протяженной дорожной сетью. Как оцениваете качество дорог? Хватает средств, чтобы содержать их в должном состоянии?**

— Думаю, каждый губернатор, которому будет задан этот вопрос, скажет: конечно не хватает. У нас самая крупная протяженность дорог на территории ЦФО и четвертая по России: 15,5 тыс. км, 900 мостовых сооружений, не беру федеральные трассы. Правильное решение, как бы оно тяжело ни было для каждого губернатора, когда мы консолидируем определенные виды налогов (акцизы по нефтепродуктам, транспортный налог) в дорожном фонде при серьезных объемах — в этом году он был около 4 млрд, он будет увеличиваться в следующие годы, мы эти средства не можем никуда направить, это четкая установка. И цель создания дорожного фонда — только проектирование, содержание, ремонт и строительство дорог. Таких объемов никогда не было, так никогда не консолидировались на решении этой задачи, но уверен, что каждый коллега скажет: нам еле хватает этого только на содержание или приведение в нормативное состояние дорог на территории региона. То же скажу и я. Трудно даже представить, сколько мне надо сразу — это будет исчисляться десятками миллиардов. Акцент, который мы поставили в этом году (и вы меня поймете), — привести в нормативное состояние участки дорог, по которым ходят школьные автобусы. Благодаря этим финансам мы поставили задачу для Твери и приступили к закрытию основной проблемы — аварийность Восточного моста. Работы идут, в течение следующего года мы должны закончить эту работу. Мост 20 лет был аварий-

Что касается одного из показателей, которые характеризуют вообще развитие экономики на территории региона, — индекса промышленного производства, он уже второй год показывает хорошую положительную динамику. Если брать прошлый год — это было 109,6%, это выше среднего по России, в этом году по итогам восьми месяцев сохраняется 109% — это тоже выше среднего показателя по России, который составляет 104,7%. Можно говорить, что вектор промышленной политики динамично идет вверх. Меня это очень радует.

ным, мы не могли к этому подойти, но у нас эта возможность появилась. Теперь наша задача — отработав этот год, определить для себя этап работ уже на следующий год, заняться совершенствованием маршрутной сети по наиболее проблемным участкам дорог и работать в прямой связке с реализуемыми инвестиционными проектами. Когда мы говорили о проекте СТОД, при увеличении объемов производства — это же увеличение нагрузки транспорта, который задействован и в подвозе сырья, и в вывозе готовой продукции. А это нагрузка на дороги. Здесь мы должны синхронизировать расширение возможностей бизнеса и возможностей совершенствования инфраструктурных объектов, которые задействованы при реализации инвестиционного проекта. Тем более особенность расположения — рядом с историческим городом Торжок,



здесь необходимо или совершенствование, или строительство новых объездных путей для того, чтобы нагрузка не ложилась на дорожную сеть поселения, города.

— До недавнего времени Тверская область имела самую низкую степень газификации среди регионов Центральной России. Сегодня ситуация изменилась. Вы удивлены тем, как это происходит?

— Если говорить о газификации — на данный момент общая газификация составляет порядка 64% территории. Но за такой серьезной цифрой мы должны разделять городские поселения и село. Так вот, конечно, газификация села составляет всего 30%. Центр России, вы правильно отметили, конечно, не может удовлетворять. И если в 2006г. порядка 900 млн только со стороны Газпрома выделялось на газификацию, то в 2011г. — 10 млн. Конечно, тому были причины. Регион не выдерживал своих обязательств по графику синхронизации работ, что и вызвало такую реакцию Газпрома. И это не говоря о скопившейся задолженности за газ, за электроэнергию. Это была задача, которая решалась в начале этого года, — в конце следующего года выстроить свою кредитную историю. Потому что, действительно, очень трудно говорить, почему так была выстроена система взаимодействия, которая привела к ощутимому осложнению работы по газификации. И теперь задача — не только исправить ошибки, потому что задача вернуть себе хорошее имя, конечно, решается сложнее. Все-таки, для меня Газпром партнер, без Газпрома мне это будет сделать трудно, невозможно. И моя позиция была услышана — мы показали ряд конкретных шагов, направлений не только работы с Газпромом, но и по решению проблем с накопившейся задолженностью. Сейчас со стороны областных и муниципальных органов власти вообще ее нет, в половине муниципалитетов вообще отсутствует задолженность, но есть задолженность хозяйствующих субъектов. Можно, конечно, сказать "коллеги, вы сами разбирайтесь", но наверное это было бы неправильно. И здесь, конечно, совместное выстраивание позиции с Газпромом привело к тому, что уже на этот год нам было выделено дополнительное финансирование в 100 млн, и сейчас идет на согласование график синхронизации следующего года, который будет существенно увеличен. По цифрам мы сейчас договариваемся с Газпромом, там может быть от 300 до 800 млн. Но, опять же говорю, я понимаю партнера, который теперь аккуратно выстраивает свое взаимодействие с регионом. Ну, мы постараемся своей тесной работой доказать, что мы заинтересованы.



— В том, что касается газификации, хотелось бы услышать какие-то прогнозные цифры: есть же, наверное, программа-минимум, программа-максимум?

— Цифры рисуются из плановых расчетов, когда мы четко выходим на стабильное взаимодействие. К сожалению, я этого сейчас не могу сказать. И никого я винить не буду в этом. Сейчас мы должны прежде всего закрыть те обязательства, которые были даны населению — вы не поверите! — 15 лет назад. У меня есть такие населенные пункты. И задача взаимодействия — где-то своим бюджетом, во взаимодействии с Газпромом закрыть эти обязательства. Если у меня в центре и на северо-востоке уровень газификации достигает 80%, то юго-запад — ноль, соответственно, там и проблематика, и сложность. Моя задача — выстраивать процессы доведения до 100% одних территорий и хотя бы начальное заведение в юго-западные регионы — Оленино, Белый, Жарки, Нелидово, Западная Двина. Я бы вернулся к этому вопросу в следующем году, когда мы уже выйдем на новый качественный уровень взаимодействия с Газпромом. Я говорил, для меня 100 млн — это серьезный шаг. Я только могу себе представить такие семимильные шаги, когда 900, 700 млн выделялось на область, и мы это профукали.

— Это правда, что Тверская область в 80-е годы прошлого века была вторым в России по посещаемости туристами регионом, после Краснодарского края?

— Это факт. Да, действительно, этот потенциал полностью не раскрыт. И если он был раскрыт в 80-е годы, то многие объекты, наверное, мы просто упустили со временем, что сейчас постараемся в кратчайшие сроки возродить. Одна наша "изюминка", которую хотелось бы назвать, — это единственный императорский дворец вне Санкт-Петербурга и

Москвы. Это тверской императорский дворец, который в 80-е годы был "изюминкой" города Твери, куда приезжал основной поток туристов. За последние пять лет мы все-таки постарались по всем направлениям туризма — это туризм выходного дня, агротуризм, культурный туризм, религиозный туризм — ну и все-таки наростим цифру от 980 тыс. человек в год до 1 млн 380 тыс. человек по этому году. И сейчас в рамках еще одного крупного инвестиционного проекта с помощью Всемирного банка мы приступили к капитальному ремонту императорского дворца. И в течение трех лет мы свою "изюминку" не только приведем в порядок, но и сделаем хорошей "визитной карточкой", и, я уверен, поток усилится. Я очень надеюсь, конечно, на реализацию одного из крупных инвестиционных проектов — "Большое Завидово" в Конаковском районе, где через два года будет стоять 5-звездочный отель. Где-то к июлю 2014г. будет стоять большой отель Radisson, я думаю, что это тоже привлечет еще и деловой туризм. И строительство вокруг всей инфраструктуры даст возможность нам принимать гостей и проводить серьезные мероприятия. Очень с каждым годом набирает силу агротуризм. У нас есть хорошие примеры в Калининском районе, когда итальянский фермер (открыл) свое хозяйство — там туризм выходного дня, гости имеют возможность насладиться нашей экологией, нашей продукцией и хорошо провести время. И, конечно же, нельзя не использовать нашу водную гладь, когда мы говорим о Селигере, когда мы говорим об Осташковском районе, когда мы имеем у себя уникальные места, как исток реки Волга. Это музей под открытым небом, в который туристы ездят. Нам надо быть готовыми именно к сегодняшнему дню на сегодняшнем уровне — это тоже задача. Когда мы говорим о Торжке, историческом городе,

который стоит на важной магистрали Москва-Петербург. Задача перехватывать туристов, которая стоит перед нами. И задача, которую мы реализуем, — это создание такого музея под открытым небом в исторической части города XVIII-XIX вв., воссоздание всех зданий, создание гостиниц в таком компактно расположенном районе. Ну, и природный туризм, который есть. Нам надо быть готовыми к тому, чтобы отвечать на желания туристов, предложить разный спектр услуг. Потому что когда мы говорим о логистической составляющей, то сегодня расстояние остается-то одно и то же, но в ближайшее время путь от Москвы до Твери будет занимать полчаса на железнодорожном транспорте и час на автомобильном. Понятно, что по современным меркам это не время и не расстояние. И мы должны дать возможность при желании задержаться, предоставить все условия для того, чтобы человек хотел и мог это сделать.

— Вы говорили о развитии туризма в Тверской области, в частности туризма по природным достопримечательностям. Вопрос об особо охраняемых природных территориях: известно, что во многих ООПТ наблюдается отсутствие аншлагов, в том числе в ООПТ на озере Селигер, не везде созданы заказники и т.д. Как будет развиваться система особо охраняемых природных территорий?

— Наверное, у нас немного разное понимание, но когда мы говорим "особо охраняемые природные территории", то это не основная задача — аншлагами и шлагбаумами закрыть для доступа населения. Наша задача — навести порядок в землепользовании на этой территории, и главное — сохранить все природные и биоресурсы, находящиеся на этой территории. Задача нашего правительства — отрегулировать все вопросы, касаемые земельных отношений на территории трех районов, которые подпадают под особо охраняемую территорию. Возмещение создания национального парка федерального значения мы тоже рассматриваем, но для этого мы должны в полной мере придать не только де-юре значение этой территории, но и де-факто отладить все вопросы, которые беспокоят жителей, которые имеют там свои участки и дома. Этот вопрос решается, напряженность снята. Второй вопрос: как мы будем сохранять биоресурсы и уникальные природные условия — своими возможностями бюджета или же мы найдем партнеров в лице Федерации и будем уже говорить о национальном парке, как говорят наши соседи в Новгородской области, где все это уже сделано. Что касается Нило-Столобенской пустыни и возможности постоянного размещения рядом с ней сели-

герского молодежного форума, то в этом заключается позиция Русской православной церкви. Это не только дальнейшее развитие молодежного инфраструктурного проекта, когда мы говорим о форуме, но и возможность тесного взаимодействия церкви и молодого поколения. С каждым годом проведения этого форума увеличивается поток посещаемости Нило-Столобенской пустыни, что не может не радовать меня и представителей духовенства, когда молодые люди, знакомясь с нашими историческими "изюминками", проникаются особенностями этой территории. А правильное комфортное соседство — это задача реализации проекта, когда они будут друг друга дополнять, а не мешать. Возможности современных технологий, ландшафты это позволяют. Я не против, и церковь не против, и население не против.

— Клинский район Московской области расположен перед въездом в Тверскую область, там создается огромная промышленная зона, торчат трубы, речка Дойбица не замерзает в 30-градусные морозы из-за сброса сточных вод из этой зоны. Чтобы сохранить промзону, власти сдвигают трассу Москва — Петербург в национальный парк "Завидово". Как Вы относитесь к тому, что инвесторы оставляют деньги в соседнем регионе, а Тверская область получает только минусы?

— Мне очень трудно отвечать за позицию властей другого региона, другого муниципалитета. Есть такое хорошее направление — развитие агломерации "Московский регион", и все эти вопросы заранее должны были рассматривать, я уверен, что они рассматривались властями предыдущими Московской области и Тверской области. Наверное, оценивать наши возможности со стороны, находясь в Клинском районе, — не совсем правильно. "Визитные карточки" региона существующие и делающиеся — это две разные вещи. Когда вы говорите о создании новых логистических путей, решаются две задачи, которые нельзя обойти. Мы имеем трассу, которая загружена транспортом, которая не позволяет даже по нагрузке обеспечивать нормально, — это экология прежде всего ваша, Московского региона, когда ваши пробки в любом городе по этой трассе. Так что мы здесь не уйдем от того, чтобы создавать качественную дорогу и разгружать. Это первое. А второе — проект "Завидово", реализующийся на Ивановском водохранилище, на реке Волге, — это создание нового города с населением до 20 тыс. И вот на Сочинском форуме я знакомился с инвесторами уже по тем стройкам, которые они ведут в Краснодарском крае. И я еще раз убедился в том, что этот проект будет реализован

в высшей степени качественно и в соответствии с экологическими требованиями. Как-нибудь вам надо просто заехать и посмотреть, насколько, особенно в выходные дни, поток туристов уже сейчас идет в Конаковском районе. Так что здесь у меня нет сомнений, что мы реализуем и еще больше привлечем. Очень бы хотелось, чтобы соседи свои инвестиционные проекты, реализуемые на границах, заранее оговаривали, не осложняя жизнь и экологию друг друга. Но я уверен, что на территории Клинского района тоже реализуются инвестиционные проекты по высшей степени экологических требований.

— Вы обозначили, что ранее треть инвестиций в регион составляли иностранные. А как сейчас?

— Сейчас, думаю, в этих пределах и колеблется. Потому что из года инвестиционный проект может быть направлен на создание нового и расширение имеющегося. И часть этих проектов идет на расширение. Но сейчас я понимаю, что эта доля будет увеличиваться, потому что когда реализуется один из проектов — Hitachi, то смежные производства — порядка 12 предприятий могут "сесть" рядом — тоже японских предприятий, которые делают комплектующие для Hitachi. Моя задача — чтобы и отечественные предприятия тоже увеличивали свою долю. Если это сохранится, я не буду возражать. У нас есть предприятия и в авиационной промышленности, где присутствует существенная доля иностранного капитала, отечественный бизнес активно идет в агросферу. Важно сохранить динамику присутствия и вхождения, но не гнаться за тем, какая доля должна быть. Думаю, где-то так и будет колебаться.

— В январе администрация региона сообщила, что Honda может построить в Тверской области завод на 40 тыс. автомобилей. Проводились ли в дальнейшем консультации с японскими коллегами? Когда может быть определен регион, где будет построен завод? Если будет выбрана Тверская область, во сколько Вы оцениваете потенциальный объем инвестиций в данное производство?

— Это была хорошая тема в работе с нашими потенциальными инвесторами, наша задача была — ответить на все возможные и поставленные перед нами вопросы, обеспечить все информационные базы и показать воочию все территориальные возможности. К сожалению, Honda пока заморозила рассмотрение создания сборочного процесса на территории России в целом. Мы отслеживаем вопрос, при возвращении к нему, мы готовы активно включиться, потому что заинтересованность в регионе была.

— Где можно ознакомиться с инвестиционными проектами в области сельского хозяйства Тверской области и возможностями участия в них?

— Это возможно, и я точно гарантирую комфортные взаимоотношения с Минсельхозом, доброжелательное и комфортное отношение, заинтересованность в рассмотрении инвестиционных предложений. Ознакомиться со всем имеющимся потенциалом, возможностями и нормативно-правовой базой при реализации инвестиционных проектов в сфере сельского хозяйства можно, зайдя на портал tverinvest.ru. Это инвестиционный портал Тверской области, где можно почерпнуть всю необходимую информацию, контакты. Первые контакты и комфортность работы я вам гарантирую.

— Какие специалисты сегодня нужны Тверской области? Какие преференции готовы предоставить тем, кто примет решение о переезде к вам в область?

— Банк вакансий Тверской области составляет около 7 тыс. предложений. Эту задачу мы стараемся решить, не только проводя ярмарки вакансий на территории области, но и в соседних регионах и городах. Мы заинтересованы, чтобы к нам приезжали на постоянное место жительства и на работу, я как губернатор заинтересован закрыть проблему в учреждениях здравоохранения и образования. Учителя, врачи нам очень нужны. В экономике региона, в промышленности существует потребность в рабочих специальностях, в менеджерах, в торговых сетях; нужны водители, я не говорю уже о тонких специальностях в промышленности – сварщики и т.п. С вакансиями можно ознакомиться на портале нашей службы занятости или через федеральный портал службы занятости. А если зарегистрируетесь на портале — вам вакансии Тверского региона будут поступать на почту. Стараемся обеспечить эти вакансии жильем, особенно в сельской местности. Я с удовольствием приглашаю в Тверь не только ознакомиться, но и приезжать к нам — работа есть. Наша задача сейчас — быть готовым отвечать на предложения инвесторов не только по входу, но и обеспечению людьми. Пока у нас сил хватает, но с каждым годом, учитывая инвестиционную привлекательность, потребность будет возрастать.

— Удалось ли остановить тенденцию, когда значительная часть населения региона уезжала на постоянную или временную работу в Москве и Петербург? Могли бы Вы привести цифры по этому вопросу — что было до того, как Вы стали губернатором, и что стало теперь?

Ничего невозможного нет. Может, мы какие-то сырьевые ресурсы найдем у себя — вдруг это завтра будет хороший большой мегаполис? Если серьезно говорить, мы для себя просчитывали эту возможность. Для того чтобы нам в короткой перспективе выйти из дотационности, мы должны наш региональный продукт увеличивать на 20% каждый год, а мы пока плюсуем 5-8% по экономике.

— Мы должны понимать — все-таки мы говорим о миграционном сальдо, я так понимаю. Потому что говорить о тех, кто прописан, имеет регистрацию в Тверской области и работает в Москве, и есть другие процессы, когда москвич работает в Тверской области. Это тоже есть в соседних регионах, мы, наверное, не об этом говорим, потому что такую статистику невозможно дать. Мы говорим об одном из показателей — миграционном сальдо. По году подводятся итоги, и можно сравнить по выбывшим из региона и приехавшим на постоянное жительство в регион. Так вот, если сравнить с 2010 годом, это сальдо у нас было отрицательным, минус 300 человек. По этому году мы говорим о положительном сальдо — это свыше 1 тыс. человек, которые приехали на постоянное место жительства в Тверской регион. Так что, кроме инвестиционной привлекательности, я думаю, что люди очень хорошо оценивают комфорт и потенциальные возможности проживания на территории Тверского региона. Это рассматривается во всех сферах — и по рождаемости, и по смертности, и по логистическим возможностям. Вот такая цифра есть. — Дмитрий (Ржев): Будут ли ликвидироваться малокомплектные сельские школы на территории Тверской области? А.Шевелев: Этой задачи нет, оптимизация системы образования уже прошла. Каждый вопрос будет рассма-

триваться индивидуально. Если это помещение уже ветхое, аварийное — конечно, должно строиться новое. Но нет никакой задачи ликвидировать малокомплектные сельские школы. Всего у нас школ 555, ну и половина школ, конечно же, находится в районах. Мы, конечно понимаем, где у нас существуют малокомплектные школы — в тех районах, в тех муниципалитетах, которые удалены. Поэтому нет такой задачи. Давать условия для равного получения образования — вот это задача, которая стоит перед правительством, перед муниципалитетами. Чтобы школа была таким очагом знаний, где и досуг можно проводить. И задача — совершенствовать эту систему.

— Предполагаете ли Вы изыскать финансирование на строительство Западного моста через Волгу?

— В декабре у нас будет принят генеральный план развития города, к сожалению, этого не было сделано раньше. Там будет не один мост — понимая географическую особенность расположения Твери, нам требуется четыре моста. А задача строительства нового — наиболее острая задача. Я четко понимаю, что завтра мы открываем первую очередь Мигаловской развязки — это еще один мост, который идет по трассе Москва — Санкт-Петербург, в следующем году мы закончим капитальный ремонт Восточного моста, мы четко будем понимать автопоток, который требуется. Они спроектированы, и тогда мы будем говорить о сроках строительства моста, он необходим. Вообще их необходимо четыре. Первый — для которого мы должны найти силы, это наша тесная работа с Федерацией, чтобы нам начать строительство. Часть мостов будет построена, когда будет открыта трасса Москва — Санкт-Петербург и часть потока уйдет. Наша задача — выстраивать правильно логистику. Если мы говорим о транспортном потоке с севера, наша задача — выводить этот поток на трассу Москва — Рига по другим направлениям, а не только через Тверь. Разгрузив поток внутри Твери, мы можем говорить о том типе моста, который необходим для проектирования.

— Всем известно, что Тверская область всегда славилась своим уникальным производством льна. Почему из года в год Законодательное собрание отклоняет предложения о дотации производителям льна? Именно это производство было и может стать "визитной карточкой" области.

— Оно, как бы тяжело ни было, и является, потому что у нас самые большие площади по льну, мы их сохранили. У нас сохранились предприятия по обработке льна — не все, правда, но основные сохранились — это

Ржев, Бежецк, Лихославльский район. Дотации существуют, но я понимаю вопрос так, что их всегда мало. Здесь я бы ставил вопрос по-другому — так, как мы ставим на федеральном уровне: для возрождения основной отрасли на территории Тверской области, учитывая особенности нашего льна-долгунца, мы должны четко понимать, что будет государственный заказ. Вот обеспечив государственным заказом наши предприятия, мы можем говорить о других формах, которые приведут к возрождению. И здесь мы должны говорить прямо — что без федеральной поддержки, без наличия федеральной программы, наверное, будет очень тяжело. Мы можем поддерживать, но развивать — вот в чем стоит вопрос. Потому что у нас даже научно-исследовательский институт льноводства сохранился в городе Торжке, у нас и научная база существует, и возможности для возрождения есть — все сохранили. Вот нам нужна поддержка уже более качественного уровня с постоянным государственным заказом на продукцию.

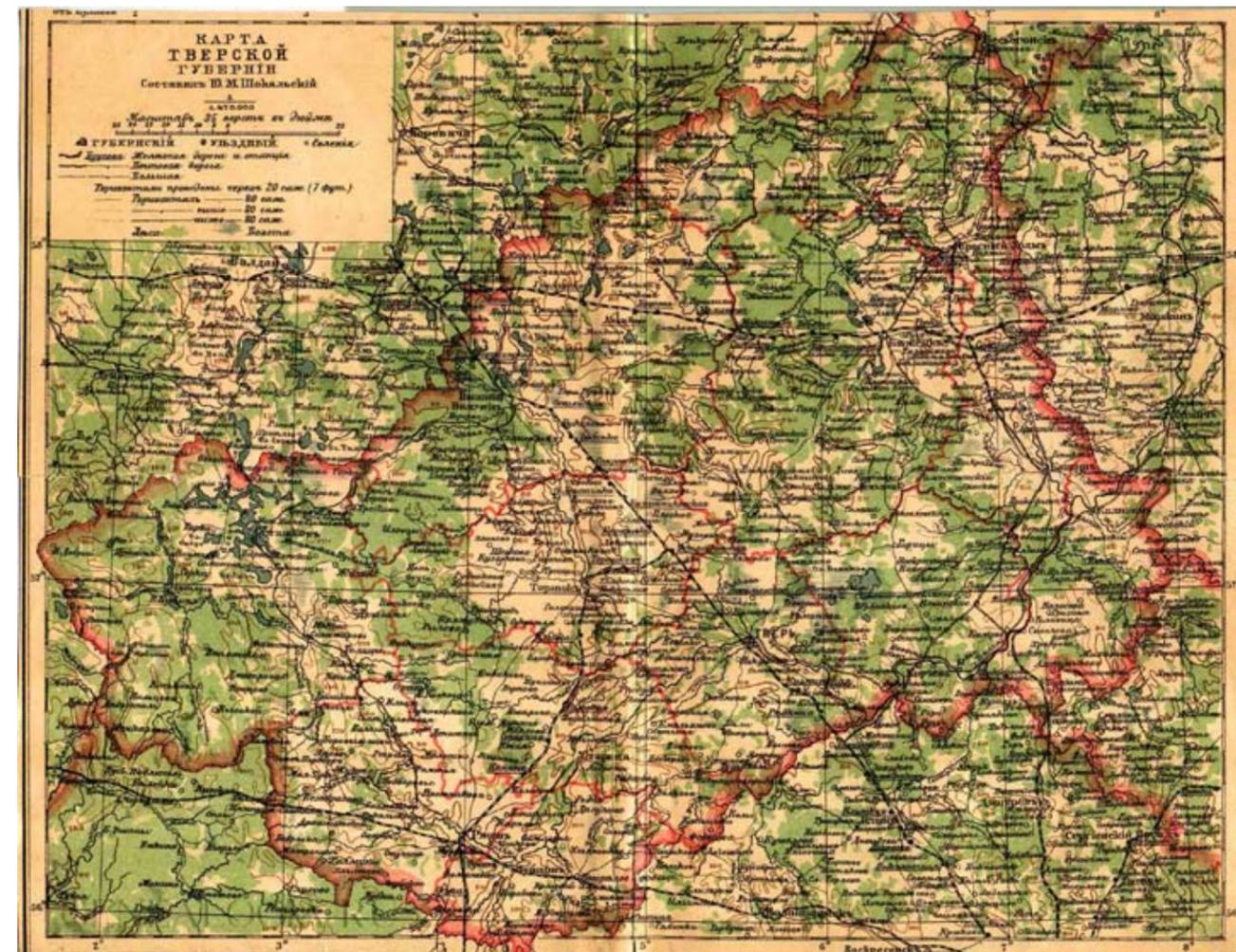
— У Тверской области есть обозримая перспектива из дотационных регионов

стать регионом-донором? Или это утопия?

— Ничего невозможного нет. Но надо понимать, что, может, мы какие-то серьезные сырьевые ресурсы найдем у себя — вдруг это завтра будет хороший большой мегаполис? Если серьезно говорить, мы для себя просчитывали эту возможность. Для того чтобы нам в короткой перспективе выйти из дотационности, мы должны наш региональный продукт увеличивать на 20% каждый год, а мы пока плюсуем 5-8% по экономике. Понятно, что за один-два года этого не решить. Наша задача — снижать дотационную нагрузку, постоянно выстраивая экономические процессы, основная цель которых — привлечение инвестиций в экономику региона. Но я бы очень хотел, чтобы вопрос о дотационности звучал как об экономическом понятии, но ни в коем случае не социальном. Это не будет отражаться на комфорте проживания на территории Тверской области, на возможности реализовывать свой трудовой, научный потенциал, комфортно жить на территории региона. Пусть это понятие не пугает людей, а, наоборот, стимулирует, чтобы активнее работать.

— Законодательное собрание Тверской области распустило Городскую думу Твери. Не столь часто такое происходит в России. Что это, на Ваш взгляд, — политический кризис или все-таки рост гражданского самосознания?

— И то, и то, я бы так ответил. Ни для кого не секрет, что есть люди, для которых политический капитал формируется из позиции "чем хуже — тем лучше". Но надо признать, что время это уходит. И люди действительно начинают это понимать, более отчетливо видеть, и надо успевать оперативно и профессионально на это реагировать. Знаете, такое "лучше ужасный конец, чем ужас без конца". Так вот, первый этап — роспуск Думы и внеочередные выборы, накануне мы стоим, — я думаю, даст возможность нам этих людей, которые всегда получали капитал из наших проблем, все-таки отодвинуть в анналы истории. Эту задачу, я уверен, мы вместе с людьми, с избирателями, с жителями города Твери решим. Это и гражданская позиция людей, и беспомощность тех, кто паразитировал на проблемах города Твери и Тверской области.



Самарская область: Беспокойное хозяйство губернатора Меркушкина

Говоря по правде, Самарская область в нашей немногочисленной редакции когда-то попала в категорию нелюбимых (единственное): бывать там пришлось неоднократно; один раз (это были лихие девяностые, мы развлекались как могли) нам нахамили в пресс-службе губернатора, что мол приезжаете тут из своей заштатной Москвы, а это ведь — Самара!; один раз мы едва не застряли в этом беспокойном городе на двое суток из-за разницы времени на час с Москвой и продукции Жигулёвского завода; один раз в студёном феврале нас в промзоне едва не заели местные псы, особо злые в связи с региональной безысходностью; один раз почти вытолкали с завода, ради которого пришлось тащиться на скушнейшем поезде из Петербурга... да и вообще люди показались не весьма тёплыми и гостеприимными — то ли дело Саратов, или Ярославль, или даже Казань... Но губернатор Самарской области Николай Меркушкин по итогам этого разговора производит впечатление очень даже хорошее. Принял пост пять месяцев назад, на встрече с журналистами он рассказал о том, что удалось и что предстоит сделать для развития одного из важнейших регионов России.

— Скоро будет 5 месяцев работы на посту губернатора; работа складывалась по-разному. На первом этапе стояла задача как можно быстрее объехать практически все районы и города, как можно больше предприятий, чтобы было представление о Самарской области — потенциале, людях. Но жизнь вносила коррективы, надо было решать в региональных органах власти ряд вопросов, потому что, не решая их летом, в сентябре мы могли бы упустить важные моменты, которые играют значительную роль в будущем Самарской области. Надо было принимать в регионе людей высокого уровня, которые принимают решения в своих отраслях. Надо было встречаться с руководителями крупных компаний в Москве. И плюс ещё одна особенность, которая скорректировала первоначальные планы — в Самарской области проводится много разных мероприятий. Я не ожидал, что их так много. Там, где я работал, их было значительно меньше. Я почувствовал в губернии значительную политизированность; многие мероприятия во многом связаны и с этим, но не участвовать в них был бы минус для губернатора. Много времени ушло и уходит. Но в итоге и в Тольятти удалось побывать несколько раз, в Сызрани три раза, в Новокуйбышевске дважды, в ряде районов сельских... Хочу сказать, что общее представление, конечно, есть, но все в деталях знать пока не могу. Поэтому оценок пока не делаю.

— **Высокая политизированность Самарской области — хорошо или плохо?**

— На мой взгляд, это минус. Почему мы проигрываем регионам-соседям? Одна из причин — высокая политизированность. Вчера я на совете директоров сказал, что для отдельных людей высокая политизированность — это мутная водичка, а в ней легко поймать ту рыбку, которая тебе нужна. Поэтому я за то, чтобы всё было понятно, честно, без



лишней политики. Прямой вопрос, прямой ответ. Рядовой человек часто оторван от происходящих событий, чем занимается элита, не знает. То, что пишут в газетах и с экранов ТВ говорят, достаточно далеко от человека. Очень сильный отрыв. Нет вертикали, пронизывающей информационное поле. Почему тиражи низкие? Потому что население не верит власти или мало ей верит. Поэтому и не выписывает газет, не покупает. Рядовой человек должен понимать, что происходит. Я был на встрече с обманутыми дольщиками, когда дом для них вводили. Не хотел, правда, но активно меня уговаривали — пошёл. Там разговор был с людьми. Если бы это было в Мордовии вот так с людьми, что их держат по 4-8 лет, не дают разрешения на стройку, не делают то или это, меня бы эти люди рас-

терзали. А тут они говорят спокойно. Они настолько привыкли, понимают уже, что жизнь так сложилась и другой жизни не будет. Это плохо очень.

— **Самара приняла право принять ЧМ-2018 по футболу. За счёт чего нам удалось остаться в числе городов с таким правом? Подготовиться успеет? Что будет сделано?**

— За последние три недели дважды ездил в Москву, чтобы предметнее заниматься ЧМ-2018, потому что конкуренция, особенно в последние две недели, была очень высокая. Разные варианты были. Понятно, что ездил, откровенно говоря, не только по поводу Самары, но и по поводу Саранска тоже. Ситуация была, в общем, непростая. Для Самары она была проще, но до последних дней могло все случиться, и любое решение могло быть принято. К примеру, в Краснодаре, который уже строит стадион, Владимир Путин был год назад и говорил о том, что это пример, как строить стадионы. Там инвестор более 70% затрат взял на себя. И этот стадион должен был принимать игры ЧМ-2018. Но хотя стадион уже строится, Краснодар не стало списке. Были некоторые вопросы и по Самаре, она могла «вылететь». Ну, а по Саранску была активная работа против определенного круга людей. Пришлось этим серьёзно заниматься. За счёт чего Самаре удалось выиграть? Принципиальное решение об этом было принято в мае, когда решался мой переход сюда. Это на 99% решило, что в Самаре будет ЧМ. Но в апреле Самара стояла под номером 1 на вылет. Когда в то время я оказался в приёмной Владимира Путина с министром спорта Мутко, то думал, что приглашён в связи с формированием федерального правительства. Недели за две до этого на одном из уровней власти со мной велись переговоры о переводе в Москву. И я решил, что это продолжение переговоров. Готовился аргументированно отказаться.

У Путина были иностранные делегации, задержалась встреча. И Мутко мне говорит, что будет предлагать вычеркнуть Самару из числа городов-претендентов на проведение игр ЧМ-2018. Он ярких красках описал, почему. И сказал, что это решение должно быть согласовано с Путиным. А потом он через 5-7 минут вышел из кабинета Путина, я зашёл. После встречи с Президентом я сказал Мутко, что мне предложена работа губернатора Самарской области. Я подчеркнул, что пока не дал согласия, но посоветовал министру спорта не торопиться по поводу исключения Самары. Вот такая история. Были вопросы по Самаре, но в итоге мы хорошо приняли комиссию ФИФА, повлияла презентация. Естественно, и масштабы города тоже.

Что касается дальнейшей подготовки к ЧМ-2018, вопросов будет много. Здесь предстоит по всему фронту работать. Начиная с людей, которые болеют на стадионе, с их менталитета. И заканчивая теми же окурками, которые в городе лежат. Не надо забывать, что право за ФИФА снимать любой город. Решение принимает ФИФА. Если пойдут негативные сигналы о поведении фанатов, их очень серьёзно будут воспринимать ФИФА. Вот в этом отношении Самаре предстоит большая работа. И говорить о том, что у нас есть сформировавшийся опыт для решения этих проблем, я бы не стал. А задач стоит перед Самарой намного больше в рамках подготовке к ЧМ-2018, чем у того же Саранска, не говоря уже о Казани. Там много сделано.

— **Принято ли окончательное решение о строительстве стадиона на стрелке рек Волги и Самары? Расскажите о перспективе строительства метро и транспортной логистической структуры Самары.**

— Что касается места проведения ЧМ-2018: вопрос непростой. Мы ФИФА презентовали летом стрелку. Если замена будет делаться, то согласовывать надо будет ее не только с оргкомитетом федеральным российским, но и с ФИФА. Поэтому мы подробно изучаем стрелку. Лично у меня возникают некоторые сомнения, насколько это место будет удобно в будущем после ЧМ-2018 для болельщиков «Крыльев Советов». Решить этот вопрос не просто. Поэтому в ближайшие 2 недели мы его ещё раз изучим. Мы будем знать примерно, какие федеральные деньги будут выделены Самаре, насколько мы будем осиливать собственную составляющую по финансированию. Исходя из этого будет приниматься решение. Но то, что может остаться стрелка, вероятность достаточно высокая.

— **В случае строительства на стрелке, есть ли понимание того, как будет про-**

исходить реконструкция исторической части города? Там много памятников.

— Говорить о том, что всё проработано в деталях, нельзя, но я думаю, что если стрелка останется, то исторические памятники сохранятся. Планируем старую часть Самары привести в порядок, чтобы сделать ее такой зоной, куда приходят туристы, и не только туристы, но и люди, живущие в Самаре и области. Должно быть все сделано красиво, исторические особенности сохраним. А что касается каких-то сносов, они могут быть только под дороги — для того, чтобы можно было доступность обеспечить. Я еще раз в воскресенье сам походил, поездил там. В принципе, сносить исторические памятники для того, чтобы там расширить в некоторых местах дороги, необходимости нет.

— **Снизится ли финансирование «Лады-Арены» в связи с ЧМ?**

— «Ладу-Арену» мы хотим к марту сдать. И уже ни с кем и ни с чем это не связано. Смета на миллиард рублей сокращается как раз на «Ладе-Арена». Будет полное финансирование объекта из бюджета, банки не будем привлекать. В результате по сумме на миллиард дешевле выйдет. На сессии последней СГД добавили 700 млн рублей на объект. Будет еще в бюджете будущего года сумма, чтобы в марте «Лада-Арену» завершить. И она никак не связана с ЧМ-2018. Одно хочу сказать: Тольятти — город особый. Интеллигенция здесь и всё остальное. Но в вопросе создания «Лада-Арены» Тольятти оказался очень и очень не на уровне. И хотелось бы, чтобы тольяттинцы это поняли и пошёл нормальный диалог. И слушали и слышали. Потому что строится «вчерашний день». И мне страшно обидно, что придётся через некоторое время возвращаться в Тольятти снова к этой проблеме. Строится в Саранске универсальный зал. Там могут и в хоккей сыграть. На 8,5 тыс. мест. А для Тольятти надо было делать минимум на 9000 посадочных мест. 6000, как в «Лада-Арена», для Тольятти мало. В Челябинске есть зал на 9,5 тыс. мест, а там хотят построить 20-тысячник. Потому что ажиотаж. Людям не хватает мест. Недовольство людей. В Тольятти если будет нормальная команда — будет то же самое. Там надо было минимум тысячи три иметь дополнительно. Но пока на ближайшие 7-8 лет «Лада-Арена» будет большим плюсом по сравнению с тем, что в Тольятти было до этого.

— **Будет ли построен мост через Волгу, соединяющий Климовку и Тольятти?**

— Что касается моста — это в перспективных планах. Будем пытаться их активно защищать. Без этого моста, без обхода с севера Тольятти и выхода на М-5, развивать Тольят-

Что касается места проведения ЧМ-2018: вопрос непростой. Мы ФИФА презентовали летом стрелку. Если замена будет делаться, то согласовывать надо будет ее не только с оргкомитетом федеральным российским, но и с ФИФА. Поэтому мы подробно изучаем стрелку. Лично у меня возникают некоторые сомнения, насколько это место будет удобно в будущем после ЧМ-2018 для болельщиков «Крыльев Советов». Решить этот вопрос не просто. Поэтому в ближайшие 2 недели мы его ещё раз изучим. Мы будем знать примерно, какие федеральные деньги будут выделены Самаре, насколько мы будем осиливать собственную составляющую по финансированию. Исходя из этого будет приниматься решение. Но то, что может остаться стрелка, вероятность достаточно высокая.

ти будет очень сложно. Думаю, нас поймёт федеральный центр. На уровне министра транспорта мы понимание находим. Но это большие деньги — мост через Волгу. И сроки его создания назвать не могу.

— *Ещё одной новостью был перевод области из региона-донора в регионы-реципиенты. Что ожидать?*

— Здесь трагедии нет; каждый год 1-2 региона то становятся реципиентами, то уходят из этой категории. Но есть одно «но». 5-10 лет назад самарские доходы на душу населения превышали на 27% средне-российские, и мы могли тратить деньги на людей на 27% больше, чем в среднем по стране. А сейчас мы выровнялись со среднероссийскими показателями. Это не очень хорошо, с одной стороны. С другой стороны, очень много фундаментальных вещей в Самарской области не сделано. Это, в первую очередь, дороги в плохом состоянии. Это благоустройство. Это те же исторические памятники, которые если приводить в порядок, то реставрационные работы тоже стоят немалых денег. Это инфраструктурные вещи — то же ЖКХ. По отдельным критериям мы фигурируем на 75-77 месте в России по оценке состояния ЖКХ. Спортивная инфраструктура: тут мы вообще на 83 месте в РФ. Все это требует больших денег. Мы становимся менее конкурентоспособными. Мы решаем элементарные задачи, а наш сосед, имея те же деньги, будет решать уже задачи более высокого уровня. А получить 182 млн рублей трансферта как регион-реципиент и 911 млн рублей на повышение зарплат учителям — это неплохо. То есть в общей сложности из федерального бюджета мы получим заранее запланированные 1,18 млрд рублей. Если будем активно развиваться, снова будем донорами.

— *В Чапаевске планируется строительство завода по производству проводов с участием иностранных инвесторов. У инвесторов возникает вопрос, как будет работать ФЗ о монотерриториях на местах. На летнем совещании вставал вопрос о принятии подзаконных актов, чтобы закон заработал. На какой стадии этот вопрос?*

— Что касается Чапаевска, не только этот проект будет. Завтра ещё один инвестор приезжает ко мне для встречи. Ещё одна тема будет интересная и серьёзная для Чапаевска рассматриваться, крупный проект. Промышленность там будет развиваться, будут появляться новые высокооплачиваемые рабочие места. Что касается закона, мы вчера собирались в Союзе работодателей Самарской области, обсуждали тему развития промышленности. Сразу хочу сказать, мне очень по-



нравилось это совещание. Я бывал на разных мероприятиях, видел разный уровень понимания проблем. На мой взгляд, здесь люди высказывались квалифицированно, профессионально ставились вопросы и программы. Мы договорились в ближайшие месяц-два до окончательного принятия бюджета, мы определимся по формам, направлениям поддержки в развитии новых производств. В том числе обязательно будут учтены и моногорода. Мы попытаемся диверсифицировать экономику Чапаевска двумя-тремя новыми предприятиями разных отраслей. Это мы обязательно будем делать.

— *Федеральная трасса М-5 в не лучшем состоянии. Наиболее аварийный участок дороги в Сергиевском р-не: 95 ДТП за полгода. Планируется ли реконструкция дороги?*

— Конечно, о том состоянии, в каком находится М-5 в губернии, мне и говорить не хочется. По Самарской области дорога плохая и узкая. Нет нигде четырёхполоски, кроме участка между Самарой и Тольятти. Но в этом году сделано немало. На федеральном уровне обсуждается тема коренного улучшения дорог Поволжья в рамках подготовки к ЧМ-2018. Будет обновляться трасса на Оренбург, и Саратовское направление, и Ульяновское направление, и Уфимское направление и т.д. Дороги будут расширяться, будем делать так, чтобы по ним можно было нормально ездить. Но хочу сказать: хорошо отремонтированные дороги не всегда сокращают число ДТП. К сожалению, с учётом культуры наших водителей происходит иное. Когда мы лет 10 назад в Саранске построили дороги, по которым стало можно ездить

140-160 км/ч, то в 2,5 раза увеличилось число ДТП. Сейчас, правда, эта цифра меньше.

— *В предвыборную кампанию многие кандидаты поднимают вопрос агломерации Самары и Тольятти. Возможно ли это?*

— Агломерация формируется естественно. Вчера я в Сызрань летал на вертолёте. Пролетели до Курумоча. Повсеместно видны стройки, базы, процесс идёт. С учётом подготовки к ЧМ-2018 будут коммуникации и дороги, которые позволят быстрее добираться от Самары до Тольятти и наоборот. Будет скоростная железнодорожная трасса, она в 2 раза ускорит время доступности между двумя городами. Плюс эта дорога будет связана с одной из станций метро в Самаре, чтобы людям можно было с разных точек садиться в электричку и добираться до Тольятти. Она будет связана с Автовокзалом и стрелкой. Это будет активно объединять Самару и Тольятти. И человек сможет активно перемещаться, работать там, жить здесь. С северной части Самары добраться до Тольятти можно будет за 30-35 минут. Уже состоялся научно-технический совет РЖД в Самаре. 2-3 недели назад это было. Решение о создании дороги принято. Планы одобрены и будут активно реализовываться.

— *С начала 2000 годов обсуждается вопрос создания нефтехимических кластеров. Как вы к этому относитесь, например, на базе Новокуйбышевска?*

— Что касается кластера, я недавно проводил совещание по другому поводу. Я сказал, что мы должны для себя понять: мы в области потеряли ряд ключевых позиций. Надо

здать вопрос, почему. Проанализировать, почему мы теряем доходы. Почему у нас нет нефтехимического кластера в области, отлаженной инфраструктуры, которая другое качество жизни даёт людям. Почему на 9 месте в ПФО по демографии — это яркий показатель самочувствия людей, уверенности в завтрашнем дне, насколько человек активно планирует своё будущее. Это во многом связано и с тем, что люди детородного возраста уезжают и создают высокую рождаемость в другом месте. Много вещей говорит о том, что мы ряд серьёзных позиций потеряли. И более того, этот тренд сложившийся, он не изменен. В том числе и по нефтехимии. В советское время планировалось, что Самарская область — Новокуйбышевск — должен стать главным центром нефтехимии страны. 2 недели назад было совещание в Минэнерго РФ по моей инициативе. Минэнерго собрал все заинтересованные стороны, там были люди из Минфина и Минэкономразвития, были представители Роснефти. Один представитель Роснефти, ему 63 года, сказал, что поддерживает работы по созданию кластера нефтехимического в Новокуйбышевске: «Наконец-то! Эта стройка должна была стать основой новой нефтехимии в СССР и РФ». Но она плавно за эти годы перешла в Татарстан. В Нефтекамске на новом заводе сегодня 350 млрд рублей годовой объём производства. Это половина промышленного потенциала Самарской области. Планируют через 2 года выйти на 500-550 млрд рублей. Вот что будет в Нефтекамске. А должно было быть у нас.

Есть федеральная программа по развитию нефтехимии, которая принималась 2-3 года назад. Там вообще нет даже строчки про Самарскую область. Теперь решено внести ее. А получить дополнительно лимиты на нефтехимию — вопрос непростой. Но первые шаги сделаны. И успешно. Но в каких объёмах и что будет сделано — говорить рано. И будет ли выделено 80 млрд рублей или 240 млрд (что почти в полтора раза увеличит объёмы промпроизводства Самарской области) — пока сложно. 80 — точно добьемся, а может быть, и максимума добьемся — 240.

— *Нефтехимические предприятия «Санрос» активно запускаются, за последние 2 месяца в окрестностях резко возросла заболеваемость детей, что связано в том числе с выбросами. В программах по созданию кластеров экология упоминается вскользь. Местные органы власти к предприятиям — загрязнителям не могут предъявлять санкции. Это передано федеральным органам власти.*

— Поставить вопрос о передаче полномочий на местный уровень — я только за. Я

в принципе за то, чтобы как можно больше полномочий из центра передавалось на места. Для себя я давно сделал вывод, что основные полномочия, чем на более низкий уровень власти опущены, тем лучше для государства и людей.

А по экологии, как я представляю, не может стоять остро вопрос. Современнейшие технологии будут применяться, которые из нефти все до последнего перерабатывают. Ничего не выбрасывают, никаких отходов. Это современные технологии, отработанные в в западных странах. А мы все знаем, какое отношение в западных странах к экологии, какие требования к экологическим параметрам любого проекта. И мы будем исходить из этого.

Но предприятия утратили технических специалистов. И Учебных заведений не осталось. Вчера на Совете работодателей губернии обсуждалась важнейшая проблема квалифицированных кадров. Эту задачу надо решать. К примеру, «Электроштит» представил свой опыт подбора и подготовки кадров. Там учебная кафедра на базе завода. Станки и оборудование передаётся в колледжи, они практикуются, практикантам платят, есть люди, которые работают с начинающими. Система отлаженная, очень хорошо продуманная.

А другие, кто выступал, говорили, что людей нет, нет квалифицированного рабочего и средне-технического специалиста. Что касается работников с высшим образованием, там тоже надо только целевым образом готовить, а не как мы готовим. В Тольятти, когда был совет директоров ВАЗа, тоже был один из главных вопросов — подготовка кадров. И могу ошибиться, но глава предприятия Игорь Комаров сказал, что около 2,5 тыс. человек за 5 лет обучались за рубежом. Огромные деньги на это потрачены. Приглашать преподавателя оттуда — это платить 10-12 тыс. долларов в месяц минимум. Это командировочные и зарплата высокая у хороших специалистов. Это проблема.

— *Вы были в нескольких вузах. На что надо обратить внимание и что хорошего было?*

— Что касается студентов, они всегда очень хорошие. Молодые люди, активные. Что касается вузов самарских — их много. Они тоже с традициями хорошими. Но и здесь нужно побеждать в конкурентной борьбе. Она очень активно идёт по отбору людей, молодёжи в вузы. Одарённая и подготовленная молодёжь благодаря системе ЕГЭ сейчас может куда угодно поступить. В Самарской области средние баллы по ЕГЭ высокие, и это хорошо. Но хочу сказать, что в Мордовии велась активная борьба по снижению

А по экологии, как я представляю, не может стоять остро вопрос. Современнейшие технологии будут применяться, которые из нефти все до последнего перерабатывают. Ничего не выбрасывают, никаких отходов. Это современные технологии, отработанные в в западных странах. А мы все знаем, какое отношение в западных странах к экологии, какие требования к экологическим параметрам любого проекта. И мы будем исходить из этого.

баллов ЕГЭ. Для чего? Подняли балл ЕГЭ — мы даём возможность людям с высоким баллом разъехаться по стране. Опустили балл по ЕГЭ — мы даём возможность принять людей извне с более высокими баллами.

И вот результат. Соотношение обучающихся студентов из Мордовии в самарских вузах было 1:30. То есть в 30 раз больше выпускников школ из Мордовии обучалось в самарских вузах. Сегодня соотношение обратное — 5:1. Впятеро больше выпускников самарских школ обучаются в Мордовии. Не только за счёт того, о чём я говорил. Это важно: конкуренция между регионами за молодёжь и умы. Мне 2 недели назад передали, что Татарстан создал Центр одарённых детей. В Мордовии это сделано 3 года назад. И с 8-9 класса начинают собираться одарённые дети со всего Поволжья. И они потом идут в вузы там же, потому что с ними работают те же преподаватели. Эти вещи делаются для того, чтобы в этой конкуренции ты сегодня хоть на шаг, но опередил соседа. Если ты не будешь этим заниматься и этого делать, то ты шаг за шагом будешь терять позиции. Ты будешь превращаться в рядового, а потом окажешься в хвосте. А рынок таков, что хвост потом «отрубается».



очень много машин не только в городах, но и в селах. Будет дорога, будет 1,5-2-метровый тротуар, где гуляют сельчане, детишки катаются на велосипедах и т.д. И это надо будет делать. Правда, дороги — это очень дорогостоящая вещь. И то, что мало сделано дорог в предыдущие годы, это большой наш минус, потому что сейчас в том числе и к ЧМ-2018 надо будет много инвестировать. Село в Самарской области подзапущено, мягко говоря, а для исправления ситуации нужны большие деньги государственные. А кроме того, не только для развития села, но и для того, чтобы функционировало сельское хозяйство, нужны дотации. Потому что сельское хозяйство во всем мире дотируется. Нужны огромные деньги бюджета. И мы будем сельское хозяйство развивать, потому что бросать его нельзя.

— **Как вы оцениваете результаты борьбы с моноэкономикой Тольятти? Сейчас вырабатываются критерии эффективности деятельности органов МСУ. По каким правилам теперь уровень региона будет общаться с МСУ?**

— Общаться будем нормально. Общение будет в разных формах. И совещания будут, и советы разного рода, и советы по МСУ. А вот что касается взаимоотношений, в том числе финансовых, они изменятся. Я уже сказал главам администраций и районов, что поддерживаться будут только реальные проекты. Если они будут стоить в 1,5-2 раза дороже реальных цен, мы поддерживать деньгами такое не будем. Все объекты, которые запросили дополнительные деньги, были сняты. Сейчас разбираются с ними. Для чего 50 человек в финмониторинге в правительстве, если они не знают, реально эти затраты нужны или нет? Дана была им неделя, они ездили по всем этим стройкам со специалистами, разбирались. Вот эти стопы бумаг. Цель — построить объект, а не заработать на этом объекте. А я вижу почти на каждом шагу цель не построить объект, а «погреться», попилить, вытащить деньги. А дальше — хоть трава не расти. В первой же поездке в Кинель-Черкасский район, в Тольятти сразу же столкнулся с этими вопросами. В Кинель-Черкасском районе смотрели отремонтированную школу. Вот там «погрелись». 156 млн рублей за ремонт школы строительная компания получила и пропала. А сделала там настолько примитивно и плохо, что эти работы можно было сделать за 30-40 млн. Максимум. И теперь там новый подрядчик. Новые деньги. И я им сказал, если будете приходиться с такими объектами, будете поставлены в последнюю очередь. И очередь эта может быть через 4-5 лет. Так же будет в Самаре. Так же будет с дорогами. То же самое с землями сельскохозяйственного назначения. Дано поручение, все находится на контроле. Только через губернатора, с визой губернатора. А решение будет приниматься правительством. Как это и предусмотрено ФЗ. А не так: налево, направо передаются земли сельскохозяйственного назначения, и напрямую спекулируют ими.

Это что касается текущих расходов, трансфертов, помощи, это тоже будет зависеть от того, как муниципалитеты будут активно решать круг вопросов, которые нужно в первую очередь решать. Будут определяться показатели. А потом будет определяться по показателям деньги, которые будут получать тот или иной муниципалитет. Показатели будут не единые для всех. Я им сказал, вы их определить можете сами. Как вы считаете, наиболее острые, наиболее важные вопросы для того или иного муниципалитета нужно решать. Вы определите для себя программу. Мы посмотрим тоже ее. Мы можем полностью согласиться, можем что-то добавить. То есть сформировалось 10-17 показателей, и как они будут двигаться, так и будут примерно пропорционально получать трансферты муниципалитеты. Один из обязательных и важных показателей будет, как муниципалитет собирает собственные доходы. И, условно, если там подпольный цех по производству водки и продается безакцизный алкоголь, если там по черной или серой схеме делается еще что-то — не получают денег. Муниципалитет сразу очень серьезно будет

недополучать дополнительных трансфертов. Если руководство муниципалитета не будет справляться и получать денег на развитие, люди будут решать, как быть с этим руководством. Соберутся и определятся, будет ли это руководство дальше работать.

— **У нас были Rogozin, ждем Матвиенко, но вот Путин в Самаре ни разу не был. В Новокуйбышевске был, в Тольятти. Ждать ли его?**

— Что касается визитов первых лиц. Министр транспорта Соколов у нас дважды был. Вице-премьер Rogozin по моей инициативе приезжал, я встречался с Rogozinym в Москве, он тогда обещал, что в течение месяца приедет, так и сделал. Для нас визиты первых лиц — исключительно важная тема. Я говорил уже по поводу нефтехимии. Для нас исключительно важно не потерять позиции в авиакосмической отрасли. И встреча с Rogozinym — она была связана с этим, и приезд его был связан с этим, чтобы на месте все посмотреть. Люди озвучили те проблемы, вопросы, наработки, и он потом по телеканалу «Россия-24» выступал. Если кто-то видел это его выступление, знает, он высоко достаточно оценил, что лично увидел в Самаре. Сколько ракет, как они строятся, как они делаются. И потом на совещании у Владимира Путина он тоже поддержал Самару. Для нас очень важно сохранить регион как один из центров ракетостроения, производства космической техники. Потому что с этим связан Самарский аэрокосмический университет, там, на «ЦСКБ Прогресс» работает огромная масса людей. Rogozin был и на «Авиакоре». По большому счету, то, что там предпринимается в последнее время, ему тоже понравилось. Но это не говорит о том, что на «Авиакоре» все сходу можно сделать. Там много очень проблем, но сами планы, которые озвучили мы, могут осуществиться в дальнейшем.

Если будет создаваться единый федеральный ракетно-космический центр, а такая идея активно муссируется в Москве, он может быть создан в центре имени Хруничева. Там разрабатывается основная ракета будущего для пилотируемых кораблей. Это «Ангара». И здесь была одна острая дискуссия. Директора наших заводов никак не хотели эту проблему поднимать по поводу темы «Русь М». Ракета «Русь М». Есть такая разработка самарская, которая оказалась «Ангарой» потеснена. Но есть информация, которая говорит о том, что «Русь М» не хуже, чем «Ангара». А даже лучше. Потому что второй этап, вторая ступень на водороде. Это новое в космическом строительстве. И эту тему запрещали поднимать вообще. Но я ее поставил, хотя отдельным товарищам, московским, очень сильно не понравилось это. Но в итоге и Rogozin стал

досконально в этом разбираться, и с военно-промышленной комиссии люди, которые были, стали разбираться: что за «Русь М», что за история? И договорились, что это будет еще раз рассмотрено на федеральном уровне, и не исключается, что Самара будет продолжать разрабатывать эту ракету.

Я хочу сказать, что это огромные деньги, это программа на 12-15 лет, примерно 250 млрд рублей. Это не только разработка, это под новые запуски, новый этап освоения космоса. Это новые пилотируемые станции, и там совсем другие грузы поднимаются, и дальность полета и т.д. Это новые космодромы нужны. И понятно, что достаточно большие суммы нашим разработчикам, производителям выделяться будут. Или это полностью уйдет в центр им. Хруничева. И Москва будет полностью это проект до конца реализовывать. А предварительно решение принято в пользу центра им. Хруничева под «Ангару». Сейчас работы по «Русь М» возобновляются. Это уже плюс очень большой для Самары, для конструкторов, для ученых.

Текущая кадров молодых людей почти 40% в центре им. Хруничева, они уходят. В Самарской области в «ЦСКБ Прогресс» — 4,2%. В десять раз меньше. То есть у нас существует возможность привлечь людей, чтобы они занимались этим делом и посвятили жизнь этому, а в Москве там выбор намного шире, поэтому такой возможности нет. Зачем там, в Филях, почти в центре Москвы, развивать эту тему, когда столько соблазна для любого молодого человека. Какой смысл закладывать на 15 лет вперед, в том числе производство ракетноносителей туда, в Москву? Может быть, нам удастся потихонечку убедить, что «центр тяжести» должен переходить в Самару. Но, по крайней мере, не упустить то, что мы уже сегодня имеем, это точно. Очень важно, что Rogozin на «Кузнецове» побывал. Там сейчас тоже процесс позитивный пошел по двигателестроению.

— **Ранее вы сообщали об определенных договоренностях с холдингом «РусАгро» по реализации инвестиционного проекта в Самарской области. Хотелось бы знать, получили ли эти договоренности какое-то развитие, на какой стадии находятся переговоры.**

— По проекту «РусАгро» переговоры ведутся. Ведутся активно. Проект очень большой. Там должна быть существенная доля бюджетных денег. Сегодня будет очередная встреча по этому поводу с министром сельского хозяйства региона Альтерготом. Мне сказали, что «Волжская коммуна» опубликовала в сегодняшнем номере интервью заместителя Мошкова, который здесь работает

Я когда летел на вертолёте и мы проезжали дачные массивы, посмотрел, что примерно каждый пятый или седьмой домик остался, остальные заброшены. Я себе вопрос задал, что делать с этим? Если дачный массив живой — надо помогать дорогами, водой, электричеством. И проезд должен быть льготный. Я пока по области не могу сказать, насколько актуальна проблема. Изучим, посмотрим. Будем помогать.

сейчас. В «РусАгро» готовят этот проект. Я в предпоследнюю поездку в Москву встречался с Мошковым еще раз. Договорились по дальнейшим шагам. Они хотят все делать очень быстро. И я думаю, мы будем делать все, чтобы этот темп, который они хотят иметь, обеспечить. Объемы очень большие. Они намереваются вложить порядка миллиарда долларов в регион, это около 30 млрд рублей. Сейчас вопрос встал, какие бюджетные деньги в поддержку будут выделяться. А там по положению мы должны делать всю инфраструктуру. Подвести газ, дороги и так далее. Плюс процентные ставки кредитные и так далее. И выливается это со стороны бюджета в большую сумму. Вот где-то до пятницы мы определим примерно, какая у нас будет сумма. Будет названа им. Исходя из этого они определяют этапы и сроки реализации этого проекта.

— **Кроме футбола и нефтехимии, ждут ли Самарскую область еще крупные инвестиционные проекты в ближайшее время? Хотелось спросить об одном из проектов — особой экономической зоне Тольятти. Может быть, уже известно, когда сможет начать свою работу?**

— Проекты будут. Мы встречались с немецкой компанией Linde, лидерами в мире.

Какой конкурс сейчас в вузах? Не очень высокий. Самара приняла извне 1600 человек. Это меньше намного, чем принималось раньше. И эта цифра постоянно падает. Мордовия когда-то принимала 80 человек извне. Сейчас она приняла 1100. Она приблизилась к Самарской области. А вузов там меньше гораздо. Для Мордовии этот вопрос очень острый. Из Мордовии постоянно уезжали люди. По 10-15 тыс. в год уезжали. Принципиально было важно ситуацию перевернуть. Хотя она и на сегодня до конца не перевернута. Недавно рассматривали в Саратове этот вопрос на совете ПФО. Все выступающие говорили, что самый лучший вариант миграции для регионов — через учебные заведения.

— **В ряде областей поддерживают садоводов. Развивают дачные посёлки: дороги, вода, электричество. Надо ли помогать дачникам и как? И кто — область или сами себе?**

— Я когда летел на вертолёте и мы проезжали дачные массивы, посмотрел, что примерно каждый пятый или седьмой домик остался, остальные заброшены. Я себе вопрос задал, что делать с этим? Если дачный массив живой — надо помогать дорогами, водой, электричеством. И проезд должен быть льготный. Я пока по области не могу сказать, насколько актуальна проблема. Изучим, посмотрим. Будем стараться помогать.

— **Как будет решаться вопрос дорог с твёрдым покрытием в населённых пунктах. Школьный автобус доезжает до определённого места, а по селу дорог нет. Администрация муниципалитетов не может их построить. Бюджет поможет?**

Что касается дорог. Будем давать деньги на их строительство. Но говорить о том, что во всех селах построим дороги в один год, нельзя. Некоторые школьные маршруты будут делать пока не в асфальте. Но чтобы было твёрдое покрытие, проезд до конца. А по населённым пунктам будем делать в асфальте, с тротуарами, потому что сейчас

Они на базе «КуйбышевАзота» очень хороший проект будут реализовывать. И уже осенью, через месяц где-то, начнут первые работы. Большой достаточно проект с объемом 5-6 млрд рублей (объемом продаж). Я уже говорил по поводу Чапаевска, сегодня будут очередные переговоры проведены. Недавно совсем были у нас представители немецкой корпорации «Бош». Были они три дня, показывали мы им площадки. Министр экономики региона Кобенко ездил с ними повсюду, и они почти на 95% приняли решение, что будет их производство развернуто в Самаре. «Бош» — компания всем известная. И если они развернутся здесь, то это будет очень важное, очень большое предприятие. Потом так случилось, я на самолете летел, они возвращались в Москву, мы оказались в одном самолете. Сложилось понимание, что вероятность того, что совет директоров «Боша» в Германии окончательно примет это решение в нашу пользу, очень высока. Потому что они должны были поехать в другую область, но после Самары они туда не поехали.

Что касается особой экономической зоны «Тольятти». Там сегодня уже заявлено несколько десятков разных проектов. Но пока нельзя говорить о том, что на 100% они будут реализованы. Но там точно процесс идет, и по особой экономической зоне мы будем активно продолжать работу, чтобы все, что там запланировано, было создано. И более того, может быть, мы учтем сейчас опыт мировой. В Германии есть очень хороший опыт создания подобного рода зон. Рядом с ОЭЗ строим технопарк — «Жигулевская долина». Я собираюсь в ближайшее время поехать еще раз в Тольятти, и в особую экономическую зону, и в технопарк. В деталях там позаниматься, посмотреть, коррективы некие внести, чтобы там была более эффективная работа.

Будет завтра встреча и с «ТольяттиАзотом». Там будет обязательно расширение объемов производства и модернизация производства. На «Таркетте» (г. Отрадный) французы готовы поставить еще одну производственную линию. Очень мощную, более современную, чем это ранее было. И увеличить примерно на 40% объемы производства, довести его почти до миллиарда долларов. Проекты есть. Проектов достаточно много, но понятно, что надо дальше активно работать с ними. Кроме того, развивать, в том числе, надо и малый бизнес.

Сейчас в связи с тем, что ВАЗ переходит поэтапно под юрисдикцию «Рено-Ниссан», надо нашим комплектаторам очень хорошо понять, осмыслить и подготовиться к тому, чтобы мы сохранили свои позиции. Может получиться так, что производство все равно

К сожалению, есть у Самарской области потери. Много заводов оборонного комплекса, которые в плохом состоянии. В том же Чапаевске, да и в Самаре. Но если удастся то, что я говорил в связи с приездом Рогозина, то это может быть очень мощным проектом, крупным, высокотехнологичным. Куда потребуются кадры высококвалифицированные, и, естественно, высокооплачиваемые.

будет в Самарской области, но придут иностранцы. И будут создавать здесь предприятия по изделиям комплектующим. Вчера мы в Сызрани эту проблему рассматривали. У завода «Пластик» на этот счет есть проблемы. Но я думаю, удастся нам решить их, хоть там проблема достаточно глубоко зашла по комплектующим.

Возможностей для развития промышленности в Самарской области много. И не только в развитии нефтехимии. Нефтепереработка сейчас очень активно модернизируется. Вкладываются огромные деньги в нефтепереработку, огромные деньги. Естественно, в результате будет выходить иной продукт. Он будет значительно качественней, естественно, и дороже. То есть ВРП будет у области увеличиваться.

К сожалению, есть у Самарской области потери. Много заводов оборонного комплекса, которые в плохом состоянии. В том же Чапаевске, да и в Самаре. Но если удастся то, что я говорил в связи с приездом Рогозина, то это может быть очень мощным проектом, крупным, высокотехнологичным. Куда потребуются кадры высококвалифицированные, и, естественно, высокооплачиваемые.

— 17 компаний внесли предложения в Госдуму о приравнивании задолженности

по ЖКХ к нецелевому расходованию бюджета, уголовной статье. Как вы думаете, это решит проблему с долгами по ЖКХ? Это же миллиарды по стране, не только по Самаре, Тольятти, но и другим городам.

— Что касается ЖКХ. Хочу сказать, конечно, этот закон может добавить упорядоченности и повысит ответственность всех людей, которые в этой цепочке. В Самарской области очень много на этот счет проблем. В Мордовии по теме ЖКХ на местах уже начали дискуссию: что нужно делать и как нужно делать, и как лучше? У властей республики, которые на муниципальном уровне, есть понимание, что делать. И этот процесс идет. Сокращают затраты, улучшается качество жилищно-коммунального обслуживания. Естественно, долгов намного меньше. Никаких дотаций, вот такого рода, как в Самаре, там нет. Приехал я в губернию и миллиард семьсот тысяч рублей надо сейчас дополнительно выделять, закрыть какие-то дыры ЖКХ, ничего подобного последние 7-8 лет в Мордовии не было. При этом хочу сказать, в Самарской области население за услуги ЖКХ платит не хуже, а даже чуть лучше, чем в Мордовии. Процент неплательщиков в Самарской области меньше, чем в Мордовии. Но это там не мешает развивать ЖКХ. Поэтому здесь много очень будет зависеть от властей и от людей. Насколько люди будут понимать те процессы, которые должны произойти в ЖКХ. Потому что здесь без участия самих людей, только властью разрешить эту проблему почти невозможно. Но власть должна занять понятную позицию, и очень прозрачно, и очень четко вести всю работу. Я был удивлен, когда мне здесь сказали, что управляющие компании ЖКХ монополизированы. Это очень сложно понять. Это такая отрасль тяжелейшая, сложнейшая. Столько здесь всегда недовольства людей. И садиться на эту отрасль для того, чтобы зарабатывать и тому числу людям, которые имеют определенный статус, в том числе должность занимающим во власти... Ну это сверхнепорядочность. И мы от этого должны уйти. Потому что это касается каждого человека. И ты занимаешь должность и имеешь компанию, которая работает в этой области, и ты на этом зарабатываешь деньги... Так делать — это только надеяться на то, что пресса вся куплена и это никуда никогда не вылезет. Но это вылезет.

— Ветераны Больше-Черниговского района под впечатлением от встречи с вами. Не ожидали, что так откровенно, так доверительно можно разговаривать с губернатором. Они поделились с вами многим, но главный вопрос — строитель-

ство поликлиники в нашем районе. Есть ли хорошие вести для нас?

— Вот ведь как. Говорили мы, говорили... Я там задавал вопросы долго. Очень хорошая встреча на самом деле была. Задавал и вопрос, какова цена поликлиники. Мне назвали тогда цену. 180 миллионов. Я сказал — многовато. Получил теперь проектно-сметную документацию, уже на 200 миллионов. Я это письмо буквально на прошлой неделе направил на полнейшую экспертизу. И если, в том числе уважаемый глава района, а я так хорошо к нему отношусь, боевой, энергичный, пошел у кого-то на поводу, вопрос этот все равно будет к нему. Потому что я с ним в машине, когда уже ночью ехали оттуда, и когда он сказал мне, что дважды его заставляли сверху увеличивать цену и на поликлинику, и еще на один объект... Приглашают и говорят — увеличь цену. Я ему сказал — имей в виду, отвечать будешь ты. Повторяю, отвечать будет он. Если проведем экспертизу, и получится так, что эта поликлиника будет стоить, условно, 130 миллионов рублей, а не 200...

Почему в Самарской области мало сделано за такие большие деньги? Я уже говорил на ГТРК «Самара» в прямом эфире, строители есть, которые добровольно скинули цену, когда им сказали — мы вас будем проверять, почему такая цена. С одного объекта миллиард скинули. С другого объекта скинули 100 миллионов, там объект поменьше. Но 34% скинуто. Поэтому, если поликлиника стоит 130 млн, а спроектировали на 200 и определили заранее подрядчика, который там выиграл тендер, так не пойдет.

— Как вы относитесь к деятельности системной оппозиции в Самаре, которые сейчас довольно активны? И второй вопрос. Ваше отношение к выборам губернатора. Может, вы собираетесь переизбраться через 5 лет?

— Я могу в Мордовии переизбраться, если так сложится. Если желание возникнет. А может, уже и желания никакого не будет. Что касается оппозиции — нормально отношусь к конструктивной оппозиции. С рядом из них встречался. Встречался с лидером Компартии В.С. Романовым, долго с ним беседовал, на разные темы. С депутатом губернской думы Матвеевым встречался, даже не один раз. Там, где конструктивный разговор — я только за. И более того, я считаю, что он должен быть, в том числе чтобы получать дополнительную информацию от разных слоёв общественности. В Москве мне сделали упрек, что я со своими однопартийцами времени трачу меньше, чем с оппозиционерами, пожаловались на меня. Но, правда, в Москве там разобрались и сказали: зачем тратить время на «своих», он

от оппозиционеров получает информации больше и полезнее. Как в воду глядели люди, которые отвечают за внутреннюю политику. Поэтому я отношусь нормально к оппозиции. Но тут хочу сказать, есть отдельные вопросы, с которыми в оппозиции до конца не разобрались в деталях. И выставляют это как вопрос, однозначно решённый или решать его хотя бы с какими-то крайних позиций. Здесь надо в том числе оппозиции научиться слушать и воспринимать аргументы другой стороны.

Когда-то, выступая на правительстве, я привёл пример Китая. Предложил изучить Китай по экономическому блоку. Тут же 2-3 человека сказали мне: «Что вы, какой Китай!? Китай через 2-3 года лопнет! Его участь такая, как и в СССР. Чего там изучать». И через 10 лет, когда в Шанхае открывалась российская выставка (Медведев ее открывал) на ней подавались на весь мир достижения Китая, чего он добился. Все эти 3 человека оказались в делегации. И давали интервью. И все говорили, вот, что надо делать. А почему 10 лет назад они говорили совсем иное? Просто наивно не понимали многих вещей, которые происходят в экономике, да и в обычной жизни. Они на Западе получили образование, там, где совсем по-другому все общество уже настроено. И менталитет, и все остальное. Десятилетиями и столетиями все устроено. И перенести эту модель на российскую действительность нельзя. Когда появилась программа «500 дней», я работал первым секретарём райкома партии. И я ее прочитал. А до этого был в Китае, изучал метод арендного подряда. Китай начинал аренду внедрять. И вот эти «500 дней»... Я тогда собрал актив в районе и предложил посмотреть, почитать, там есть полезные вещи. А моя оценка — это программа для Советской армии. Что значит это? Это

означало: пошла команда Министра обороны, а вечером в отделении любом должны выполнить. И в армии это было возможно. Написали инструкцию. И через 2 недели эту инструкцию взвод, батальон должен разобрать и по этой инструкции делать то, и то. А вот здесь сидит главный бухгалтер муниципалитета. Ей надо минимум полгода для того, чтобы понять, осмыслить. Переделать ту отчетность, которая сложилась, и архив, который сложился. И архив, который там, и анализ, который делался. И пока их несколько раз не пригласят и не скажут «делай», не сделают. Сами инициативу проявлять не привыкли. Никогда этого не делали. И те, которые эту программу делали — «500 дней», они не представляли общество. Оппозиция тоже должна слушать других. И исходить из реалий сегодняшней жизни. Оппозиция должна быть конструктивной.

Ещё раз хочу сказать, что мы должны сформировать нормальное гражданское общество, когда большинство людей понимают, что как и для чего делается. Иначе любые могут быть результаты выборов. И Самарская область в этом отношении не исключение, где могут по разным политтехнологиям сделать так, что рядовой человек и не поймет, за кого и почему проголосовал. А потом будет поздно.

Я могу сказать, это не секрет, я активно работал против Ельцина. Я знал, к чему через 2-3 года эти лозунги и заявления приведут: цены утратятся, если их отпустить. Сегодня эти люди могут оправдываться, что они спасли страну, обеспечили страну продуктами питания, иначе была бы страшная беда. Это только на неграмотных людей работа. Продуктов питания производилось на 40% больше, чем сегодня. Качество, правда, было хуже. Зерна производилось 123 млн тонн в РФ. А сегодня



ня – 70 в РФ. Мяса КРС — втрое больше, чем сегодня. А что касается темы открыть Западу свой рынок и заполнить его западной продукцией... А в это время весь Запад борется, чтобы, наоборот, не пускать к себе никого. А тут открыли и пустили, и говорим, что сделали великое дело. А сейчас никак не можем сделать так, чтобы был собственный продукт. Эти последствия были понятны и в 90-91 году людям, которые бывали в западных странах и не просто как туристы, а изучали поглубже. А так сложилось, что я еще в то время побывал во многих странах. И мне понятно было, к чему это приведет. Сегодня, когда мы начинаем устои расшатывать, говоря, что придут новые люди и будет все сразу лучше... Эти люди, которые так говорят, они даже не знают, что надо делать, чтобы было не хуже, по крайней мере.

— **Предстоит сэкономить около 3 млрд. рублей. За счёт одних депутатов этого не сделать. Значит, за счёт чиновников? Сокращать? Заставить отработать? Как?**

— Вы правильно посчитали. По нормативам 3-4 млрд. рублей должно высвободиться, которые тратятся на эти цели. А это очень не мало. Это можно на свои деньги построить мост через Волгу. Это можно многие проблемы решить, если ежегодно 4 млрд. направлять на инвестиции. Это сразу на 30% увеличивает объем инвестиций ежегодных. Решить быстро вопрос сокращения расходов очень непросто. Состоялись выборы, в городах и районах определились люди, аппарат, структура. По-живому резать – это революция. А я всегда был против революций. Я сторонник эволюционного пути развития. Поэтому все будет делаться поэтапно. Хотелось бы быстро высвободить средства, и направить на ЖКХ, дороги, благоустройство, детские сады, но сразу это не удастся сделать.

Сейчас часть депутатов уже начали уходить с освобождённых должностей. Получается экономия на зарплате депутата, на машине и водителе. Но это только часть освобождаемых средств. Поэтому будет постепенно сокращаться и аппарат. То же самое мы будем делать и в исполнительной власти. Структуру и численность будем оптимизировать. В области очень сильно все заорганизовано. Исполнительная и представительная власть как будто в Москве, как особое государство. Это и областной парламент, который осуществляет контрольные функции, хоть мы и понимаем, что основные контрольные функции не парламент осуществляет. И есть финмониторинг, которого в Мордовии вообще нет. А объекты в республике вдвое дешевле строятся. И КСП под 90 человек. В Мордовии КСП — 6 человек.

На любой маленький документ надо получить 15-20 виз. Мне уже новые региональные министры говорят: «Мы не понимаем почему так. Это размывается ответственность?». Это не размывается ответственность, это видимость работы создаётся. Вроде, все при деле, получили документ, ходят, подписывают, читают. А на самом деле никакой полезной работы нет.

Мы будем максимально упрощать схему работы. В том числе взаимодействие исполнительной власти с законодательной. Здесь тоже все усложнено. Все слишком заблаговременно надо делать сейчас. Процедуры очень сложные. Вот сейчас Альтергот ко мне придёт и скажет, что мы потеряли опять федеральные деньги. Почему? Нам пришёл документ, что Фёдоров готов выделить Самаре дополнительные деньги, если мы подтвердим в бюджете финансирование. А мы не можем этого сделать. Почему? Потому что у нас процедура бюджетная сложная. И мы не можем эту процедуру поломать. В Мордовии это можно было бы сделать в течение 3 дней. А может и за 2. И деньги уже поступили в республику. А здесь все усложнено. Конечно, я не говорю, что упрощать надо так, чтобы контроль терялся. Но здесь усложнено не для того, чтобы контролировать, а наоборот, чтобы мутнее воду делать. Из-за этого сходу мы этих сумм не получим.

— **Сельское хозяйство вы уже изучили. Что мешает работать хорошо? Каковы перспективы?**

— Нельзя сказать, что я повсеместно изучил сельское хозяйство. Но я побывал в ряде районов. В нескольких случаях я был неприятно удивлён. Почему? Там колхозные принципы актуальны. Зарплата выдаётся натуроплатой. Как трудодни в колхозе, за которые выдавали зерно, мёд и т.д. И когда я в одном из районов побывал и узнал, что там средняя зарплата 7,1 тыс. рублей... И в холдинге – 11 тыс. рублей, а он занимает 70% территории. Я главе района говорю, что если в холдинге 11 тысяч, то у всех остальных — МРОТ. Он соглашается, что в основном – по «минималке» люди получают зарплату. И в основном натуроплатой. Меня это поразило. А земля – замечательная, тонешь в ней. Я в Мордовии никогда такой земли не видел. Чернозём мягкий, тучный, сочный. И такой уровень оплаты. Конечно, причина одна: люди брошены на произвол судьбы. 15-20 лет ими никто не занимался. А рассчитывать, что они сами будут конкурировать, как кто-то рассчитывал в начале 90-х, что фермер появится... Есть крупные торговые сети, сетевые магазины и в них фермеру никогда не попасть. Как людей бросили в Большо-

черниговском р-не, так они там на уровне 90-го года и остались, даже хуже. Мне было больно это видеть. Урожай — 8-11 центнеров с гектара. Такое было в Мордовии 25 лет назад. Тогда рекордный урожай был 17 центнеров с гектара. А в Самарской области рекорд был – 23. Мордовия в 2009 году получила 34 ц центнеров с гектара. Это в среднем по республике. Есть предприятия, которые получили 70-74 центнера. Сейчас свёклу убираем в Мордовии. Европейского уровня достигли — 600 центнеров с гектара. Это самая высокая урожайность по свёкле в стране.

В губернии предстоит большая работа. Но я вижу уже, что здесь появились люди, которые работают по-новому, современно. Роботы доят коров. Это высокий уровень понимания и технологии. Но это пока совсем малая часть. И для того, чтобы вовлечь более широкие слои в современные технологии, предстоит большая работа. В том числе надо технику иметь соответствующую.

Хочу привести пример. В Самарской области нет племобъединений. Вообще нет. Это тоже надо было додуматься: когда рыночную строили экономику, ликвидировали племобъединения. На Западе если ты получаешь потомство скота от непроверенных родителей – уголовная ответственность. Если нет племобъединений — это дедовский дореволюционный метод хозяйствования, когда ты можешь одним быком испортить все потомство на 30-40 лет. В Мордовии образованы племобъединения и внедряется искусственное осеменение. Есть тут люди, которые помнят, как 15 лет назад жесточайшим образом проверялось, чтобы население, держащее скот перешло на эту систему. Это было... Возили специалистов в Венгрию, где уже 40 лет есть уголовная ответственность за эти вещи. И в Самарской области сейчас надо все обустраивать.

Мы на «Евротехнике» были. Глава предприятия Орлова мне говорит: «Вот мы к этим селякам приделываем бункера для удобрения». Зачем, спрашиваю. Отвечает: «А у нас все просят, чтобы были бункера для удобрения». Я говорю: «Вы же знаете, что весь мир ушёл от этой технологии. В Советское время так было. А сегодня эти вещи отдельно делают. Удобрения — осенью, сеять – потом. Она говорит, что наши клиенты требуют. В Мордовии уже 8-10 лет от этого ушли. Такие устаревшие значительно снижают урожайность».

Поэтому в губернии предстоит большая работа. Вот глава «РусАгро» Мошкович знает что надо делать, и очень хорошо знает. Когда холдинг придет в губернию он быстро под современные стандарты будет организовывать

работу. Есть и местные грамотные специалисты АПК. Они побывали на Западе, знают как вести хозяйство. Но их мало. В Мордовии 90% земли у 20 холдингов. И там никакого колхоза даже близко нет. Там работа по другому принципу строится. В каком объёме мы будем работать с «РусАгро»? В том, насколько бюджетных денег хватит для софинансирования. 3-4 программы сотрудничества мы озвучим через 3-4 недели. Они активно будут развиваться и очень сильно поправят положение в сельском хозяйстве Самарской области. И рынок продовольствия с ними будет считаться, так как они интегрированы в сети. Крупный производитель будет связан и с фермерами. А сейчас в Самаре на пл. Кирова и пл. Куйбышева фермеры торгуют. И когда местные власти хотели запрещать эту торговлю, я был против. Это и самарцам выгодно и и сельхозтоваропроизводителям.

— **От подготовки к ЧМ другие виды спорта не пострадают? И что будет с благоустройством подъездов в рамках подготовки к ЧМ-2018? В этих подъездах иностранцам не будут мерещиться медведи с балалайками?**

— Дело не только в подъездах. Я уже говорил, важно какими будем мы сами: с каким уровнем культуры, насколько будем понимать, что такое ЧМ-2018, как будем знать языки. Не так давно Роберту Карлосу на стадионе в Самаре кинули банан. Но всем понятно, что обезьяна – не Карлос, а тот, кто кидал банан. У него мозгов как у обезьяны. Важно, чтобы мы такими не оказались. А подъезды – это понятно... И Кардиоцентр, о котором мы говорили, должен быть абсолютно европейским. Случись что с больничником, мы должны оказать ему квалифицированную помощь. Сфера услуг должна быть на уровне, чистота должна быть, пыли чтобы не было. А если амброзия будет дальше расти? Больничники решат Самару бойкотировать. От амброзии многие страдают. А мы – терпим. Но это нас характеризует плохо: как людей, живущих в грязи. Начинаем пиарить в газетах, как мы боремся с амброзией. А грамотные люди читают и понимают, что это только видимость, потому что осенью с амброзией не борются. Этот пиар работает на безграмотных людей. С амброзией надо бороться весной. Она осеменилась уже осенью, а семена не соберёшь. Очень многие вещи должны измениться. Потом они и на людей работать будут. Важно, чтобы люди этот поняли и подтягивались.

— **Область перенасыщена коммерческими точками вдоль трасс. Все они принадлежат не славянам, дачники их боятся — поскольку те чувствуют себя хозяевами на территории.**

Фрунзенский мост в связи с ЧМ обязательно будет. Другого варианта нет. Вот я в воскресенье ходил по стрелке рек Волга и Самара, а там охрана речпорта. Спрашивают у меня: «Когда будет мост?» Надо делать мост. Тогда не только будет создаваться агломерация Самары и Тольятти, о чем мы говорили, но агломерация будет двигаться и в сторону Новокуйбышевска.

— ЧМ-2018 позволит подтянуть общую ситуацию в губернии в целом, в том числе и на Безымянке. Я когда еду на футбол и смотрю на эти бараки и понимаю, что 20-40 лет ничья рука туда не дотрагивалась... Смотреть больно. И в старом городе такое есть. Такая заброшенность, как будто прошла война 20 лет назад и никто ничего после не делал. Но далеко не везде так в России. В большинстве городов – не так. Нужны серьёзные меры для того, чтобы облагородить Безымянку. Что касается киосков, их тоже переизбыток. К сожалению, Самара тоже в 90-х годах в этом вопросе живет. Как тогда получилось, так сейчас и осталось. Многие регионы перевели это на цивилизованные рельсы. Если рынки – то хорошие, современные, чистые с половой плиткой. И убирается территория, и площади огромные. Продавец арендует место, в хороших условиях работает... А в Самаре пока на каждом шагу киоски. Ими даже стадион «Буревестник» забит. И проблема эта пока не решается. Но к ЧМ этот вопрос надо решать. Это вопрос муниципалитетов. В Саранске этот вопрос решил мэр. Он в течение года-полутора эту проблему решил. Это было 8 лет назад. Было построено 2 рынка. Параллельно решались проблемы с киосками и строились рынки: вот вам места, торгуйте... В результате, сейчас там по-другому. И не только там, но и в

Пензе, Нижнем Новгороде. Во многих местах эти вещи решены. И власть должна этим заниматься. Одна из причин бездействия в том, что испорчены те, кто работает во власти. За все движения им нужны деньги. И зарабатывают они на этом. Вместо того, чтобы бороться с беспорядком и попытаться сделать для людей лучше, для них превыше другое – отдать место под киоск и получить за это 250 тыс. или 2,5 млн. В зависимости от места. Естественно, в чемодане. И даже по благоустройству та же проблема. Был арест в связи с этим, дело это продолжается. Это большая тема. Разве мы сможем благоустроить город, если те средства, которые направляются на благоустройство разносятся в чемоданах по разным кабинетам?

— **Люди просят вернуть наше самарское время. Это возможно?**

— О времени самарском – подумаем. Посмотрим, что будет с инициативой, которая муссируется в Госдуме. ЛДПР выходила с инициативой... Если изменения на этот счёт будут, то точно мы будем предпринимать шаги, чтобы было время удобное для большинства самарцев. Пока у меня нет полной уверенности в том, что для большинства самарцев — благо вернуться к прежнему времени. Мы мониторим вопрос активно. Лично для меня самарское время – лучше, но есть люди, которые за московское время выступают. Изучим вопрос.

— **Когда будет сделан Фрунзенский мост?**

— Фрунзенский мост в связи с ЧМ обязательно будет. Другого варианта нет. Вот я в воскресенье ходил по стрелке рек Волга и Самара, а там охрана речпорта. Спрашивают у меня: «Когда будет мост?» Надо делать мост. Тогда не только будет создаваться агломерация Самары и Тольятти, о чем мы говорили, но агломерация будет двигаться и в сторону Новокуйбышевска.

— **Как вы оцениваете работу Путина как президента и премьера? Чего вы ждёте как государственного человека и как избирателя?**

— Я отношусь к деятельности президента Путина положительно. Знаю ситуацию 98-99 годов, когда он пришёл во власть. Тогда многие считали, что стране приходит конец. Так управлялась страна. И тут к власти пришёл непубличный человек и многие просто не верили, что он что-то сделает. А те, кто был ближе к нему, быстро поняли, что это человек глубокий, не желающий громких заявлений, внимательно слушающий. Встретишься с ним, а он может 40-50 минут тебя слушать. Это очень было тогда важно. В итоге, страна сегодня крепко держится на ногах. Админи-

стративная структура крепкая. Многие проблемы нерешаемые решились. Я несколько раз Путину говорил, что с Кудриным нельзя соглашаться, но эта линия в правительстве была очень сильная, таковой и остается. Пока в правительстве действуют монетарные подходы. У меня другая точка зрения. Но Путин мне говорил: «Николай Иванович, вы считаете, что деньги надо не копить, а в дело пускать. Но 1/3 денег своруют». Я говорю: «Как это?» Но приехал в Самару и вспоминаю его слова. Понимаете? Как относиться к человеку – вопрос непростой. Но я вам расскажу, что видел сам. Я был свидетелем, как без камер и без фотографов в деревне 87-летнюю женщину, которая его осенила крестом, Путин обнял. И он ее обнял не для того, чтобы кто-то увидел... Это реальное отношение к человеку. Рядовому человеку. Это важное качество Путина. И в других ситуациях я видел такие его поступки и мнения.

Хочу сказать, что олигархи должны были смести Путина. В его послании 2002 года был компромисс определённый; он озвучил, что в 2003 году РФ будет переходить на парламентскую форму правления. А к этому времени олигархи уже «купили Думу» и не ее одну. В то время мне принёс один человек список «Выборы в Госсовет Мордовии». И спросил: «Вас устраивает тот список от КПРФ, который будет в госсобрании республики?» Я говорю: «Да вы что? Здесь нет ни Костерина ни Самаровой». Он спрашивает: «А они нужны?». Говорю: «Как это нужны не нужны, никогда конференция КПРФ не проголосует за такой список». «Нет, — говорит, — Проголосует. Это все в Москве решено. Все уже куплено и в парламенте страны и в Госсовете республики. Вот вам список кто будет из коммунистов. И решено за этот список голосовать». Я знаю эту историю. И мне говорили какой человек будет править страной. Это было в концертном зале «Россия», на 10-летию одной компании. В 2004-м году. И как должен был Путин к этому относиться? Потому что понятно было, да, президентом олигарху стать сложно, а вот парламент купить – и манипулировать в собственном интересе легко. Парламент выбирает председателя правительства. Уже было определено, кто будет этим председателем правительства. Это круче намного, чем сегодняшняя ситуация в Самаре.

И Путин должен такие вещи поддерживать? Понятно, что ему трудно лавировать между «западниками» и патриотами. Между теми, кто вел безответственную экономическую политику, о которой я говорил и теми, кто говорит ему другое. В первое время ему было особенно трудно. Но сегодня, как политик, это совсем другой человек. Он точно

за интересы страны, он точно за интересы людей. Он поднимает социальную сферу и за это его страшно критикуют, те, которые на площади выходят. Это не просто. То, что Президент — настоящий патриот – это дорогого стоит. И он — порядочный человек. Это важно.

Он Мордовии помогал. И когда он приехал посмотреть как средства использовались, то заявил на всю страну, что здесь каждый рубль используется очень эффективно. Например, театр оперы и балета в Мордовии, я пообещал построить за 1,3-1,5 млрд. рублей. А Путин сказал, что если за 1,5 млрд, то федеральный бюджет оплатит не 50% стройки, а всю сумму. И мы построили театр за 1,23 млрд. Я исхожу из прагматичных, конкретных вещей. А что если все будет продолжаться в Самаре как раньше? Круговая порука, пресса, которая работает в интересах определённых людей...

— *Предыдущего губернатора тоже значил Путин. Он ошибся?*

— Если он его отозвал и направил другого, значит, он считает, что так нужно. Путин лично его не знал. А теперь направил человека, которого лично хорошо знает. Надо быть прагматичным. Надо строить мост через Волгу у Тольятти. А ведь можем и не построить мост. Кому от этого лучше будет? Надо работать для людей. Надо не позволять миллиарды рублей обналичивать. Иначе дифференциация общества на богатых и бедных будет ещё больше. И мы придём к революции. Самара была близка к этому и остается близка сегодня. Почему такое решение принято по губернатору? Чтобы не получилось так, что придёт власть, за которую проголосуют, и с вами говорить эта власть не будет. А будут собирать вас в зоне и говорить, что делать с 6 утра и до 7 вечера. А тенденции, сопутствующие приходу такой власти очень серьезные. В том числе и по Тольятти. Вы бы, тольяттинские журналисты, лучше подумали об этом. Какой процент набрала в Тольятти та партия, которая в Мордовии говорит, что «берёзки мы уже определили для всех кого вешать будем»? 28%? А если почище посчитать, то ещё больше. И вот надо оценить эту ситуацию со всех сторон. И оценивать ее надо не в узких шорах.

Сейчас нет идеального готового человека на место главы страны. Вот, к примеру, Прохоров. Большой процент в Тольятти проголововал за него? Я знаю, что большой. Я очень хорошо Михаила знаю. Мы очень давно знаем друг друга... Дело в том, что Прохоров считал, что в Саранске самые красивые девушки. И постоянно в городской аэропорт самолёт прилетал Ту-154 понятно, зачем. И он этого не скрывал. И очень сильно помог региону. Были

долги у Мордовии Инкомбанку. А он купил их и управлял этими долгами. Он нам почти 180 млн. долгов списал. И сказал, что сделал это потому, что в республике самые красивые девушки. Я, конечно, чуть-чуть утрирую.

Я не критикую Михаила Дмитриевича. Я выступаю за то, чтобы позитивные процессы шли в государстве. Путин искренне хочет, чтобы в стране было лучше, стремится консолидировать общество, не обидев людей. Чтобы люди работали на государство. А в Тольятти я хочу еще раз приехать, повстречаться с людьми, более предметно поговорить о проблемах города. Будет прямой диалог и с прессой, и с бизнесом. Но никто из вас сегодня не задал вопрос, как обстоит дело с расследованием пропажи одного из тольяттинских бизнесменов. Неужели можно настолько к людям по-скотски относиться? А вот Путин интересовался этим вопросом. А вы – нет. Он интересовался какие силы действуют в регионе, кто и чем занимается. Вот тоже момент важный, который характеризует этого человека.

Скоро будут конкретные факты по Тольятти. Скоро. Вы все удивитесь. Я не хочу сенсаций. Но будут результаты расследований, переданные в суд. Там присутствуют ещё 3 других района. А в Самаре уже были аресты и расследование дел продолжается. Эта тема большая для области. Как в своё время говорил Г. Попов: «Чиновник делает услуги, он за них может брать деньги». Якобы это не взятка, а деньги за услуги. Здесь этот принцип активно используется. И мы, естественно, должны поставить этому заслон. Как вы думаете, почему вдруг стройка оказывается дороже на 30-40% или даже в два раза? Это кто-то на Луну деньги отправляет? Глава района рассказывал мне как его дважды приглашали и просили увеличить цену объекта. Подчеркну, заказчик – не глава района, заказчик – здесь. Для кого нужно увеличивать цену?

В стране наводится порядок, идут проверки и аресты. Если будут так бюджетные деньги использоваться как сейчас, мы придём к тому, что во власть будут идти не для выполнения государственных обязанностей и не для службы людям, а с другими целями. Даже на решении проблем обманутых дольщиков снова пытаются зарабатывать! Причём, за счёт тех же обманутых людей. Мне идут письма, что за места на кладбищах берут взятки в размере 30-70 тысяч рублей. Это бесконечно будет продолжаться? Вам такая «свобода» нужна? Но тему свободы надо подробно обсуждать. Это вечная тема. Сейчас мне понятно одно: Самарская область от порочной практики повальной коррупции должна уйти. Иначе Самара превратится в рядовой город. И потихонечку все здесь будет сворачиваться.

Рустем Хамитов, Башкортостан: Тяжеловес вольной борьбы за инвестора

Президент Республики Башкортостан Рустэм Хамитов не уникален в том плане, что тема борьбы за инвестора сегодня актуальна для многих регионов России. Каковы о конкурентные преимущества Башкортостана – одного из самых крупных субъектов Российской Федерации, по численности населения находится на седьмом месте — об этом шла речь в ходе встречи с журналистами, которую провёл глава Башкирии.



— *Каждый регион стремится пригласить к себе серьезных инвесторов. Какими Вам видятся конкурентные преимущества Башкортостана при решении этой задачи?*

— Помимо общих и значимых и бросающихся в глаза преимуществ, таких, как географическое положение, наличие природных ресурсов, развитая промышленность, безусловно, мы стараемся использовать и современные методы: законодательство, разные налоговые льготы. Ну, а самое главное — к инвестору мы относимся хорошо просто-напросто. Инвестора надо поддерживать словом, ему надо улыбнуться, с ним надо поговорить по-человечески, надо убедить, что лучше этой территории нет ничего, что здесь ему будет комфортно, хорошо. И вы знаете, это часто срабатывает. Мы идем в этом году совсем неплохо в части увеличения инвестиций, примерно 24-25% увеличение по отношению к прошлому году. А ожидаемый объем – порядка 240-250 млрд руб. Это немало, тогда как в прошлом году эта цифра была около 180 млрд руб.

Мы уже практически использовали стандартный набор привлечения инвесторов — я уже сказал о законодательстве, о льготах. Собственно, теперь надо работать — и все. Надо работать, надо искать инвестора — раз. Надо говорить о себе погромче, о том, что есть такая территория, есть такая симпатич-

ная республика, в которой работают хорошие люди, есть компетенции, есть возможности по электроэнергетике, по помещениям, по земле. Есть у нас ресурсы. В конце концов мы помогаем каждому инвестору. Когда он приходит к нам, мы строительство инфраструктуры берем полностью на себя: вода, газ, электроэнергия, дорога, канализация, очистные сооружения, — это все за наш счет. И, конечно, любой здравомыслящий человек, видя перед собой нормальных людей, скажет: «Я пойду работать к ним».

Мы сегодня активно развиваем сельское хозяйство. 40% населения проживают в сельской местности – это выше среднероссийских показателей. И зачастую мы видим, что люди остались без работы. И порядка 150 тыс. человек из сельской местности ездят, как говорится, «на севера», в северные регионы, к нефтяникам. Нужно создавать рабочие места здесь. И мы продвигаем хорошие, мощные проекты – молочные производства, свинофермы строим, строим, безусловно, переработку, и для нас это приоритет номер один. Хотя, конечно, нефтяная республика без инвестиций в нефтехимию и химию не обойдется, потому что химия, на мой взгляд, — это вообще один из драйверов развития экономики не только республики, но и страны. Россия сегодня производит 1% от мирового уровня химической продукции, а ресурсов у нас в стране – порядка 15-18%. Конечно, химию надо

развивать, потому что вокруг нас пластики, но, к сожалению, эти изделия из пластика выпускаются за рубежом. Поэтому следующий момент – это развитие химии, и мы здесь тоже активно работаем. И третьим я бы выделил деревопереработку. У нас большая республика, половина территории занята лесами, и, к нашему счастью, на нас обратил внимание очень крупный, солидный инвестор, мы договорились с ним и в этом году начинаем строить большое предприятие суммарной стоимостью порядка 500 млн евро. Этот проект рассчитан на 5 лет, первая очередь, которая будет запущена летом 2014г., — 160 млн евро. Это предприятие будет выпускать ДСП, ДВП, ОСБ, напольные покрытия, шпон для мебели и т.д. и будет перерабатывать до 3 млн куб. м леса, причем леса перестойного, древесного мусора практически – опилки, кора, щепа и прочее.

— *У республики сегодня есть интерес к зарубежным инвесторам?*

— Да, и я привожу примеры того, что зарубежные инвесторы к нам идут, и нам инвесторы все нравятся — и наши российские, и зарубежные. Зарубежные идут с технологиями, российские идут тоже с технологиями. В сельском хозяйстве у нас только российские инвесторы: 12 млрд руб. — огромный свиноплекс, 10 млрд руб. — «Башкирский бройлер» — предприятие, которое будет выпускать 110 тыс. т птицы. Это очень хорошо. Кстати говоря, в этих проектах соучастие принимают и зарубежные инвесторы: зарубежные банки, зарубежные структуры, технологии. Так что у нас нет преград ни для кого. Приходят к нам и наши российские инвесторы, и зарубежные.

— *Можете сейчас привести данные о доле зарубежных инвестиций и российских?*

— Российских, конечно, больше. Сегодня, если мы говорим о прямых инвестициях, это процентов 80, а 20% — зарубежных. Это правдивая цифра. Я думаю, что соотношение не будет меняться, потому что сегодня активно строятся и развиваются наши крупные нефтехимические и химические предприятия, а там зачастую работают наши, российские подрядчики. Да, оборудование частично

Управленческие дела – скучная материя, и говорить там в общем-то не о чем. Единственное скажу, что в Конституции Республики написано, что "президент республики возглавляет правительство". Де-юре – это так, а де-факто этого не было, правительство возглавлял премьер и определял финансовую политику, политику, связанную с расходованием ресурсов материальных, земельных и прочих.

иностранный производства, но теперь уже компетенция наших проектных организаций, инженерных компаний на такой высоте, что в основном, конечно, мы сегодня уже ориентируемся на своих инвесторов. Кстати говоря, один из наших флагманов химической отрасли — "Газпром нефтехим Салават" — буквально через два месяца будет запускать уникальную установку по переработке нефти, мощность этой установки — 6 млн т нефти в год, так что очень интересное и радостное событие для нас.

— **Какую роль, на Ваш взгляд, Башкортостан играет в решении проблем нефтехимического комплекса России?**

— "Большая химия" — очень интересная площадка. Я уже сказал, что потенциал развития химического производства колоссален у нас в России, сырья у нас тоже очень много, востребованность в обсуждении проблем химической отрасли очень высока, и мы сами не ожидали, что попадем в "десятку" с этим форумом. Было очень много интересных докладов, очень много интересных людей. И на первом форуме, который состоялся год назад, прозвучала идея строительства продуктопровода с северных территорий нашей страны (с Ямало-Ненецкого автономного округа, автономного округа в Поволжье) для снабжения сырьем наших крупнейших предприятий. Речь идет

о создании, а точнее — о воссоздании газовой химии в стране. Наша химия в основном ориентируется на сырьё – нефть. Из нефти получают нефть – прямогонный бензин, дальше получают остальные соединения химические – этилены, полиэтилены и другие интересные вещи. Мир уже переходит на газовую химию. То есть уже есть газы, из которых можно извлекать углеводороды и получать те же самые пластики. Это дешевле, этих газов, "жирных" газов так называемых, или широких фракций легких углеводородов, сжиженных газов, у нас очень много, и вот родилась такая идея. Сейчас уже создан консорциум – три субъекта Федерации (это Татарстан, Башкортостан и ЯНАО) объединились в работе над проектом этого трубопровода, очень сильного и интересного с экономической точки зрения проекта. Так что "Большая химия" уже начала генерировать настоящие, востребованные в экономике проекты.

— **Какова ситуация в машиностроении и дальнейшие перспективы, в частности по привлечению серьезных инвестиций и модернизации производства?**

— Машиностроение для нас — тоже значимая часть экономики. Два направления. Первое — авиационные двигатели, Уфимское моторостроительное объединение является флагманом в строительстве двигателей для самолетов, в том числе боевой авиации. Есть Кумертауское объединение, которое выпускает вертолеты. Так, дела идут неплохо, мягко говоря. А вообще, мы даже уже сегодня испытываем недостаток в рабочих руках просто-напросто, потому что рост производства идет на этих предприятиях очень хорошо. Второе направление — это машиностроение для нефтяной промышленности: для нефтедобычи, для нефтехимии. Эти предприятия сегодня тоже загружены, хорошо идут, растут неплохо, и здесь у нас никаких сомнений нет в том, что объемы будут каждый год прирастать на 10-15%. Еще одно направление — это транспорт. На территории республики выпускают автобусы. Также неплохо. Вот уже в октябре приступят к сборке автобусов Marcopolo — это знаменитая бразильская компания, которая выпускает городские автобусики на 20-25 мест. Думаю, что с 2014г. уже сотнями эти автобусы будут выпускаться на территории республики. — **Вопрос: Вы – один из инициаторов рассмотрения на федеральном уровне вопроса по расширению полномочий регионов. Каким образом, по Вашему мнению, такое делегирование власти способно облегчить работу с инвесторами? Рустэм Хамитов: Инвестор всегда взвешивает все риски, и если понимает, что что-то не может сделать местная власть, не может гарантировать,**

возникает определенного рода скепсис: "А вдруг федералы не дадут это сделать? А вдруг примут новый закон? А вдруг возникнет еще какой-то новый барьер?". Поэтому в этой части лучше работать с субъектами Федерации инвестору. Во-первых, у федеральной власти свои задачи, а вот у региональной власти как раз такого рода функции – работать с инвесторами. И в этой части я абсолютно уверен, что чем больше будет у нас возможностей, с точки зрения воздействия на административные барьеры, которые выстраивают не региональные, а зачастую федеральные структуры, в том числе и правоохранительные. Так вот, чем больше у нас будет полномочий, тем быстрее и лучше мы будем развиваться. Сегодня между регионами идет конкуренция, причем страшная, за инвесторов. Нет ни одного губернатора, руководителя региона, который отталкивал или морщился при их появлении. Каждый пытается создать у себя идеальную среду для того, чтобы инвестор пришел. Но зачастую федеральные структуры в регионах напрямую не заинтересованы в привлечении инвесторов, это не входит в их критерии эффективности. А отвечает перед людьми глава региона. Ему надо платить зарплату, надо поить-кормить, надо защищать, строить дороги, школы, больницы, детские сады и т.д. А откуда брать деньги? Только из своего бюджета, потому что федеральный бюджет – хвала ему, спасибо, помогает, но основная часть ресурсов идет из региона, а наполнение бюджета напрямую связано со строительством новых предприятий. Поэтому для нас, руководителей регионов, конечно, главная мотивация в работе – создание безбарьерной среды, среды, позволяющей приходить инвестору. Дайте нам эти полномочия, и мы сделаем все, чтобы у нас никаких административных препятствий для инвестора не было.

— **Недавно Вы возглавили правительство, объясните это тем, что потребуются максимальная концентрация сил и ресурсов при подготовке к саммитам ШОС и стран БРИКС. Вы назвали это лишь первым этапом реформы госуправления. Какими будут следующие и когда их можно ожидать? Не планируется ли в результате создать такую структуру управления, как в областях, когда глава региона возглавляет правительство, а такая структура, как администрация главы (президента), отсутствует?**

— Управленческие дела – скучная материя, и говорить там в общем-то не о чем. Единственное скажу, что в Конституции Республики написано, что "президент республики возглавляет правительство". Де-юре – это так, а де-факто этого не было, правительство

возглавлял премьер и, собственно говоря, во многом определял финансовую политику, политику, связанную с расходованием материальных ресурсов, земельных и т.д., определял и проводил сам. Безусловно, президент задает некое направление движения, некий *massage*, но реализовывал премьер. Дело в том, что сжалось информационное пространство, да и вообще в целом общество. Сигналы должны проходить очень быстро от человека, который принимает решение. В каждом субъекте Федерации решение принимает глава этого региона. Если появляются параллельные структуры, ответвления самые разные, возникают сбои в программе передачи этой информации, то, конечно, сразу это чувствуется. Поэтому здесь нет никаких уловок, двойного дна в принятии такого рода решения. Мы просто хотим сделать современную, динамичную, дешевую (по возможности) систему управления регионом. И сегодня иметь две ветви власти – президентскую со своей администрацией, тяжелой, очень разветвленной, и вторую – правительственную, тоже со своей системой управления, не имеет смысла. Надо объединить их, сделать все это компактно, дешево, чтобы быстро все решения проходили до исполнителей. Собственно, здесь никаких откровений и новаций нет, 90% регионов работают именно в такой схеме.

— **В ближайшее время Башкортостан примет несколько крупных международных соревнований и форумов. Как, на Ваш взгляд, это повлияет на укрепление имиджа региона? Готова ли республика к приему представительных гостей?**

— Надо повышать узнаваемость республики и столицы республики — Уфы — в деловых кругах. Зачастую люди, приезжая к нам, говорят: "Мы вас не знаем, мы о вас не слышали. Мы знаем Москву, знаем Петербург, знаем Сибирь". Может быть, еще Урал, Волга — вот пять слов, которые знают зарубежные инвесторы о нашей стране. Мы все, безусловно, обязаны повышать узнаваемость территории. Это можно сделать только привлекая крупные события, международные события. Спорт — один из вариантов. Уже в этом году будет чемпионат мира по хоккею среди молодежных команд — это большое мероприятие: 10 команд, этот хоккей будут показывать во многих странах мира. В следующем году будут международные детские игры — это зимняя Олимпиада для школьников. Восемь видов спорта, 40 стран, более 1 тыс. участников. Кстати говоря, не звучит почему-то это сегодня в средствах массовой информации. Это очень интересные спортивные соревнования, они проводятся ежегодно, и первый раз Россия принимает такую детскую Олим-

пиаду. Мы претендуем на то, чтобы в далеком (как еще пока кажется) 2021г. принять у себя Всемирные игры — это Олимпийские игры по неолимпийским видам спорта. 35-40 видов спорта, 6 тыс. участников. По масштабу это примерно как зимние Олимпийские игры, но более демократичные. Не надо строить олимпийскую деревню, не надо строить новые спортивные объекты. Эти игры можно провести на существующей спортивной базе, можно размещаться в существующих отелях. Очень интересные виды: спортивная акробатика, бальные танцы, спортивные танцы, фитнес, парашют, борьба сумо, борьба каратэ. Это народные виды спорта, которые и смотрятся хорошо, и интересно ими заниматься. Я думаю, что мы сможем победить, потому что Россия, конечно, будет претендовать на прием этих игр в нашей стране в 2021г. И, безусловно, я надеюсь, что нам поможет в узнаваемости саммит стран ШОС и БРИКС, который пройдет в Уфе ориентировочно в июле 2015г. Президент России поручил провести этот саммит в Уфе, мы начали активно готовиться. Мы сегодня знаем, что нам нужно. Средства нужны не очень большие: Уфа — симпатичный город, один из хороших, красивых городов нашей страны, поэтому мы проведем все достойно, на хорошем уровне.

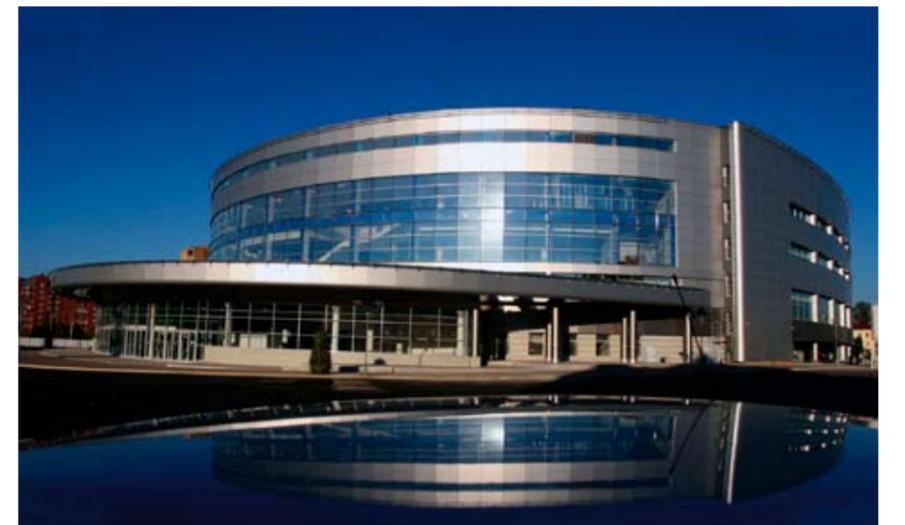
— **Сколько ежегодно в республике производится меда? Кто конкурирует с вами на медовом рынке? В какие страны экспортируется ваше "сладкое золото"?**

— По качеству меда с нами конкурировать не может никто. Это может быть только Алтай, а все остальные – увы и ах! — конкурировать не могут. У нас набор цветов, с которых пчелы берут оптимальный мед. Есть коэффициенты, которые определяют качество меда, и вот мед, который продается в магазинах в Москве имеет этот коэффициент порядка 10. А у нас самый плохой мед имеет коэффициент

30, а самый хороший – 50. Самый хороший мед собирают дикие пчелы, они собирают его в дупла деревьев, этого меда немного. Но в этом году мы собрали около 15 тыс. тонн меда. 6 тыс. тонн будет реализовано в розницу, а около 10 тыс. тонн мы сами с удовольствием кушаем. Но потенциал республики колоссален. В теории мы можем собирать до 150 тыс. тонн меда, но для этого нужно 3-4 млн ульев. Сегодня в республике есть около 300 тыс. ульев. А в лучшие годы в республике было примерно 1 млн ульев при том, что улей дает порядка 25-30 кг меда. Вот и считайте: 1 млн ульев – это 25-30 тыс. тонн, 4 млн – это 120-130 тыс. тонн. Так что есть запас и есть куда нам стремиться. Рекомендую, башкирский мед действительно самый лучший.

— **Много лет езжу через Башкортостан и всегда удивляюсь тому, что Вам удается содержать дороги республики в идеальном состоянии. Почему столь большая разница в качестве дорожного покрытия с соседними регионами?**

— Нам далеко до идеала, здесь нас надо перехваливать, но мы действительно стараемся поддерживать дороги в хорошем состоянии. Во-первых, мы направляем существенно большие ресурсы, чем близлежащие территории, хотя Челябинская область, я знаю, в этом году направит просто колоссальный ресурс — порядка 12 млрд руб. Мы затратим около 11 млрд руб. на ремонт дорог, но кроме того, практически все, что нужно для строительства дорог, есть у нас на территории: хороший битум, хорошие гравийные материалы, хороший щебень. Не до конца же сапожник без сапог должен быть, да? В этом смысле мы все-таки хорошие свои дороги строим, я понимаю так, что любой руководитель региона должен чем-то запомниться. И каждый руководитель старается: кто-то строит дворцы, кто-то строит набережные, кто-то



еще что-то. Мне кажется, дороги — это один из таких драйверов не только развития, но даже и в человеческом плане человеку — руководителю региона будет что вспомнить. Я вот жил, строил дороги — это важно. И для людей в том числе.

— **На какой стадии находится реализация проектов "РусГидро" и Alstom по производству гидроэнергетического оборудования для ГЭС?**

— В Уфе фактически уже заложено основание этого нового, современного предприятия, которое сейчас завершается проектированием. Мы думаем, что в конце сентября, максимум в середине октября, мы выйдем на площадку монтажа сетей. Это вода, электроэнергия, канализация и т.д. Строительство корпуса уже начнется в феврале 2013г. с тем, чтобы в конце 2013г. первые турбины этот завод выпустил. Турбины пойдут на модернизацию кубинского каскада ГЭС — там 9 станций по 3-4 турбины на каждую станцию, вот нужно 35-40 турбин для того, чтобы модернизировать этот каскад. При этом французская компания Alstom, масштабная крупная компания, которая выпускает и гидрооборудование, и транспортные средства, и турбины для тепловых атомных станций, передает нам технологии. Не только набор орудия и инструментов для сборки этих турбин, но и технологии, передает "ноу-хау". И рядом с этим предприятием будет формироваться технологический парк, который будет заниматься разработкой такого рода оборудования. И, кроме того, там будут создаваться еще и системы автоматизированного управления станциями. Это тоже очень важно. Вы знаете, что происходят разного рода аварии и катастрофы на станциях из-за того, что нет достаточного количества диагностической аппаратуры. Вот такая диагностическая аппаратура будет тоже выпускаться в Уфе. Все идет по плану. Примерно 100 млн евро — первая очередь этого предприятия. Все план-графики сверстаны, люди работают. Французы являются главными в этом проекте, мы помогаем как можем с точки зрения инфраструктуры, и "РусГидро" участвует своими финансами и организационными возможностями в реализации.

— **Как идет реализация проекта по созданию в Уфе современного томографического центра стоимостью 1 млрд руб.?**

— Мы с "Роснано" подписали соглашение о том, что в Уфе построим современный томографический центр — это позитронно-эмиссионная томография, которая на ранних стадиях онкозаболеваний позволяет сделать диагностику. На самых-самых ранних стадиях. Кроме этого, это отделение будет оборудовано таким устройством, которое

называется кибернож, — для инвазивных, бескровных операций. Условно так: если у человека, к несчастью, обнаружили опухоль мозга утром, в обед провели операцию этим киберножом, вечером он уже может идти на концерт. То есть это самые современные технологии, позволяющие без вскрытия, без крови проводить такие вмешательства в организм, и, конечно, это гигантский шаг в медицине. Республика взяла на себя подбор площадки, мы будем оплачивать все эти операции и исследования. Порядка 6 тыс. человек в год будут проходить исследование на этом позитронно-эмиссионном томографе, и операций киберножом тоже будет производиться порядка 300-500 в год. Этот центр заработает в июне 2013г., ровно через год. Строительство уже началось, оборудование уже заказано, стоить это будет 1 млрд руб., и мы, конечно, ждем, чтобы все это состоялось побыстрее.

— **Правда ли, что в Уфе появится Центр деловой авиации?**

— Мы только несколько дней назад обсуждали эту тему с инвесторами. Инвесторы очень солидные, и мы не имеем права не доверять им. Приняли решение о том, что будем строить в Уфе, возможно даже в этом году приступим к проектированию, а в следующем — к реализации Центра деловой авиации. Востребованный вид транспорта на сегодняшний день. Уфа, да и близлежащие города-миллионники требуют современных средств передвижения, в том числе и "Джетов". У нас в Уфе хорошие взлетно-посадочные полосы — одна длиной 4 км и принимает любые типы самолетов в любую погоду, сертифицирована по второй категории — это значит посадка вслепую фактически. Вторая полоса — 3 км, тоже вопросов никаких нет. Думаю, что в 2014г. Центр деловой авиации в Уфе появится. Это интересный проект, тоже будут использованы самые современные технологии для отопления, солнечная энергетика, тепловые насосы, — собственно говоря, то, что мы хотим использовать на строительстве завода Alstom, будет и здесь применяться.

— **Определилось ли правительство республики с инвестором международного аэропорта Уфы? Каков тип инвест-соглашения? С кем и когда планируется подписание? Не будет ли госпакет акций аэропорта выставлен на торги, что было бы, возможно, выгоднее бюджету республики?**

— Мы не собираемся продавать наш аэропорт. При любом исходе событий контрольный пакет будет у правительства Республики Башкортостан. Это первое. Второе — мы ведем сейчас активно переговоры, нам надо к 2015г.

полностью модернизировать аэропорт. Сегодня провели переговоры с Газпромбанком. Кроме этого, у нас довольно много других интересных, которые хотели бы дать денег на модернизацию и реконструкцию аэровокзального комплекса. Эта модернизация будет стоить порядка 2,5-3 млрд руб., плюс подъездные пути, и всего это будет где-то 3-3,5 млрд руб. Сейчас изготавливается эскиз нового аэропорта, далее начнется проектирование, а в первой половине 2013г. мы приступим к стройке. Продавать аэропорт мы не будем. Это одно из немногих оставшихся у республики наших предприятий, и сегодня субъекты РФ, наоборот, стараются закрепить за собой аэропорты. Есть, конечно, случаи и продажи. Но наш аэропорт в хорошем состоянии, географически интересная точка, летают к нам много, мы сегодня обслуживаем уже более 2 млн пассажиров (в этом году было уже 2 млн), и мы занимаем 8-9-е место среди всех аэропортов. В столицу у нас самолеты летают ежедневно, 8-10 раз наверное точно. Это как автобусы — каждый час, полтора, два, и лететь 1,5 часа. Так что прилетайте в гости все, кто хочет. Мы очень гостеприимны.

— **Почему из 2 млн т молока в год, якобы производимых в республике, официально реализуется как товарное только четверть этого объема?**

— Давайте так. Молоко зависит от количества коров. Коров в республике более 500 тыс., и это самое большое количество в Российской Федерации. Хотим мы или не хотим, мы все равно являемся номером один в Российской Федерации по производству молока. Половину молока и даже чуть больше производят сельские жители. Сельские жители, обычные, которые держат кто одну корову, кто две, кто три. Есть такие товарищи, которые держат и по пять, и по семь, и по десять. Значительная часть этого молока используется для внутреннего потребления. А вот оставшаяся часть идет на переработку, и на переработку идет действительно порядка 30% — максимум 40%. Хотя сельчане тоже производят продукцию на каких-то своих примитивных устройствах. Поэтому я рад тому, что мы пьем все молоко — цельное, парное зачастую — и перерабатываем только половину того, что мы производим.

— **Введение в совет директоров АО "Сода" бывшего полпреда президента РФ в Приволжском федеральном округе (ПФО) Григория Рапота было воспринято неоднозначно. С одной стороны, Ваша пресс-служба заявила, что Г.Рапота будет защищать "Соду" от зарубежных конкурентов, с другой — есть мнение, что господин Рапота должен "подвинуть" сделку**

по размыванию госпакета "Соды" в пользу "Башхимии", создав новый химический холдинг. Какая мотивация была у руководства республики?

— Я сравнительно недавно был в Белоруссии, и там коллеги задавали вопрос о том, чтобы создать в Белоруссии совместно с нашей "Содой" предприятия по производству этого очень важного химического продукта, который нужен в стекольной промышленности, химической, металлургической и т.д. Г.Рапота возглавляет союз российско-белорусский, он в этой теме. Когда он работал в ПФО, он часто приезжал в Башкирию, хорошо знает ее, и, конечно, мы видели и не раз бывали на "Соде", и имея такого лоббиста, как Григорий Алексеевич, могу решать, в том числе, и проблемы создания совместных предприятий (СП) с Белоруссией. Нам это важно и нужно. Пакет размыывать никто не собирается, потому что мы знаем, что такое остаточные там 37 или 38% от какого-нибудь успешного предприятия. У нас есть ряд предприятий, где республика владеет пакетами в 24%, 17%, 37%. Эти пакеты никому не нужны, их не продашь, их не реализуешь за нормальную схему. Там может кто-то, извиняюсь, по каким-то личным своим причинам купить, но с точки зрения экономики никакого интереса нет. Поэтому мы не собираемся размыывать этот пакет. Конечно, мы смотрим варианты дальнейшего развития этого предприятия. Если найдется, допустим, инвестор, который будет готов заплатить за весь пакет хорошие деньги или очень хорошие деньги, то мы еще подумаем. А размыывать пакет и превращать его в 35 или 37% — это не интересно, да и не нужно.

— **Туристическая привлекательность Башкортостана на высоком уровне. Сколько туристов посещают республику и что нового вы готовы предложить туристам?**

— Туристов еще мало. Дело в том, что у нас не развита туристическая отрасль как таковая. Нужны кемпинги, нужны туристические базы. Пока все это в зачаточном состоянии. Люди приезжают лечиться на наши курорты — это да. И поток этот достаточно большой. Это десятки тысяч людей. Кроме того, у нас хорошая природа, недаром республику называют "второй Швейцарией". Ходят в походы, ездят на лошадах верхом, сплавляются по нашим рекам, но это все надо обустроить, это надо все еще приводить в порядок, надо инвесторов находить. Пока это все, знаете, в таком состоянии... Я категорически не удовлетворен. Рюкзак за спиной и пешком по горам — это хорошо. Но значительная часть людей требует комфорта. Кроме того, мы сейчас активно развиваем горнолыжный спорт. Мы каждый

год будем запускать по одному горнолыжному склону, оборудованному хорошим подъемником и системой искусственного оснежения. В этом году восстановим знаменитейший в горнолыжных кругах курорт Белорецк. В этом году искусственный снег появится в городе Стерлитамаке, тоже гора, на которой выросли несколько поколений горнолыжных чемпионов. Белорецк — это вообще была мекка горнолыжная. В следующем году мы пойдем по другим объектам. У нас есть горы с перепадом порядка 700-800 м. Они позволяют проводить любые соревнования, в том числе не только гигантский слалом, но даже и скоростной спуск, где длина трассы должна быть 3-4 км. Поэтому для нас это тоже очень интересный и хороший вариант развития туризма в Республике Башкортостан. К нам и так много ездят кататься на лыжах, а будут ездить еще больше. Я думаю, что значительный поток, в том числе из европейской части России

(мы тоже в Европе — мы в центральной европейской части России), мы развернем в нашу сторону. Сегодня речь идет о десятках тысяч, а нам нужны сотни тысяч, а еще лучше — миллионы. Мы народ гостеприимный, меда хватит, я уже сказал, на всех. Горнолыжных склонов хватит на всех. Кстати, мы являемся обладателями самого большого стада лошадей в РФ, мало кто об этом знает: 160 тыс. голов лошадей в республике. Они нам дают не только, так сказать, моральное удовлетворение, когда мы смотрим на них, но эти наши трудолюбивые лошади дают кумыс, дают кобылье молоко, из которого, кстати, начинают делать детское питание. Это детское питание — самое полезное, его не сравнить с детским питанием из коровьего молока, потому что кобылье молоко не содержит тех ненужных ферментов, которые есть в коровьем. Это детское питание пока реализуется только у нас. Приезжайте. Так мы вас заманиваем всех.



Непростые вопросы сложного региона

Глава республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров

Об экономике и социальной политике одного из наиболее стабильных регионов Северного Кавказа, об инвесторах и захватчиках земли, о национальных особенностях жилищной политики, о боевиках и ваххабитах, о парашютном спорте; о возвращении славян на Кавказ и об адаптации кавказцев на территории всей страны, и наконец о том, что дочери лучше сыновей, и о том что в Москве массово процветает многоженство — журналистам рассказал десантник, Герой Российской Федерации президент Республики Ингушетия Юнус-Бек Евкуров.



— Джейрахский район Ингушетии оказался в зоне природных катаклизмов. Как удалось справиться с ситуацией? Какой ущерб нанесен этой территории?

— Для нас это колоссальный ущерб; только Джейрахский район потерял порядка 2 млрд руб буквально перед Крымском. Там не такая огромная территория по системе оповещения и не так опасно для жителей, потому что основные населенные пункты расположены на склонах, а вода шла по низине. Но тем не менее мы предусмотрели такие риски, как обрыв высоковольтной линии электропередачи, подтопление газопровода. С учетом этого мы все это заранее отключили, даже зная, что люди где-то могут остаться без газа и без света. И буквально как только отключили высоковольтную линию, тут же в течение часа рухнули три высоковольтные опоры. Такая же ситуация получилась с газопроводом: только мы отрубили газопровод, и через три-четыре часа всё ушло под воду и большую протяженность трубы вообще смыло. Основу ущерба составляют дорожный фонд, мосты — целыми километрами это все смыло. Сегодня мы восстановили то, что

можно восстановить: дороги — речь не о капитальном ремонте, а о том, чтобы можно было ездить, везде провели свет, в том числе временно, везде провели газ. То есть мы оперативно в течение недели-двух все это исправили. Буквально за четыре дня у людей был уже свет и газ, где временно, а где уже капитально. Вчера мы направили документы в комиссию МЧС, чтобы просить средства из Резервного фонда РФ на восстановление того, что разрушено.

— Одна из болезненных для республики тем — отселение из оползневой зоны. Более 3 млрд руб. в этом году выделено на строительство жилья этой зоне. На эти средства планируется построить 76 жилых домов, а также больницу, ФОК, ТЦ, почту, аптеку, кинотеатр, 3 детских сада и 3 школы. На строительство жилых домов и инфраструктуры отводится 1 год и 8 месяцев с момента заключения госконтракта. Насколько реально уложиться в отведенные сроки? Кто будет вести строительство — жители республики?

— Да, строительство уже ведут, бесспорно, жители республики. Тендеры, конкурсы проведены, определены генподрядчики, там же работают уже субподрядчики, и работа уже идет. В этом году погода мешает очень сильно. Только в течение месяца установилась хорошая погода, когда мы можем строить. Остальное время шли очень сильные дожди, и земли не давали строителям выходить. Основа — все-таки площадки. Сейчас процесс пошел, сейчас строители работают в 2-3 смены. Летом мы сорвем, я думаю, сроки где-то на 2 месяца с учетом погодных явлений, но, тем не менее, я думаю, построим. Опыт у нас уже есть в этом направлении. Мы на эти деньги не строим школы, больницы, для социальной инфраструктуры денег нет. Мы там уже сами ищем средства и возможности, чтобы из бюджета республики исправить все. 3 млрд руб. пойдут только на строительство жилья и еще на внешнюю инфраструктуру, только для этих целей. Планируется переселить (мы планировали в этом году, но я думаю, что месяца на два мы затянем) более 800 семей. И на следующий год мы должны завершить полностью программу переселения жителей из оползневой зоны. Там реально опасная ситуация, есть моменты, когда дома вообще проваливаются под землю. Десятилетиями нефть выкачивали, техническое обслуживание скважин не проводили, водой эти пустоты не заполнялись, и сегодня там реально такая трагическая ситуация. В 2010 г. я обоснованно докладывал об этой ситуации В.Путину, увидели эту ситуацию, нам пошли навстречу. Мы эту задачу решаем, и я думаю, что к концу 2013 г. мы ее решим.

— Почему сегодня Ингушетия отстает по показателям обеспеченности социальными объектами?

— Исторически так было, потому что когда разделяли, когда Ингушетия становилась самостоятельным субъектом, там, где она получила статус самостоятельности, социальных и промышленных объектов, в том числе, был мизер. И с тех пор оно не наполнялось. Не была построена отдельно программа, сама дотационная республика за счет своего бюджета не смогла бы это никогда сделать, и государственной

программы пока тоже не было. Был сложный период, сложные годы. Школы, больницы были — те, что были построены в те времена. У нас сегодня порядка 30% школ работают в три смены, и 70% — в две смены. Одно дело об этом говорить, а другое — это видеть. Это реально плачевная ситуация. Но то, что сегодня принята федеральная целевая программа социально-экономического развития Республики Ингушетия, и мы уже за счет собственных средств строим, мы за прошлый и за этот год ввели и вводим порядка шести школ, столько же детских садиков. И с каждым годом будем наращивать, исправлять эту ситуацию. Мы надеемся, что еще будет принята программа стратегии развития Северо-Кавказского федерального округа, куда мы вложили уже 10-процентный охват: и детей с дошкольными учреждениями, и охват в одну смену школами. В том числе и больницы, и родильные дома, и другие объекты, в которых республика сегодня очень остро нуждается.

— Как исключаете коррупционную составляющую при выделении жилья приезжим?

— Мы долго думали над этим. Знаете, есть фиктивные браки — по закону вроде не прицепишься: вот она семья, я женился, женщина русская или украинка возвращается в республику якобы, выходит замуж за ингуша, за чеченца, они вроде бы вернулись, жилье дали им, а через месяц ни ее, ни его нет. Он-то есть у себя дома, но квартира уже продана. А она уехала — ей не понравилось. Разделили долю и разъехались. Чтобы это исключить, мы рассматриваем только несмешанный брак — на это обращаем внимание. А если смешанный — особая комиссия будет над этим работать и проверять, для чего так сделано: для фикции или реально по любви. Второе, мы определили: 10 лет — жилье служебное. В течение 10 лет живете в республике — в этом случае вы можете его приватизировать, и оно ваше. Третье, определили так: нет права сдавать квартиру внаем, семья должна жить в этой квартире. И если в течение двух месяцев квартира пустует или сдается, тогда мы эту квартиру изымаем. Вот такие драконовские меры для того, чтобы хоть частично побороть и коррупционную составляющую и навести порядок в этом направлении. Жителям это нравится, они прекрасно понимают, что это их жилье, и тот, кто будет жить в республике, будет работать, ему бояться нечего — это его жилье. Как только мы это ввели, резко отпали обращения "мы хотим вернуться". Люди поняли, что им там ловить нечего.

— Почему сегодня столь серьезно для республики стоит проблема возвращения русскоязычного населения?

— В республику могут приезжать и русские, и другие национальности, которые согласны жить в республике. Мы вообще-то делаем упор не на то, чтобы заманить людей, которые уехали. Они в большинстве своем уже обжились и прижились, и вряд ли поедут уже из Ставрополя или Краснодара или из других регионов жить обратно в республику. Хотя желающие есть, они попадают не массово, но единичные случаи есть. Мы сегодня больше делаем упор на тех жителей, которые живут в республике, также как и не выделяем русскоязычные или нерусскоязычные. Ваши братья, журналисты, они обращают больше внимание, когда даешь русскоязычной семье квартиру. Почему-то это привлекает очень большое внимание. При этом мы и коренным жителям ингушской национальности дали жилье, Мы переселили более 800 семей, это большой такой прорыв, ну и среди них русские тоже. Но почему-то выделяют только русскоязычную семью. Я думаю это потому, что просто приятно, что у ингушей такая работа проводится. Отдельные программы есть по возвращению русскоязычного населения в республику. И мы здесь исходим из того, что реализация этой программы в первую очередь касается тех русскоязычных семей, которые живут в республике. Буквально недавно мы вручали ключи семье. Девушка там же живет, там же в церкви работает, поет в церковном хоре и возглавляет его. Она вышла замуж, парень из Сибири, она его привезла, и он сейчас тоже будет работать в церкви, и они получили квартиру и теперь будут жить здесь, в республике. Или другой пример, когда в семье 3-4 детей, парень женился и привез невесту со Ставрополя, и с отцом вместе работает механизатором в крестьянско-фермерском хозяйстве. Они вместе работают, они получили жилье. И таких очень много. И когда я встречаюсь непосредственно с русскоязычным населением, то я им тоже говорю: "Ребята, моя задача — удержать вас сегодня и дальше этот потенциал потихоньку наращивать".

— Сколько русских проживает в республике сегодня? Сколько приезжает ежегодно?

— В прошлом году — порядка 20 семей. Это немного, но для нынешней ситуации даже очень хорошо. И в этом году — две семьи, не более. Опять же мы не видим перспективы возвращения людей в республику. Здесь, все-таки, нам не справиться самим, и мы предложили правительству России определенную программу. В Оренбургской области построен такой населенный пункт. Мы изучали опыт того русскоязычного населения, которое из Казахстана захотело жить в Оренбургской

Тендеры, конкурсы проведены, определены генподрядчики, там же работают уже субподрядчики, и работа уже идет. В этом году погода мешает очень сильно. Только в течение месяца установилась хорошая погода, когда мы можем строить. Остальное время шли очень сильные дожди, и земли не давали строителям выходить. Основа — все-таки площадки. Сейчас процесс пошел, сейчас строители работают в 2-3 смены. Летом мы сорвем, я думаю, сроки где-то на 2 месяца с учетом погодных явлений, но, тем не менее, я думаю, построим. Опыт у нас уже есть в этом направлении. Мы не строим школы, больницы, для социальной инфраструктуры денег нет. Мы там уже сами ищем средства и возможности, чтобы из бюджета республики исправить все. 3 млрд руб. пойдут только на строительство жилья и еще на внешнюю инфраструктуру, только для этих целей.



области. Мы этот опыт изучили, посмотрели и считаем, что мы тоже могли бы реализовать эти проекты. Мы сделали землеотводы, площадки выбрали и думаем сделать смешанный поселок, где превалировало бы 60% коренного населения и 40% русскоязычного населения. И нужно создать им одинаковые условия – создать рабочие места, развивать малое и среднее предпринимательство. В этом случае будет все нормально. Если же мы пригласим русскоязычную семью и будем платить им зарплату, больше в разы, чем коренному населению, то создадим конфликтную ситуацию, мы сделаем хуже, настроим людей друг против друга. Это одна как бы задача. И вторая задача – мы приглашаем, но не на постоянную основу, а для работы по контракту. У нас, например, и в прошлом году, и в этом особенно порядка 40 русскоязычных специалистов приехали работать в сфере образования, здравоохранения и нефтегазового сектора. Это люди, которые приезжают работать по контракту на несколько лет. Вот им мы даем большие зарплаты, потому что это узкие специалисты, которые учат наших.

— А специалисты какого профиля сегодня нужны Ингушетии?

— Если брать медицину, то это специалисты в области педиатрии, стоматологии. У нас построен очень хороший современный стоматологический комплекс. Наши врачи тоже хорошие, и они тоже владеют методиками. И по любым направлениям наши пациенты приезжают в Москву в ведущие клиники. Ведущие врачи в Москве оценивают предварительную работу наших врачей на высоком уровне. Но не хватает окулистов,

хирургов. Детские болезни – это страшная картина, мы даже заключили соглашение с Лео Бокерией и проводим сейчас акцию "Прикоснись к сердцу ребенка", чтобы за этот и за следующий год сделать операции всем детикам-сердечникам. В сфере образования – опять же начальные классы. У нас тоже провал в этом направлении. В нефтегазовой сфере нужны специалисты. Те, которые были, уехали, когда это все развалилось. Наши специалисты работают и в ЛУКОЙЛе, и в Газпроме. И мы вынуждены таких специалистов сегодня приглашать к себе в республику. В электроэнергетике опять же – на уровне среднетехнического образования не хватает специалистов. В сфере государственного управления: планирование, организация работы – это основа любой организации. Здесь тоже есть определенные трудности, и мы приглашаем специалистов, чтобы проводить мастер-классы.

— Вы приглашаете специалистов все-таки с дальним прицелом – что они поработают по контракту и останутся?

— Примеров много: те, кого мы приглашали на месяц-два... Вот у меня заместитель главы администрации – мы его на днях ставим руководителем аппарата правительства, мы его пригласили на год по контракту, он поработал и сам хочет остаться. Он специалист высокого уровня. Так же в сфере здравоохранения, образования. Люди, которые здесь поработали, им, во-первых, местные жители понравились, они сами уже втянулись, просто находят себя и желают остаться и работать дальше. Мы для таких людей тоже предусматриваем жилье.

— Главное препятствие для приезда славян – это безопасность. Как Вы оцениваете ситуацию?

— У меня есть такой девиз: на Кавказе я – ингуш, в Москве я – кавказец, а за пределами России я – русский. А что касается ситуации, то все нормально и все спокойно. И те, кто совершают свои злодеяния, они это будут делать, у нас не спрашивая, а наша задача – успокоить население и навести в этом направлении порядок. Сегодня, если брать регионы РФ, то там, к сожалению, в сотни и сотни раз страдают больше славяне от самих же славян – и убивают, и насиляют, и все-все. А как только у нас это происходит где-то, то почему-то на это обращается особое внимание, даже если это просто пьяная драка или разборки между собой. И это тоже имеет место быть. Там, где живут люди, там всегда есть и положительные стороны, и отрицательные, и конфликт интересов всегда бывает. Но на сегодня, слава Богу, сами местные жители, которые жили раньше среди русскоязычного населения, понимают – что монореспублика – это ущерб самой республике в развитии самой республики, нации, самого нашего народа. И они прекрасно понимают, что в процентном соотношении должны жить не только русские, но и другие национальности, чтобы учиться друг у друга, соблюдать какие-то каноны, интегрироваться и жить совместно. Только в этом случае мы можем развиваться. Сегодня я оцениваю ситуацию по безопасности довольно устойчиво, нормально и спокойно. Люди могут спокойно жить и радоваться жизни.

— В одном из своих недавних интервью Вы сказали о том, что в 2012г. почти на 3000 процентов вырастут частные инвестиции в Ингушетию. Откуда такая уверенность? Куда пойдут эти средства и кто, собственно, станет инвесторами?

— Инвесторы уже работают. Сегодня они работают более чем на 20 млрд руб. — в 2011г. они зашли и в этом году работают. Если у нас в 2010г. было частных инвестиций за 600 млн руб., в 2011г. было за 2 млрд, то в этом году такой прорыв. Направления: агропромышленный комплекс, у нас один инвестор уже "закопал" в хорошем смысле слова более 700 млн руб. Пока я сам там не побывал, я бы никогда в жизни не поверил. Он строит мощный элеватор. Мы даже вынуждены будем сегодня заключать с Зерновым союзом соглашение, потому что у нас близко даже нет того, что бы перерабатывал этот элеватор. Думаю, что с округа нужно туда завозить зерно, чтобы этот элеватор мог перерабатывать. Этот проект более чем на 5 млрд руб. Второй инвестор развивает минеральную воду "Ачалуки", она

уже известна и за пределами России, завод уже работает, инвестор его расширяет, строит стекольный завод, строит логистику – мощный комплекс. Он же делает реконструкцию центрального рынка в г.Назрани. Его проекты – это более 7 млрд руб. Еще зашли инвесторы, которые работают по животноводческому комплексу. Еще один инвестор занимается разведением птиц. На выходе инвестор по переработке лесной древесины. У нас только в этом году в Назрань зашли инвесторы более чем на миллиард рублей. Это строительство мощного жилого комплекса там, где у нас воинская часть стояла, и строительство мощного развлекательного комплекса. И в комплексе мы делаем один из брендов, которого нет уж на Северном Кавказе точно, – зону отдыха для людей с ограниченными возможностями. Ну и еще много-много таких вещей, которым мы уделяем внимание для привлечения инвестиций. Поэтому мы рассчитываем это в цифрах, понимая, о чем говорим, и мы уже видим то, что делается в республике, что инвесторы плотно уже работают в этом направлении. В том числе и под государственные гарантии, которые для Северо-Кавказского федерального округа правительство России выделяет.

— Рассматривается ли туризм как стабильный источник доходной части республиканского бюджета?

— Не столько как стабильный источник доходной части бюджета, туристический кластер я все-таки рассматриваю как мощное развитие малого и среднего предпринимательства. И мясное производство, и хлебобулочное, и "молочка", и национальные сувениры – куча всего, не говоря уже про сервис. Огромное количество жителей уже хотят участвовать в таких проектах, как семейная гостиница, гиды, сопровождение. Развитие туристического направления существенно снизит и безработицу, даст людям возможность зарабатывать, и пополнение бюджета в том числе. — Самый главный фактор для меня сегодня — показать республику, в первую очередь россиянам, не ту, про которую все время рассказывают, что там что-то взорвали. Есть другая Ингушетия – та, которая настоящая. И дать возможность своим жителям – у нас все федерации присутствуют – горнолыжные, другие и они вынуждены уезжать в Кабардино-Балкарию, другие регионы, что тоже неплохо, но опять же своего нет. Мы хотим все-таки сделать для своих жителей отдушину, чтобы они могли заниматься. И там будут льготы для жителей республики. Буду контролировать, пока я буду у власти, — где-то 30-процентную льготу для жителей республики мы сделаем. Мне хочется, чтобы жители республики отдыхали у себя же дома.

Предварительно, на что мы рассчитывали, это более 20 млрд руб. на то, чтобы вложить в первый этап развития туризма. А в целом – порядка 47 млрд руб. на то, чтобы закольцевать то, что мы запланировали. Мы, опять же не дожидаясь помощи федерального центра (уже сейчас активно работы идут), планируем завершить работу по горным лыжам к концу ноября 2012г. "Курорты Северного Кавказа" какие-то условия выставляли, и мы просили средства, но средства федерального бюджета – это средства на инфраструктуру, а остальное – уже инвестиционные. На сегодня на инфраструктуру мы запросили более 6 млрд руб.

— Есть ли проблема дефицита земли? Действительно ли через 30-40 лет в Ингушетии жить будет негде?

— С учетом того, что рождаемость, слава Богу, имеет место быть, демография хорошая, не то что жить будет негде, например, чтобы расселять людей мы вынуждены будем переводить сельхозугодия под жилищное строительство. А если брать срок жизни человека – 70-80, пусть 100 лет — там будет реальная катастрофа. Поэтому мы сейчас стараемся к земле относиться очень бережно, идти вверх, отходить от привычного для людей частного дома. Мы сейчас убеждаем, хорошо, что молодежь больше склоняется к квартирному типу жилья, чем к частному домовладению. В связи с этим мы уже начинаем строить квартирные дома для всех категорий населения, делаем рекламу, просим людей, которые когда-то получили участки земли под частные застройки, вернуть назад с учетом того, что инвестор построит там квартирное жилье, и хозяин, вернувший землю, приобретет квартиру дешевле на 50%, чем она стоит.

— Удалось ли остановить катастрофическое разбазаривание земель в республике? Сколько было изъято земли?

— Не скажу, что у нас было катастрофическое разбазаривание. Но есть огромное количество людей, которые взяли землю и ее не использовали. Мы за 3,5 года вернули порядка 27 тыс. га земли в сельхозугодия. Помимо этого, многие земли, там где не сельхозугодия, пользуясь своим служебным положением, чиновники разных рангов себе присваивали десятками гектаров — это тоже мы вернули назад. И на этих землях в первую очередь строим объекты, социально и экономически важные для республики по федеральным целевым программам. Но главное – мы остановил этот беспредел и сейчас потихоньку из этой ямы выходим. Для ингуша земля — это самое святое. К сожалению, за землю проливают и кровь. Сказывается тяжелое положение с землей в горной ча-

У меня есть такой девиз: на Кавказе я — ингуш, в Москве я — кавказец, а за пределами России я — русский. А что касается ситуации, то все нормально и все спокойно. И те, кто совершают свои злодеяния, они это будут делать, у нас не спрашивая, а наша задача – успокоить население и навести в этом направлении порядок. Сегодня, если брать регионы РФ, то там, к сожалению, в сотни и сотни раз страдают больше славяне от самих же славян – и убивают, и насиляют, и все-все. А как только у нас это происходит где-то, то почему-то на это обращается особое внимание, даже если это просто пьяная драка или разборки между собой. И это тоже имеет место быть. Там, где живут люди, там всегда есть и положительные стороны, и отрицательные, и конфликт интересов всегда бывает.

сти Ингушетии, где каждый клочок, каждый сантиметр были на вес золота. Конечно, мы к земле относимся очень бережно и пытаемся навести порядок.

— **Каковы позиции Ваши и Вашей власти в регионе в отношении будущего молодежи региона?**

— В прошлом году на поддержку молодежи, на молодежную политику было выделено 20 млн руб., в этом году — 50 млн руб. Для региона — это хорошие средства, я думаю, что в следующем году это будет в разы больше. Мы участвуем во всех молодежных программах и форумах, которые проводятся в РФ, в других регионах, и тем самым даем нашей молодежи понять, как нужно жить, как развиваться, чем нужно заниматься и делиться и что нужно брать там хорошего и что хорошее надо свое показывать. Мы проводим огромное количество молодежных мероприятий в республике, создаем различные виды спорта, в том числе и экстремальные направления — то, к чему молодежь всегда стремится. Если взять последние примеры буквально, то вспоминаю, что когда я в республику пришел и куда бы ни приехал к молодежи, мне везде говорили: "На машинах нам гонять негде. Ночью не разрешают, полиция за нами гоняется". И мы задумали и построили, опять же подчеркну — из внебюджетных источников, хороший современный автодром. Мы сейчас технически его упакуем, там "старт — финиш", я уже сам участвовал в первых гонках, на скорости 150-180 покатался на своей машине — мощная трасса, импульс хороший дает. Это тоже для молодежи. Мы позавчера завершили Кубок России по парашютному спорту. Мы создаем свою парашютную команду по линии ДОСААФ, свою альпинистскую команду, секции различных видов спорта, которых не было в

республике. Экстремальные виды спорта — рафтинг и другие — это все тоже делаем для молодежи. Только в этом году мы сдали пять физкультурно-оздоровительных комплексов, в том числе за счет собственных средств и за счет софинансирования 50 на 50 с федеральным центром. Молодежь — это реально и есть наше будущее. Я всегда говорю: подходите к молодежи так, как своим детям. Вот у меня есть дети, я же на них смотрю как на свое будущее. Кому я должен передать дом, который я построил, еще что-то? Так же надо подходить и в общем к молодежи. И мы будем в разы ежегодно увеличивать программу ее поддержки.

— **Беспокоила ли Ваш регион проблема ваххабизма? И если беспокоит, то как власти с этим борются?**

— Нас эта проблема совершенно не беспокоит. Ваххабизм — это проблема ваххабистов. Знаете, мы выстраиваем такую политику — все должно быть нерадикальное. Радикалы, те, которые пытаются это силой навязать, — это не религиозные деятели, это безбожники. Потому что нельзя пытаться силой навязать кому-то свою веру, мнение, идею. Я к этому вопросу знаете как отношусь? Я приводил такие примеры, и в том числе среди тех ребят, которых почему-то называли ваххабитами. И того, кто об этом говорил, я спрашивал: "А что такое ваххабизм?", и он мне не смог ответить, он просто не знает этимологии этого слова, но при этом же модно сказать: "Вот он — ваххабит". И я им привел самый простой пример, предложил: "Давайте отступим сейчас от религии и посмотрим. Вот я — офицер, военный, девушка — учитель, вторая девушка — водитель троллейбуса, еще кто-то — шахтер, еще кто-то — летчик. Это профессии. Я же не лезу к этой девушке и не говорю: "Почему ты

не офицер?", так же и она не говорит мне: "Почему ты не учитель?". То же самое и в религии: вот мы все здесь сидим — разных конфессий, и если мы сейчас начнем доказывать, чья религия лучше, мы это докажем кому-нибудь? Никогда. И пытается это делать только враг любой религии, безбожник. Почему? Потому что изначально эта идея в этой комнате, где мы мирно беседуем, взорвет эту комнату, потому что это нереализуемые вещи. Вывод какой? Значит, в этом человеке дьявол, и он выиграл душу этого человека, и он пытается вот это все дьявольское навязать везде. И мы так выстраиваем свою политику, находим понимание у той части молодежи, которая почему-то считала, что она отреклась от чего-то. Это проблема человека. Некоторые даже говорят, что они — верующие. Я всегда отвечаю: "Это его личное дело, личная проблема, потому что в судный день в любой религии никто ни за кого не отвечает". В любой религии, что в Библии, что в Коране, — там лично человек сам отвечает перед Богом, что он делал и как он делал. Ни вы, ни кто свидетелем туда не пойдет и не скажет: "А вот Евкуров был такой хороший". Это не принимается. Каждый сам за себя. Поэтому религиозные темы не надо выставлять вперед, пытаюсь этим сказать, что ты хороший человек. У меня такая позиция, и я это вкладываю в головы, особенно молодежи: молитесь, живите, но понимайте, что каждый из вас сам в ответе за свои действия, а не коллектив или еще кто-то.

— **Постоянно появляется информация о том, что на территории республики действуют чеченские силовые структуры, действительно ли это так или это слухи? Часто появляется информация о том, что Д. Умаров может находиться на территории Ингушетии. Что Вы об этом думаете?**

— Силовые структуры так выстроены, особенно те, которые активно где-то выполняют какие-то задачи, они ее выполняют и им хочется сразу просигнализировать в эфир. Но при этом они совершенно не задумываются над этим. Я считаю это, в первую очередь, невоспитанностью в отношении руководителя силового органа соседней республики — моей или любой другой, субъекта РФ, который говорит, что он зашел в соседний субъект и там что-то сделал. Это то же самое, как бы я пошел к соседу в дом, что-то взял и ушел. Унижает это все. Даже если это так, то некрасиво это говорить или делать, это демонстрация и вызывает ответные действия. Никакие силовые структуры без согласования не работают, а работают только совместно. Это есть — работаем мы, работают чеченцы, работают осетины. Но это не мы, не чеченцы, не осетины — это структуры

МВД или Федеральной службы безопасности, это все федеральные правоохранительные органы. Работают, подключая главк Северо-Кавказского региона, бывает, приезжают из центрального аппарата — там, где серьезные операции. Были случаи, когда попытались с одной стороны, с другой стороны, в том числе наши поехали в соседний регион, где мы жестко за это наказали. По поводу Доку Умарова. Они себе выбрали самый оптимальный вариант — у них нет там Ингушетии, Чечни, у них есть эмират Кавказ. Они себе границу очертили, и в этих границах якобы мы будем ходить. Бесспорно, и у нас они появляются, и в Чеченской Республике, и в Дагестане, там, где у них определено совещание, они туда перемещаются, пока не попадают в засады или в поле зрения правоохранительных органов. Нельзя исключить, что тот же Доку Умаров может иногда находиться в Ингушетии. Даже та банда — это довольно крупные руководители бандподполья — вот последние, которые двое уничтоженных, один раненый. Они из Гудермесского района Чечни нашли временное пристанище в одном из сельских поселений на границе Чеченской Республики. Потому что удобно — лес рядом, уйти можно быстро, в Чечню буквально несколько километров. Мы работаем, они тоже в очередной раз попались на ловушку и были наказаны.

— **Сколько боевиков было ликвидировано на территории Ингушетии с начала года и сколько за последний месяц?**

— Я подсчеты не вел, и вообще я сторонник того, что не надо эти цифры озвучивать, потому что как бы мы ни хотели, но на Урале это воспримут так, скажут: "Хорошо, молодцы", а на Кавказе, даже если это бандиты, могут воспринять не так. Потому что идеология руководителей бандподполья выстроена таким образом, что, даже если уничтожен самый ярый мерзавец и бандит, они все равно в прессе и в интернете выставляют, что какой он был хороший человек, прежде всего. Ну, и среди людей, среди молодежи, в частности, появляются те, кто начинает сомневаться: "А может, это правда? Может, и правда не виноват, может, он действительно хороший?". И если сегодня один из лидеров бандподполья начнет грабить кого-то и убивать, чиновников и еще кого-то, а деньги будет раздавать беднякам, то он превращается уже не в бандита для простого человека, а в Робин Гуда. Поэтому мы не хотели бы эти цифры озвучивать, но в целом я скажу, что, наверное, порядка 20 человек. И вы правильно подметили, для меня они не бандиты (особенно молодые), хотя их так называют. Но те, которые сейчас уничтожены трое, — это да, это настоящие бан-

диты и отморозки, и их только таким способом и можно было уничтожить. А те молодые пацаны и девушки — это заблудшие, которые не сориентировались в жизни, обиделись. Вот для примера: ребенку-школьнику двойку поставили, и он идет на крышу и совершает самоубийство, так вот там тоже много таких обиженных, которые в университет не поступили, родители обидели, и их уведят и мозги им засоряют. А если говорить о цифрах, то за последний месяц у нас — эти трое, и все равно хочу сказать, что все-таки это смерть людей, независимо от того, бандиты это или не бандиты. Чем меньше будет этих бандитов — тем меньше будет и смертей. В любом случае это смерть, и ей нельзя радоваться. Это надо быть дьяволом, чтобы смерти радоваться. Однако в этом месяце у нас получается порядка 6-7 человек.

— **У Вас, а также в Дагестане и в Кабардино-Балкарии работает комиссия по адаптации. Что конкретно дала эта комиссия? В Дагестане говорят, что некоторая доля для спирали насилия есть и у федеральных силовиков, которые нарушают права человека. Какое значение имеют эти правонарушения при выполнении спецопераций федеральными силовыми структурами?**

— По адаптационной комиссии могу сказать, что она есть — это уже большой плюс. Она бы могла вообще никаких плодов не приносить. Но то, что она есть — это уже плюс. Это знаете как — в комнате душно, есть форточка, а открыл форточку, уже хоть какой-то сквозняк. Но если форточки нет — вообще духота, так и здесь. Нашу комиссию мы делали по опыту Дагестана, и она дает хорошие положительные результаты, и поэтому мы ее полномочия расширяем на муниципальные образования. И я надеюсь, что эта работа пойдет еще активнее. Мы здесь не только членам бандподполья и их родственникам, но и всем преступникам — всем, кто находится в розыске за наркотики, за разбойные нападения, то есть по другим видам преступлений, мы всем даем возможность пройти через адаптационную комиссию. И плюс мы через эту комиссию пропускаем тех, кто освобождается из мест лишения свободы. Мы разработали план, когда родственники за год до того, как их сидящий в тюрьме родственник должен освободиться, могут придать подавать заявку, и мы уже можем искать рабочее место этому человеку, чтобы его интегрировать в общество. Ни одна зона, самая суперхорошая в мире, не воспитывает человека, а, наоборот, еще больше разлагает, даже нормального человека, который слу-

По адаптационной комиссии могу сказать, что она есть — это уже большой плюс. Она бы могла вообще никаких плодов не приносить. Это знаете как — в комнате душно, есть форточка, а открыл форточку, уже хоть какой-то сквозняк. Но если форточки нет — вообще духота. Нашу комиссию мы делали по опыту Дагестана, и она дает положительные результаты, и поэтому мы ее полномочия расширяем, такие же комиссии будем создавать в муниципальных образованиях.

чайню туда попадает. Общество должно быть готово встретить этого человека и помочь ему, с учетом наших обычаев и традиций. Нам чуть-чуть полегче это сделать, чем в других регионах России. По вопросу, как вы говорите, беззакония в действиях правоохранительных органов. Любая правоохранительная система не может всегда работать в белых перчатках. При всем желании. Здесь я обращаю внимание на то, чтобы минимизировать нарушения прав человека при проведении различных спецопераций. Особенно там, где применяется оружие, тяжелое вооружение в том числе. Что значит, если квартирный дом оцепили, идет активная стрельба? В этом случае повреждения получает не только та квартира, откуда боевики ведут стрельбу, но и соседние квартиры. Вот именно в эти секунды вывести людей из опасной зоны и после завершения восстановить все, что пострадало, что испорчено у людей, независимо, какие бы ни были доводы. Да, мы говорим: "Вы что не видели — у вас соседи бандиты живут?" Есть желание такое сказать. А что у него на лбу написано, что он бандит? Не написано.



И по инвестициям. Мы обращаемся к руководству страны по этому поводу, на очень высоком уровне просим помощи. Когда рядом есть много соблазнов для инвесторов – Краснодарский край, Ставропольский край, Кабардино-Балкария, другие регионы, конечно, им идти в республику со своими инвестициями не особо хочется. И мы больше делаем упор на своих ингушей, у которых есть средства, которые могут вкладывать. Просим руководство страны в какой-то степени, может быть, обязать зайти с инвестициями и поработать в республике.

Опять же любой гражданин может сказать: "Это ваши проблемы, сами работайте, у меня же нет удостоверения МВД или ФСБ. Я вас не трогал, а вы пришли и мой дом разрушили". Почему вводятся режимы контртеррористических операции? Я не раз от журналистов слышал: "Для того чтобы те, кто проводит КТО, заработали на этом деньги". Якобы за каждый час там деньги. Нет, это слишком мелко. Мы настаиваем на введении режима КТО потому, что если мы его введем, и там разрушено здание или еще что-то, то мы имеем возможность получить компенсацию из федерального бюджета. Мы настаиваем на том, чтобы ввели ре-

жим КТО – вдруг что случится? Поэтому нам это удобнее. Есть нарушения определенные, но умышленного, специального, предвзятого нарушения нет. Нет у нас таких даже самых плохих спецслужб, которые бы умышленно это делали бы. Есть некоторые рабочие моменты, попадают такие моменты. Мы, власти у себя в республике, пытаемся после всего этого и извиниться, и наладить диалог, и восстановить, понимая, что ну вот случилось так, ну что же теперь делать?

— **Вы отметили день рождения прыжком с парашютом; но почему прыгали в тандеме? Действительно ли с парашютным спортом сравниваете процесс переговоров об инвестициях в республику: якобы, некоторые прыгают сами, а кому-то требуется толчок в спину.**

— Знаете, я в тандеме не хотел прыгать, для меня это было позорно. Но согласился с учетом того, что на таких куполах не прыгал, и с небом шутить нельзя и "подвиги" такие совершать тоже нельзя — это раз. А во-вторых, я после событий 2009г. еще не проверял себя так уж серьезно с прыжками – можно ли это все делать. Но желание было, и товарищ стоял, поэтому я в тандеме, но при условии, что после тандема мы должны были прыгнуть уже на обычном парашюте. И вот когда мы добились, что эти условия будут выполнены, тогда я согласился с 3 тыс. м прыгнуть тандем. Кстати, если не прыгали – советую прыгнуть. Великолепно, запомнится на всю жизнь. Но зато второй прыжок, там, где я самостоятельно и с высоты уже не 3 тыс., это самый экстремальный вид — с высоты 150 м, есть такое понятие – принудительное открытие парашюта, вот это да – это я засчитал как свой 248-й парашютный прыжок. Это было уже более захватывающее, это значит — хорошо я отметил день рождения.

И по инвестициям. Мы обращаемся к руководству страны по этому поводу, на очень высоком уровне просим помощи. Когда рядом есть много соблазнов для инвесторов – Краснодарский край, Ставропольский край, Кабардино-Балкария, другие регионы, конечно, им идти в республику со своими инвестициями не особо хочется. И мы больше делаем упор на своих ингушей, у которых есть средства, которые могут вкладывать. А остальных мы просим руководство страны в какой-то степени, может быть, обязать зайти с инвестициями и поработать в республике. Ну да, выходят на нас и канадские инвесторы, и другие по лесной промышленности, Почему? Потому что такие ценные лесные породы, как у нас, не везде в регионах есть. У нас есть плюс в этом деле. Выходят на нас инвесторы и по цементной промышленности, у нас есть

возможности в этом направлении, выходят на нас Саудовская Аравия, другие арабские страны и Израиль, потому что тоже есть возможности. Вот там, где они находят и, видят, что здесь выгодно, и мы им даем возможность. А в общем — то, что можно сделать в Ставропольском крае, зачем они это будут делать у меня? Вот мы хотим компенсировать эту разницу тем, чтобы, во-первых, своих завлечь, ну и попросить руководство страны, чтобы крупные корпорации заставили инвестировать в республику, чтобы и они зарабатывали у нас. Ну, и нам бы было хорошо. А связывать инвестиции с толчком или с прыжком, я думаю, что это неправильно, потому что если инвестиции таким образом, пинками выкидывать из самолета, то это будет не инвестиция, а каторга.

— **Государственная граница проходит в Ингушетии сравнительно недавно — лет 15 или 18. Длина границы — 150 км. Чем живет население приграничных регионов, каково его социально-экономическое положение? Как жители воспринимают нахождение пограничников на своих землях? Поясню: вступает в силу постановление, которое накладывает ограничения на посещение, нахождение в какой-то километровой зоне у госграницы.**

— Протяженность государственной границы – 82 км с Грузией. Конечно, с учетом того политического режима, который сегодня в Грузии, ни о каком приграничном сотрудничестве речь не идет. Хотя у ингушей и грузин испокон веков очень много плотных взаимоотношений, родственных в том числе. Но уверен, что когда-нибудь это все изменится и мы опять найдем хорошего союзника на этих 82 км границы. Взаимодействие с Грузией, в том числе экономическое, довольно хорошо сказалось бы на социально-экономическом развитии республики. Само нахождение пограничников – это плюс. У нас пограничная зона в большинстве своем – это район, где мы создаем курортную зону. Мы умышленно с учетом той ситуации, которая была в 2008, 2009, 2010гг., умышленно расширили эту пограничную зону и защитили ее от нахождения различных преступных группировок. Для жителей трудностей как таковых, кроме того, что они проезжают через пограничный пост, нет. У всех есть пропуск, документы, каждый имеет право. Для жителей неудобство вызывает то, что они привыкли, как всегда, вот гость приехал – ну, пускай едет. А тут надо за определенный период заявку подавать, то есть к дисциплине приучать, что это все-таки пограничный режим. Проблем, связанных с пастбищами и всеми делами особо тоже нет. Наоборот, у нас самое плотное взаимо-

действие с пограничниками – когда вот это стихийное бедствие случилось, все друг другу помогли. И когда, даже забыв про свое, в первую очередь выручали местное население – это дорогого стоит. Я даже благодарственное письмо направил на имя директора ФСБ, на имя главного пограничника страны Владимира Проничева о том, чтобы поощрить пограничников за эти подвиги. По-другому быть не может. Границу охраняют не пограничники, границу охраняет народ. Поэтому у нас пограничники так к этому относятся – только вместе с населением можно эти 82 км границы охранять. — Вопрос: Как Вы подбираете людей в свою команду? Со многими ли приходится расставаться по причине неблагодарности? Президент Ингушетии: Нет какой-то особой технологии. Беседа, конкурс или так, понравился человек. Это может как-то внезапно произойти или человек обратился, мы проверили. Я беседую со студентами, выпускниками, смотрю, как строится беседа, могу выдернуть даже из среды. То есть вот так я подбираю людей в команду и смотрю, как они работают. Ну, и бывают случаи, когда мы людей увольняем и за непрофессионализм, и за непорядочность, в том числе. Ну, и есть такие, которых мы понижаем или куда-то перемещаем, и не потому, что он непорядочный или нехороший человек, но просто ему это не дано, не его это дело.

— **Вы упомянули, что ваш дотационный регион страдает большой рождаемостью. Говорят, что вы уже хотите ограничить рождаемость девочек, а сделать так, чтобы рождались только мальчики, потому что у вас нет рабочих рук. Вы желаете привлечь к себе в республику россияне; может быть разрешить многоженство?**

— Кстати, мы тоже россияне, чтобы вам было ясно. Я вот себе представил: УЗИ показывает, что девочка должна быть. И как можно сделать, чтобы девочка, пока не родилась, превратилась в мальчика? Я не понимаю. И, кстати, я вам скажу, что у меня два мальчика и девочка, так вот девочки лучше, чем мальчики. Девочка, она хоть и маленькая, но она уже умеет так тебя обезоружить, что мальчишкам даже и не додуматься до этого. Конечно, девочка больше привязывается к папе, и эта любовь, она есть. А это все только слух и полный абсурд — рожайте кого хотите.

А по поводу многоженства отвечаю: "Нет". Это просто абсурдный слух. К вопросу многоженства я подхожу так: есть какие-то каноны в религиозном плане, они прописаны. Светские законы издавать не надо. Хочет человек жениться и он в состоянии содержать жен – пускай женится. Это не только у нас в ре-

спублике. Посмотрите и в Москве, и везде – у каждого есть не только жена, но и любовница. Это что, не многоженство что ли? Многоженство, только не узаконенное. И у многих на стороне рождаются дети. Но любой ребенок, рожденный вне брака, это внебрачный ребенок, это грешное дело, если мы верующие люди. Но определять многоженство – я категорически против этого.

— **Чиновникам Вы запретили летать бизнес-классом. Каких преференций Вы еще лишили людей, работающих во власти?**

— За бюджетные средства летать бизнес-классом – во-первых, там не всем места хватает, и когда трое чиновников вылетают и все трое хотят претендовать на одно место, это тоже неправильно. А во-вторых, пусть все летают с пассажирами и все проходят как обычные пассажиры. Я сейчас изучил состояние маршрутных такси, автобусных перевозок: уже задача такая поставлена — мы сейчас будем проверять, чтобы чиновники по графику ездили из одного района в другой на маршрутках и на автобусах и смотрели — как там? Это не будет каждый день, это будет, может, раз в месяц, но при этом его задача не просто проехать, а изучить проблему этого маршрута, этого автобуса, и потом эту проблему решить. Такая же задача и в поезде. Мы практикуем, что раз в квартал один из чиновников должен выезжать на поезде в Москву и обратно и изучить, какие проблемы есть у людей в этом поезде. То есть это дополнительная задача, где чиновник более углубленно видел бы проблемы, которые по его профессии, его специальности, по его обязанностям касаются.

— **Согласно рейтингу, Вы входите в тройку лидеров по информационной от-**

крытости среди глав субъектов Федерации. Блоги сами ведёте?

— Нет. Представьте себе, глава республики вот так сидит и пишет. Все ответы там мои, это точно. Мне утром приносят вопросы, и я каждое утро начинаю с обзора прессы, по разделам – "Российская Федерация" и "Что в мире", и многое выхватываю, в частности по молодежной политике. И если я что-то интересное вижу, я сразу пишу руководителю молодежного комитета: "Изучить". Это очень полезно, и заставляю так делать и правительство, и всех остальных чиновников, потому что это очень полезно, делитесь опытом, смотрите, что нового в мире твориться. И тут же я изучаю, что там в блогосферах, в Twitter, в ЖЖ и в других, и если есть ко мне вопросы, я сразу же отвечаю. Я пишу своей рукой, затем отдаю помощнику, и он там все это забывает. То есть веду я сам, а помощник мне помогает технически это выполнять.

— **Скажите, а правда, что на Ваш сотовый номер может позвонить любой ингуш, что Ваш номер не является секретным?**

— Не скажу, что любой, но да, очень многие звонят. Мой номер не является секретным. Если я сейчас посмотрю (я его в машине оставил на зарядке), то там будет огромное количество сообщений от простых людей. Иногда звонят, берешь трубку: "Это Вы?", "Да, я". "А вот у меня такая-то проблема". Этот номер знают многие, и они, конечно, друг другу его передают, и я его не меняю. Раз в неделю я отдаю его помощнику, он выбирает там сообщения, которые сбрасывают туда люди, по этим сообщениям он делает анализ, и мы разбираемся. Но этот телефон – очень хороший помощник, потому что он позволяет быстро-быстро увидеть некоторые болевые точки.



